
В НЕБЕ—КРЫЛАТЫЕ ХЛЕБОРОБЫ!
ОГОНЁК
№ 17 АПРЕЛЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! АКТИВНО БОРИТЕСЬ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ XXIV СЪЕЗДА КПСС! ОЗНАМЕНУЕМ 50-ЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ СССР НОВЫМИ ДОСТИЖЕНИЯМИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ ЗА УСПЕШНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИЙ ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА!

Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1972 года

Цех завода электровакуумных приборов. На первом плане — одна из лучших монтажниц, Тамара Шевченко.

Фото Э. Эттингера.

КРАСНАЯ СУББОТА СТРАНЫ

Праздником в рабочей спецовке, праздником труда войдет этот день в летопись жизни нашей страны, в ее биографию... Из края в край прошел этот день своей созидательной поступью, эстафетой Великого почина, ведущего нас вперед.

Красная суббота 15 апреля ознаменовалась высокими образцами подлинно коммунистического труда, достойно продолжила ленинские традиции первого субботника.

Коммунистический субботник знаменателен тем, что он посвящен 102-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина и 50-летию образования СССР.

Вся страна вышла на субботник. Ожили в этот день краны монтажников — в голубое небо столицы они вписали четкую геометрию металлических конструкций и пламень алых стягов; такими стройки бывают только в дни больших, всенародных празднеств. Строители и отделочники работали в Чертанове и Теплом Стане, в центре города и в его новых районах.

В этот день с главного конвейера «Ростсельмаша» сошел еще один комбайн — в сопровождающем его заводском паспорте будет стоять: «15 апреля». Придет этот комбайн на колхозную или совхозную ниву, увидит хлебороб эту дату... У горьковских автомобилестроителей суббота тоже отмечена добрым итогом — в фонд девятой пятилетки внесено продукции на два с половиной миллиона рублей... Из цехов узбекской фирмы «Красная заря» вышли две тысячи женских, детских и мужских пальто. «Изготовлено в день коммунистического субботника» — специальные вкладыши сопровождают каждое субботнее изделие ташкентских швейников...

15 апреля стал большим днем и на новостройках пятилетки, и в цехах давно уже работающих заводов и шахт, в совхозах и колхозах. Словом, повсюду. Поистине вся страна участвовала в субботнике.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 17 (2338)

Основан 1 апреля 1923 года

22 АПРЕЛЯ 1972

◀ Памятник В. И. Ленину на площади В. И. Ленина в Берлине. Скульптура Героя Социалистического Труда Н. В. Томского.

Фото А. ГОСТЕВА.

12 апреля в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание, посвященное Дню космонавтики. Среди участников собрания, пришедших отметить 11-ю годовщину со дня полета Юрия Гагарина,— рабочие, космонавты, ученые, конструкторы, инженеры, занимающиеся проблемами космонавтики, создатели космической техники, представители партийных, советских и общественных организаций Москвы, воины Московского гарнизона.

Бурными аплодисментами встретили присутствующие товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н.

По приглашению Президента Турецкой Республики Джевдета Суная Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный с 11 по 17 апреля 1972 года находился с официальным визитом в Турции.

Во время переговоров в Анкаре, проходивших в дружественной и откровенной обстановке, в духе взаимопонимания были рассмотрены двусторонние отношения и состоялся широкий обмен мнениями по актуальным международным проблемам.

Декларация о принципах добрососедских отношений между СССР и Турцией, совместное коммюнике открывают новые возможности и перспективы для дальнейшего укрепления советско-турецкого сотрудничества в интересах народов обеих стран, упрочения международной безопасности.

17 апреля Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный возвратился в Москву.

На Внуковском аэродроме Н. В. Подгорного встречали товарищи Д. С. Полянский, Ю. В. Андропов и другие официальные лица.

На снимке: переговоры в президентском дворце Анкары между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Президентом Турецкой Республики Д. Сунаем.

Фото Л. Портера (ТАСС).

■

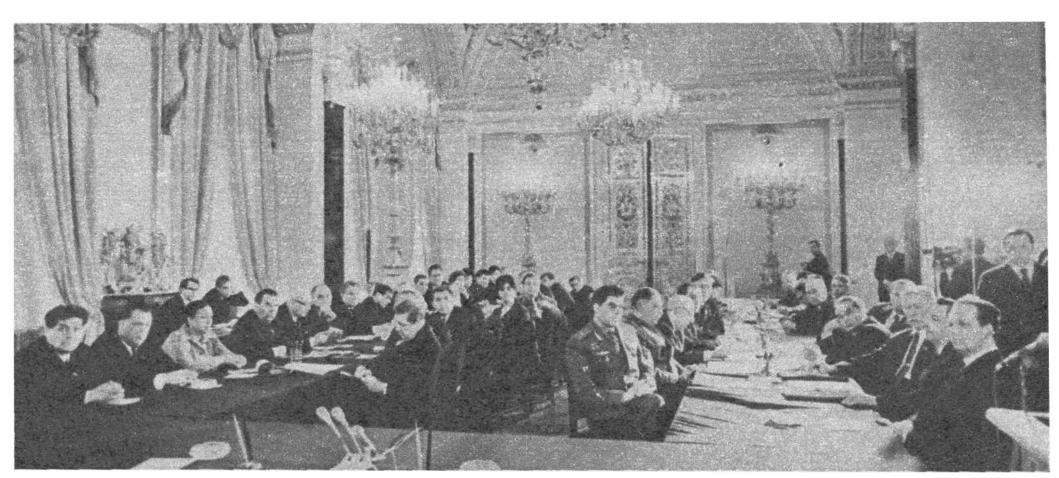
В Большом Кремлевском дворце 12 и 17 апреля состоялись совместные заседания комиссий по иностранным делам Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Все выступавшие депутаты высказались за ратификацию договора между СССР и ФРГ.

На втором заседании с речью выступил председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Обсуждение договора закончено. Депутаты единогласно рекомендовали Президиуму Верховного Совета СССР ратифицировать договор между СССР и ФРГ.

На снимке: Москва, Кремль. 17 апреля. Совместное заседание комиссий. Выступает председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Фото С. Смирнова («Известия»).

Шелепина, Ю. В. Андропова, П. Н. Демичева, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, К. Ф. Катушева.

Торжественное собрание открыл председатель исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся В. Ф. Промыслов. С речью, посвященной успехам Советского Союза в освоении космоса, выступил президент Академии наук СССР М. В. Келдыш.

ОТПОР АГРЕССОРУ

Американская военщина совершила новые акты агрессии против Демократической Республики Вьетнам: 16 апреля около двухсот самолетов военно-воздушных сил США подвергли бомбардировкам и обстрелу порт Хайфон и пригороды Ханоя. Есть жертвы среди мирного населения.

Защитники вьетнамского неба дали достойный отпор воздушным пиратам. Бойцы противовоздушной обороны вьетнамской народной армии сбили 15 вражеских самолетов.

Новые преступления США вызвали гнев и осуждение во всем мире.

Москва. Труженики Первого государственного подшипникового завода, как и все советские люди, решительно протестуют против возобновления авиацией США варварских бомбардировок территории ДРВ.

Фото С. Преображенского (ТАСС).

АЗИИ — МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Николай ПАСТУХОВ

Когда-то в Индии существовал календарь, по которому двухтысячелетие наступило на земле уже в 1944 году. Начало этому календарю, как гласят индийские предания, положил день победы властителя Викрама над чужеземными захватчиками. Но 2000 год Викрама Индия встречала в битвах с британским колониализмом. «Вон из Индии!» — призыв индийского национально-освободительного движения сороковых годов. В этом призыве отмечалось, что обретение Индией независимости «должно явиться символом грядущего освобождения всех остальных азиатских народов».

И хотя кое-кто, не желая считаться с волей народов и духом времени, по сей день пытается отводить стрелки часов исторического развития Азии в прошлые века, события на этом континенте развиваются именно так, как это было предсказано в индийском призыве. Рухнули колониальные империи в Азии. На ее карте появились молодые независимые государства. Одно из них — Народная Республика Бангладеш — родилось совсем недавно, а другое — Республика Индия — 13 апреля отмечало 25-летие установления дипломатических отношений с Советским Союзом. В этих двух фактах есть символика поступательного общественного развития на азиатском континенте. Азия видела многое на протяжении своей древней истории, еще больше она выстрадала. До наших дней продолжают страдать народы Индокитайского полуострова, где происходит отчаянное сражение империализма против возрождения новой Азии.

К судьбам этого континента не может относиться безразлично Советский Союз и как социалистическое государство, незыблемым принципом которого является пролетарский интернационализм, и как страна, почти две трети территории которой находится в Азии. С большинством независимых стран Азии наша страна строит свои отношения на принципах мирного сосуществования и взаимовыгодного делового сотрудничества. Советский Союз готов на основе этих принципов сотрудничать со всеми азиатскими государствами, включая и Китай. «...Мы не только провозглашаем такую готовность,— заявил в своей речи на XV съезде советских профсоюзов Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— но и переводим ее на язык вполне конкретных и конструктивных предложений о ненападении, об урегулировании пограничных вопросов, об улучшении отношений на взаимовыгодной основе. Эти предложения давно известны китайским руководителям. Дело за китайской стороной».

В той же речи Леонид Ильич Брежнев предельно четко и лаконично сформулировал то главное, перед чем стоит сегодня Азия. «Становится все яснее,— сказал он,— что действительный путь к безопасности в Азии — это не путь военных блоков и группировок, не путь противопоставления одних государств другим, а путь добрососедского сотрудничества всех заинтересованных в этом государств». Вместе с тем, и это очевидно, безопасность в Азии может быть достигнута только совместными усилиями всех стран этого континента. Идея коллективной безопасности в Азии впервые была выдвинута делегацией КПСС на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве летом 1969 года, затем повторена в речи министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на XXVI сессии ООН и вновь получила свое подтверждение в речи товарища Л. И. Брежнева на съезде советских профсоюзов. Она встретила добрую реакцию во многих азиатских странах и постепенно, несмотря на препятствия, пробивает себе дорогу в жизнь.

После недавних переговоров в Москве министра иностранных дел Индии Сварана Сингха газета «Таймс оф Индиа» справедливо отмечала, что Советский Союз вместе с Индией могут «расширить сферу мира и сотрудничества в этом районе так, чтобы уменьшить угрозу подрыва национальной независимости и суверенитета стран Азии и позволить им жить и развиваться в условиях сотрудничества. Это фактически та же цель, которая лежит в основе советского призыва к созданию системы коллективной безопасности в Азии, недавно подтвержденного Брежневым». Японская газета «Асахи», в свою очередь, указывает: «Призыв к созданию системы коллективной безопасности в Азии прозвучал из Москвы. Этому предшествовали успехи дипломатии Советского Союза в различных районах Азии, в частности на Индостанском полуострове, достигнутые в последние годы».

Последние сообщения с Индостанского полуострова приносят радостные вести. В Карачи, например, создано первое в стране Общество дружбы между народами Пакистана и Бангладеш. Президент Пакистана Бхутто получил послание от главы индийского правительства Индиры Ганди, в котором выражается готовность провести встречу на высшем уровне. «Я полагаю,— заявила недавно Индира Ганди,— что Пакистан, Бангладеш и Индия должны работать совместно в духе сотрудничества и добрососедства». Такой ход событий — это ли не путь к коллективной безопасности в Азии? По этому пути готово пойти большинство азиатских государств, о чем свидетельствуют высказывания прессы многих стран континента.

Главным препятствием на пути создания системы коллективной безопасности в Азии является вмешательство США во внутренние дела этого континента и их агрессия на Индокитайском полуострове. С 1965 по 1971 год авиация США обрушила на территорию Индокитая 13 400 тысяч тонн бомб и снарядов! Бомбардировки ДРВ, Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи принимают в последнее время невиданный характер. Дело дошло до бомбардировок и обстрела порта Хайфон и пригородов Ханоя. Американская военщина фактически проводит на Индокитайском полуострове геноцид. «Советские люди,— говорится в Заявлении ТАСС,— гневно осуждают эти акты агрессии США во Вьетнаме».

Прекращение парижских переговоров, возобновление эскалации агрессии, проведение политики натравливания одних азиатов на других — вот главные препятствия на пути движения Азии к миру и безопасности. Но преодолеть их возможно объединенными и коллективными усилиями всех азиатских стран, всех миролюбивых сил нашей планеты.

Владимир ТОРОПЫГИН

АПРЕЛЬ

Вновь
на отмелях песчаных
у воды —
то ли чайки,
то ли ладожские льды.
Вновь
под первою травою —
острова,
над апрельскою Невою —
синева.
И слышны,
и неустанны,
и легки
не студента ли Ульянова
шаги?
Он спешит...
С карнизов каменных —
капель...
Приближаются экзамены:
апрель!

Над Невою
в небе
клином —
журавли.
Город в воду опрокинут...
А вдали —
снова Ленин.
И без страха
льется речь.
Снова красные рубахи
рвутся с плеч.
Так весна своею силой
гнет метель,
и в России —
революции
апрель.

Снова город
в бликах невской бирюзы
из апрельской
появляется
грозы.
Весь умытый он,
весь глянцевый
возник!..

...У Финляндского
грохочет броневик.
Попритихнули
все стаи
пустомель...
Ленин — в Питере!
Все правильно:
апрель!

Гром весенний
с громом строек
у реки...
Пусть
еще под шубой хвои
цветники —
там,
где Ленин на граните,—
тишина.
Из тюльпанов и гвоздики
бьет волна.
И звенит над ней
мохнатый
первый шмель...

Светлый праздник —
день рождения.
Апрель.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

ПАРНИ ИЗ «ЖЕЛЕЗНОЙ» ЛАВЫ

В 1935 году в № 28 «Огонька» был опубликован портрет Алексея Стаханова — донецкого шахтера-забойщика. Его имя в ту пору стало известно всем советским людям. Этим именем было названо широкое движение за повышение производительности труда.

Корреспондент «Огонька» С. Калиничев встретился с Алексеем Григорьевичем Стахановым и показал ему этот снимок.

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

— Очень трудное, но и очень боевое было это время...

Так начался наш разговор с А. Г. Стахановым. Мы сидим с ним в кабинете директора шахты №2-43 комбината «Торезантрацит» Ивана Прохоровича Чупринина. Алексей Григорьевич работает здесь заместителем главного инженера, он председатель Совета ветеранов труда.

Вначале наш разговор идет о разном, но главная тема все как-то ускользает. Лишь узнав, что я тоже когда-то работал в забое, Стаханов оживился. И хоть подземный мой стаж, как говорят, «без году неделя», это не мешает Алексею Григорьевичу дружелюбно заметить: «Мы, шахтеры, понимаем...» Я рассказываю, что когда ребята принимали меня в свою бригаду, то предупреждали: «Из нашей лавы все деньги уже добыты, теперь в ней только уголь остался. Поэтому с техникой надо работать вовсю, так, чтобы кнопку нажал — и спина мокрая».

— Весельчаков и в наше время хватало,— улыбается Алексей Григорьевич,— а вот техники было мало, и многие шахтеры относились к ней с опаской. Опыта не хватало, грамоты. Да и побаивались, что с новой техникой нормы повысятся.

— Движение ударников и ваш пример тогда, в 1935 году, прежде всего показали неисчерпаемые возможности новой техники в условиях социалистической организации труда...

— И нового, творческого отношения к нему. Это, пожалуй, главное,— замечает Алексей Григорьевич.— Наше движение всколыхнуло всю страну. Мой рекорд, а также пример Дмитрия Концедалова, Мирона Дюканова, Петра Кривоноса, Марии Демченко, Александра Бусыгина и других нашел миллионы последователей... Но я не специалист в других делах, мне ближе то, что происходило в угольной промышленности. А происходить в ней начали небывалые события. Неузнаваемо менялись шахты, полным ходом шла реконструкция, осваивалась новая техника, да и старая во всю ширь стала раскрывать свои возможности. Вся страна помогала поднимать Донбасс. К нам на шахты поступал лес из Карелии, электровозы из Тулы, в каждой лаве можно было встретить отбойные молотки, сделанные руками ленинградцев. По комсомольским путевкам приезжала молодежь из Татарии, Армении, Белоруссии. Известнейшие ученые нашей страны посвящали свои труды развитию Донбасса. И если довоенные и первые послевоенные годы можно назвать богатырским, героическим ростом, то последнее десятилетие — это взлет. Тут уж стало изменяться само содержание шахтерского труда.

— Алексей Григорьевич, встреча с вами — это как бы встреча с живой историей. Как вы воспринимаете нынешние перемены в шахтерском труде, каким вам видится новое поколение шахтеров, которому передаете дело своей жизни?

— Дело, которому я служу, у колыбели которого стоял, набрало невиданную силу. Я часто бываю на разных шахтах, встречаюсь с парнями, которые обучаются в горнопромышленных училищах, знакомлю студентов-практикантов с нашей шахтой. И эти встречи убеждают меня, что сам Донбасс только вошел в пору цветущей молодости. Побывайте вы на одной из наших шахт и убедитесь в правоте моих слов. Ну, поезжайте хотя бы к Анатолию Степанову, на «Краснолиманскую»... Передавайте им привет от меня. Скажите, что я счастлив уверенностью в них, уверенностью в том, что они с честью понесут дальше эстафету отцов.

Подземная канонада

...Его называли «мистером» и вежливо пропускали вперед. «Ишь ты! Мистером величают, а в глубине души ни на грош не верят»,— думал Анатолий, ожидая, пока англичане наденут «шахтерки».

Анатолию их представили как специалистов-угольщиков, больших знатоков своего дела. Очевидно, именно это мешало им поверить, что его бригада побила все мировые рекорды, добывая из одной лавы около пяти тысяч тонн угля ежесуточно!

Англичане вежливо, но настойчиво говорили, что все-таки хотят своими глазами увидеть, как это делается.

...Пригибая головы и поеживаясь от колючих брызг, англичане гуськом вышли из клети и, подхваченные бешеным ветром вентиляции, почти побежали по рудничному двору. Первое, что могли отметить гости,— идеальный рудничный двор: высокие, одетые в монолитный бетон околоствольные помещения, ровный, как стрела, коренной откаточный штрек. По нему на приличной скорости ходят мощные электровозы, гро-

Встретились представители шахтерской гвардии: Герой Социалистического Труда Алексей Стаханов и те, кто с честью несет его эстафету в наши дни,— Василий Стеблянко (слева) и Анатолий Степанов.

Фото Н. Привалова.

мыхая вереницами трехтонных вагонеток.

Зарубежные горняки один за другим влезли в лаву. Кровля над ними была подхвачена тяжелыми, метровой ширины, ребристыми плитами. Каждую из них подпирали две гидравлические стойки. По сути, это два мощных домкрата. Секция к секции стоят вплотную. И меж двух рядов гидростоек, как по березовой аллее, можно пройти всю лаву.

Анатолий отдал команду, хлопцы заняли свои места, завели комбайн в исходное положение, и гости, не сговариваясь, стали засекать время.

...Я хорошо помню, что еще лет десять назад лучшие бригады в сутки могли сделать лишь один цикл. Это триста — четыреста тонн угля. А тут — пять тысяч тонн за сутки! Сколько же это циклов? Невероятно!

...Итак, время замечено, команда отдана. Из лавы послышался гул, поползли с шумом скребки транспортера и хлынул поток угля. Скребки тащили по металлическому желобу островерхую бесконечную горку угля и ссыпали ее на бегущую ленту конвейера.

Комбайн крушил пласт, наваливал горы угля на конвейер и полз вдоль него. В лаве стоял грохот, как во время артподготовки. А внизу бушевала река угля. Сорок минут. Неужели всего сорок? И это полновесный цикл!

Доехав до конца лавы, хлопцы тут же стали переналаживать комбайн, делать то, что недавно называлось «ремонтной сменой». Эта «смена» вместо нескольких часов заняла лишь 15—16 минут. И комбайн снова вгрызался в уголь, а через сорок минут он снял еще одну полоску пласта, весом в 400 тонн.

— Мистер Степанов,— воскликнул руководитель делегации,— если бы мы не видали всего своими глазами, мы сказали бы, что этого не может быть! Но... даже увидев все, мы говорим: это невероятно!

...Случай, о котором я рассказал, произошел четыре года назад. Тогда, после мирового рекорда, поставленного бригадой Анатолия Степанова, на шахту приезжали многие. Побывали здесь шахтеры Караганды и Кузбасса, Волыни и Дальнего Востока. Поздравить героев приезжал Алексей Григорьевич Стаханов. Он ходил по шахте и вздыхал: нам в свое время такое, мол, и не снилось.

Анатолий Степанов, ныне Герой Социалистического Труда, известный всей стране новатор производства, любезно согласился быть моим провожатым под землей. Он показал свою «железную» лаву и познакомил со своими «железными» парнями. Глядя на него, я невольно вспоминал строчки, сказанные о Василии Теркине: «Не высок, не то чтоб мал, но герой героем!»

В Донбасс Анатолий приехал по комсомольской путевке. Строил шахту «Краснолиманская». Отсюда ушел служить на флот. И, хоть сам он парень саратовский, после демобилизации снова вернулся в Донбасс, на ту же самую шахту. Так что в общей сложности он тут уже семнадцатый год, хотя всего ему тридцать четыре...

Мы лазили с ним по лаве. Комплекс впечатляет. Двести метров наклонного металлического колодца. Я пытался рассмотреть управление крепью. Анатолий изредка замечал:

— Осторожнее!

— А сколько вся эта начинка стоит? — спросил я.

— Триста шестьдесят тысяч.

— Да... И много в Донбассе таких комплексов?

— Больше двух с половиной сотен. Только на нашей шахте — четыре.

— А это тот самый, с которым вы побили мировой рекорд?

— Такой, но не тот же. Тот теперь в ремонте.

— Дорого все-таки,—заметил я.

— Не дороже денег,— отшутился он.— Тем комплексом мы добыли миллион триста тысяч тонн угля. Такое количество с лихвой все затраты окупило...

На всю шахту один коногон

Кто побывал в Донбассе, хорошо знает: приехал ли ты подписать договор на соревнование или обменяться опытом — так просто не отпустят. Сначала покажут и свой дом отдыха, и Дворец культуры, и жилой массив с плавательным бассейном.

— А куда вы теперь направляетесь? — спросил директор шахты Василий Федорович Верещагин.

Я объяснил, что хочу встретиться с конструкторами, машиностроителями. Хочу увидеть угольную шахту будущего.

— Какой будет шахта через десять — пятнадцать лет, вряд ли кто скажет. Техника настолько стремительно развивается, что предсказывать ее будущее становится все труднее. А вот какой будет к концу пятилетки, это можем рассказать и мы.

На шахте «Краснолиманская» добыча угля увеличиваться не будет: так и останется где-то в пределах пяти с половиной — шести тысяч тонн в сутки. Это и без того вдвое больше ее проектной мощности. Зато число людей, занятых добычей угля, уменьшится, возрастет производительность труда. Между прочим, здесь она одна из самых высоких в Донбассе. В тот день, когда Анатолий Степанов привел меня в свою лаву, одно из звеньев его бригады вышло на смену в составе двенадцати человек и добыло около тысячи тонн угля.

— А когда внедрим самозарубывающийся комбайн — освободим еще шесть человек в смену,— сказал Верещагин.— Представляете, новая машина, практически не разворачиваясь, сможет двигаться в трех направлениях: вперед, назад и в сторону.

Я представил себе, как обычный зерновой комбайн, убрав одну полоску хлеба, не разворачиваясь боком, углубляется в пшеницу, дает задний ход и снова начинает уборку. А ведь зерновой комбайн не сравнить с угольным. Он и легче, и проще, и в движениях не так стеснен.

— Вы уже видели новый комбайн? — спросил я.

— Он у нас испытывался,— ответил Василий Федорович,— как раз в бригаде Анатолия Степанова. Несколько месяцев работали, план давали. Достигли очень высокой производительности. Теперь конструкторы «дотягивают» кое-какие узлы, и мы надеемся в будущем году получать такие комбайны уже серийного выпуска.

Я узнал, что новые машины придут и на склады и на подготовительные работы. Когда мы вроде бы обо всем уже поговорили, Василий Федорович, как о чем-то будничном, сказал:

— А в дальнейшем комплекс сможет управляться автоматически. К концу пятилетки мы людей из лавы вообще выведем.

Кто знаком хоть немного с шахтой, тот знает, что вывести людей из лавы до недавнего времени считалось едва ли не самой желанной мечтой горняков. Поэтому я осторожно спросил:

— Очевидно, у вас на шахте для этого намечается внедрение каких-то принципиальных новшеств?

— Ничего подобного. Просто оператор и его помощник будут управлять комбайном по радио.

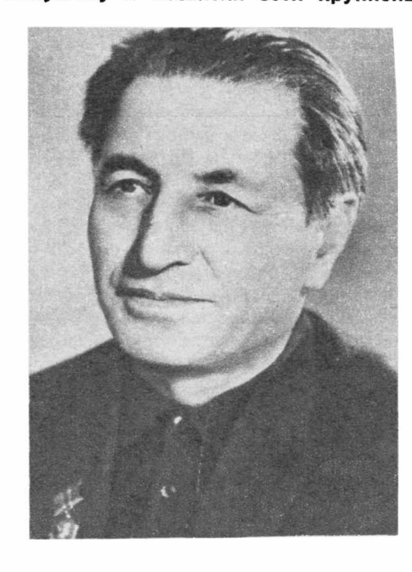
— Василий Федорович, вы говорите о новом комплексе как об уже существующем... Это что...

— Он уже испытан. На третьем участке нашей шахты. В бригаде Леонтия Полищука...

И мне вспомнились стихи замечательного донецкого поэта, почетного шахтера Павла Беспощадного, который давным-давно, еще в пору первых пятилеток, думал о том времени, когда «на всю шахту один коногон станет будто шутя коногонить». Теперь оказывается, что мы можем почти точно указать время, когда сбудется мечта поэта-шахтера: девятая пятилетка!

КИНОРАЗВЕДЧИК НАШИХ ДНЕЙ

Наш Малик. Так зовем его мы, друзья и соратники по искусству документального кино. А друзей у Малика много. На всех студиях нашей страны, где создаются документальные фильмы. Этому искусству и посвятил себя крупнейший мастер, народный артист СССР Малик Каюмов. Свою деятельность в кинематографе он начал свыше сорока лет назад и быстро вышел в первый ряд лучших операторов. Его работы открыли миллионам зрителей облик Советского Узбекистана.

Трудно перечислить все фильмы, снятые Каюмовым. Можно только сказать, что они свидетельствуют о высоком мастерстве страстного пропагандиста, влюбленного в свою страну.

В годы Великой Отечественной войны он оператор фронтовых групп. Был дважды ранен. За фронтовые съемки удостоен боевых наград.

М. Каюмов выступает не только как оператор, но и как режиссер. В 1959 году появилась большая работа М. Каюмова — фильм «Приезжайте к нам в Узбекистан». Не менее интересным и своеобразным явился фильм Каюмова «От весны до весны», который вошел в число лучших произведений документального кино. Это поэма о тружениках узбекской земли — хлопкоробах. «Ташкент, землетрясение» — фильм М. Каюмова о подвиге ташкентцев, о том, как вся страна восстановила и построила новый Ташкент. «Самарканд всегда со мной» — рассказ о древности великого города и о его сегодняшнем дне. Удивительный по силе и лаконизму фильм «13 ласточек» может служить образцом короткометражной публицистики.

Сейчас закончен сценарий фильма «Узбекистан на марше пятилетки» и завершается работа о выдающейся узбекской танцовщице Я. Тургунбаевой и ансамбле «Бахор».

Цифра «60», определяющая его возраст, никак не вяжется с обликом неугомонного, жизнерадостного кинодокументалиста Малика Каюмова. Он и сейчас — в свои шестьдесят — остается подлинным кинохроникером. Мы, его друзья и соратники по искусству, поздравляем его и желаем ему еще многие годы оставаться киноразведчиком наших дней.

Илья КОПАЛИН,
народный артист СССР

ГЕРОИ БИТВЫ

Историческое сражение за Берлин описано во многих книгах, созданных в послевоенные годы журналистами, писателями, военными. Тем не менее выход каждой новой книги об этой битве воспринимается как событие.

К таким событиям, безусловно, относится также и книга одного из военных корреспондентов «Правды» на Берлинском направлении, Мартына Мержанова.

Автор не ставит перед собой задачу всестороннего исследования Берлинской операции. Нет. Это, справедливо замечает он в предисловии, дело военных историков. Он живо и ярко рассказывает о том, что видел собственными глазами в последние дни войны в битве, развернувшейся на подступах к Берлину, и в самом городе. Это рассказ о беспримерном мужестве и отваге, высоком умении и мастерстве советских солдат и офицеров, которые, несмотря на ожесточенное сопротивление фашистских частей, с блестящим успехом выполнили свою задачу и водрузили над рейхстагом алое Знамя Победы. Автор говорит о них с любовью и симпатией, не поддаваясь искушению что-либо приукрасить, а тем более преувеличить. Содержание книги точно отвечает заголовку: так это было!

Построена она в форме журналистского дневника. Начиная с 20 апреля 1945 года, когда наступающие советские части впервые открыли артиллерийский огонь по фашистской столице, и кончая днем, когда состоялось подписание акта капитуляции фашистской Германии, журналист шаг за шагом прослеживает события, происходившие вначале на подступах к Берлину, а потом в Берлине по обе стороны линии фронта. В рядах Советской Армии — воодушевление и порыв, высокая организованность, возраставшие с каждым днем; в стане гитлеровцев — растерянность, а затем полное разложение и распад.

Заключает книгу глава, посвященная рассказу о сегодняшней жизни тех мест, в том числе Берлина, где шла битва. Спустя четверть века автор в числе группы бывших военных корреспондентов посетил Германскую Демократическую Республику и увидел собственными глазами торжество новой жизни, созидательный труд миллионов немцев. Во время штурма Берлина советские воины задумывались над тем, какой будет земля, которую освобождали. И каждый верил, что она будет такая, какую захочет трудовой немецкий люд. Они не ошиблись. Германская Демократическая Республика олицетворяет лучшие устремления трудящихся, уверенно строит социалистическое общество, демонстрируя перед всем миром огромную творческую силу и уверенность в завтрашнем дне.

Новая книга о Берлинском сражении напоминает советским людям о боевой славе великих дней, ставших уже легендой. Врагам же, мечтающим о новой войне, бесславный крах фашизма пусть станет грозным предупреждением.

Я. МАКАРЕНКО

Мартын Мержанов. Так это было (последние дни фашистского Берлина). Издательство политической литературы, 1971.

Григорий ХАИТ

ЗАИ

Несколько лет назад в газетах промелькнуло сообщение о том, что во время пребывания в сибирской ссылке летом 1899 года В. И. Ленин и Н. К. Крупская побывали на Сафьяновской заимке, недалеко от Минусинска. Этот факт теперь отмечен в первом томе издания Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника». Юные минусинские краеведы отыскали даже следы фундамента заимки.

Неужто нельзя узнать подробности событий тех далеких дней и воссоздать обстановку, которая окружала Владимира Ильича тогда, летом 1899 года, когда он приезжал на заимку?

И начался поиск. В Центральном партийном архиве перечитываю воспоминания Зинаиды Павловны Кржижановской. Часть из них публиковалась. Собственно говоря, благодаря им мы и узнали о новой ленинской точке на карте Сибири.

Итак, слово Зинаиде Павловне Кржижановской:

«Заимка эта была на крутом берегу одной из бесчисленных проток Енисея. По лесенке можно было опускаться в протоку и там купаться,— вспоминала она,— летом [1899] года мы уехали на заимку. Туда к нам тогда приезжал Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, Ленгник и Шаповалов, и Ванеев с женой, проездом из Енисейска в село Ермаковское, куда он был переведен из-за туберкулеза.

В Ермаковском оказались Лепешинские, Сильвины, Ванеевы и Барамзины. Все они побывали у нас на заимке... Пели хором революционные песни, без конца говорили о нашей будущей жизни и деятельности. Много разговоров было на текущие темы».

«Текущими темами» тогда были: вопросы партийной работы, материалы и итоги I съезда партии, борьба с бернштейнианством и «экономизмом», успехи политических рабочих стачек по всей России, проведенных социал-демократами, и лавина репрессий, которая обрушилась на их участников.

Царский террор вызвал у многих горячих голов стремление ответить на репрессии попыткой немедленного захвата власти. Именно Владимир Ильич в ряде своих работ охладил такие не в меру горячие головы. Его спокойная, реалистическая оценка тогдашней расстановки сил сказалась и в его беседе с З. П. Кржижановской на Сафьяновской заимке:

«Гуляли мы как-то вечером на берегу Енисея и обсуждали дошедшие до нас слухи о каких-то бесчинствах царского правительства,— вспоминает в тех же мемуарах Зинаида Павловна,— в порыве ярости и печали я сказала: «Скорее, скорее... надо завоевывать власть...»

Владимир Ильич посмотрел на меня искоса, покачал головой [и сказал]: «нелегко... достанется... власть, борьба будет отчаянная».

Эти ленинские слова пришли к нам через десятилетия. Каждая такая находка радует.

На той же странице воспоминаний, исписанной крупным «педагогическим» почерком Зинаиды Павловны, я увидел чертеж. Надо же — Сафьяновской заимки. Хоть завтра восстанавливай ее! Оказалось, что там были две комнаты и веранда. Такая находка вдохновила.

Перечитываю письма соратников Ленина. Вот в письме В. К. Курнатовского промелькнуло: «Минусинцы живут все... в 5 верстах от Минусинска, на заимке, и очень довольны ею». А вот в письме еще одного ссыльного, М. Л. Стояновского: «Кржижановские здоровы. Сегодня я переселяюсь к ним...» Но вот и

МКА НА ТАГАРСКОМ

строки, начертанные в домике на Тагарском острове, на Сафьяновской заимке. Оттуда 14 мая 1899 года А. М. Старкова, жена одного из соратников Ильича, писала мужу:

«...Эти дни живем очень шумно, каждый день кто-нибудь да приезжает. Вчера приехал Смирнов (рабочий из Екатеринослава). Производит очень симпатичное впечатление, очень молодой и очень образованный, много прочитал (главное, с толком) и хорошо усвоил. Прочитал и 2-й том Маркса! Каково? Назначен в Каратуз. Сегодня был у нас Гемпель (поляк, ссыльный.— **Г. Х.**), который, быть может, сам доставит тебе это письмо.

...Скоро ждем Ленгника и Ванеевых. Ванеев, по словам Гемпеля, очень плох: каждый день температура у него доходит до 39°. Все красноярские врачи признали чахотку, и вопрос только во времени. Сам он, конечно, ничего об этом не подозревает и строит поэтому на будущее самые радужные планы».

А Анатолий Ванеев, пламенный революционер, близкий друг и соратник Владимира Ильича (заболевший еще в тюрьме туберкулезом и все же сосланный в Сибирь), рвался к друзьям. Среди полицейских документов удалось отыскать и такой, датированный 11 июля 1899 года: «Поднадзорный Ванеев прибыл в Минусинск, наблюдается ухудшение здоровья. Просит дозволить пробыть десять дней на заимке Сафьянова. Прошу разрешить. Исправник Стоянов».

Небезынтересно, что в эту пору туда же собирались В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Видимо, во время встречи нового, 1899 года они договорились с Кржижановским и Старковым, что те на лето приедут в Шушенское. Но, как вспоминала З. П. Кржижановская: «У Стояновского был... знакомый золотопромышленник [Сафьянов], который предоставил нам заимку». И 4 апреля Н. К. Крупская уведомила М. А. Ульянову: «Володя, верно, писал, что минусинцы раздумали жить в Шуше, а наняли дачу под городом...» А 7 августа В. И. Ленин сообщал родным: «Минусинцы вообще провели лето очень хорошо».

Выяснилось, что В. И. Ленин и Н. К. Крупская совершили поездку на заимку между 11 июля и 1 августа 1899 года.

Мы с полным основанием можем говорить о том, что на Сафьяновской заимке летом 1899 года состоялся один из многолюдных «съездов» ссыльных, на которых они обменивались мнениями, делились впечатлениями. «Съезд» этот состоялся накануне исторического совещания 17 ссыльных социал-демократов в селе Ермаковском, на котором был принят знаменитый ленинский протест против программных положений «экономистов», так называемого «Кредо». Сафьяновская заимка летом 1899-го стала местом паломничества не только близких товарищей Ленина, но и местной революционной молодежи.

В фондах партийного архива Ленинградского обкома партии много лет хранились воспоминания неустановленного автора. Есть там строки и о Красноярске весны 1897 года:

«Помню часов около четырех дня,— вспоминал автор,— к нам пришло пять товарищей, все они были одеты почти одинаково, в серых теплых куртках, в меховых шапках и русских сапогах. Среди них был человек лет тридцати с выразительными, точно насквозь все пронизывающими, глазами, серьезно глядевшими из-под нахмуренных бровей, с большой лысиной. Это был Владимир Ильич».

По отдельным штрихам, деталям удалось установить, что автором воспоминаний является Таисия Николаевна Ветвинова, коренная сибирячка. В ее мемуарах есть рассказы и о других встречах с Владимиром Ильичем и его товарищами.

«Узнав, что я из тех мест, куда они направлялись в ссылку, в село Шушенское и Тесь,— вспоминала Т. Н. Ветвинова,— они просили меня заехать к ним перед отъездом в Петербург, взять письма к знакомым и товарищам. Осенью 1898 года с письмами к товарищам Владимира Ильича, снабженная советами, что читать и что делать, приехала в Петербург и поступила на фельдшерские Рождественские курсы... За участие в первой общестуденческой забастовке я была удалена с курсов и уехала обратно в Сибирь. Уезжая из Петербурга, я увезла для Владимира Ильича и его товарищей заграничную нелегальную литературу и письма...»

Добавим, в тех же воспоминаниях Т. Н. Ветвиновой рассказывается, что летом 1899 года политические ссыльные товарищи Владимира Ильича «Ленгник и Барамзин предложили мне отправиться за 40 верст в Минусинск, повидать Старкова и Кржижановского, сказав, что у них в гостях будет Владимир Ильич, я с удовольствием приняла приглашение... Они жили за городом, в доме купца Сафьянова, на берегу протоки Енисея...

Это было летом. Здесь я встретила своих старых знакомых Кржижановского и Старкова. Владимир Ильич приехал не один, а вместе с Надеждой Константиновной — она производила чарующее впечатление, тонкие интеллигентные черты лица, вдумчивое одухотворенное лицо, серьезное. Была там и Зинаида Павловна Невзорова [Кржижановская], больше всех спорившая с Владимиром Ильичем, в их товарищеских беседах».

Выходит, что Ветвинова поведала нам о событиях того же дня, что и Зинаида Павловна Кржижановская в своих воспоминаниях! Вот так — время разбросало людей, а написанное ими встретилось. Подобные встречи в который раз подчеркивали, что сведения о событиях на Сафьяновской заимке нужно и, главное, можно искать в тех городах, куда судьба забросила людей, побывавших на Сафьяновской заимке и встречавшихся там с Владимиром Ильичем. Но куда же судьба их забросила?

Недавно была опубликована фотография Глеба Максимилиановича Кржижановского, сделанная за несколько месяцев до его отъезда на Сафьяновскую заимку. Фотография эта пролежала в Центральном партийном архиве неопознанной много лет. Неизвестно было, кто фотографировал Глеба Максимилиановича. И вот приезжаю в Томск. Папку за папкой исследую архив местного краеведческого музея и нахожу воспоминания А. А. Адрианова «Из далекого прошлого». Из первых же строк узнаю, что это он сфотографировал в конце прошлого века своего учителя-репетитора Г. М. Кржижановского, а потом, уже в советское время, послал ему этот снимок в качестве подарка. Послал, но не поставил под дарственной надписью своей фамилии.

Довольно подробно в воспоминаниях А. А. Адрианова рассказывается о его встрече с Владимиром Ильичем у Кржижановского. Ученик Кржижановского рассказывает, что за хорошие успехи в учебе он однажды был приглашен к Глебу Максимилиановичу сыграть в шахматы.

«Я застал всех,— рассказывает он,— за утренним чаепитием. Среди сидевших за столом был и незнакомый еще мне человек. Как оказалось, это был приехавший из села Шушенского В. И. Ульянов. Глеб Максимилианович представил ему меня как своего ученика и начинающего шахматиста.

Я тогда же заметил, что гостю — Владимиру Ильичу — оказывалось особенное внимание, озаренное каким-то светом нежной привязанности. Выполняя свое обещание, Глеб Максимилианович после чая усадил меня играть в шахматы. Во время нашей игры Владимир Ильич следил за каждым ходом игроков и после каждого неверного хода вскакивал с места, жестикулировал правой рукой, а большой палец левой руки засовывал за вырез жилетки у подмышки. Вообще он был чрезвычайно, прямо как ртуть, подвижен. Игру я, как следовало ожидать, проиграл».

Конечно, хотелось бы еще и еще цитировать эти интересные воспоминания, но я в них искал упоминание о заимке. И вот нужный абзац.

«Осенью 1899 года,— вспоминает А. А. Адрианов,— мой отец по службе был переведен из Минусинска в Иркутск. Перед отъездом мы с ним поехали прощаться с Глебом Максимилиановичем. Они все это время жили на той же заимке Сафьянова на Тагарском острове. После обеда Глеб Максимилианович, отец и я пошли на прогулку в лес. Местность была живописная: берег Енисея, кусты тальника, многолетние тополи, ракиты и другие кустарники. Зеленая мурава, полевые цветы...»

Это об окрестностях. А о самой заимке? В мемуарах о ней больше ни слова. Жаль. Но я был рад тому, что нашел.

Потом потекли «пустые» месяцы. Уже отчаивался найти что-либо новое. Но вот наступил черед готовить новое издание писем соратников В. И. Ленина, книги «Товарищи в борьбе». При работе над ней натолкнулся на письмо А. М. Старковой, посланное с Сафьяновской заимки Ольге Борисовне Лепешинской 5 июня 1899 года. И нахожу в нем детали из быта этой заимки:

«Мы теперь реже стали ездить на почту, так как все некогда. Вася (В. В. Старков.— **Г. Х.**) на мельнице с рабочими работает целыми днями, а я дома, то обед готовлю, то нужно в саду деревья прополоть или, есть несколько кустов розы, так и их чистила, окапывала, поливала и обрезала».

Наш рассказ был бы неполным, если бы мы не упомянули о человеке, чьим именем названа заимка. Речь идет о Георгии Павловиче Сафьянове — золотопромышленнике и купце, человеке разносторонних интересов. Как вспоминал А. В. Адрианов, отец ученика Кржижановского: «Без Г. П. Сафьянова не обходилось никакое начинание на Верхнем Енисее, никакая научная экскурсия или научная экспедиция... Со всеми он охотно делился ценными сведениями и указаниями, собирал коллекции, собирал материалы по этнографии, археологии, фольклору. Можно сказать, что для него было всегда радостью доставить исследователю такой материал».

Эти слова принадлежат человеку, который многие годы был директором знаменитого Минусинского музея имени Н. М. Мартьянова. Кстати, именно в этом музее сейчас хранятся книги с автографами Г. М. Кржижановского и В. В. Старкова, которые были у них на Сафьяновской заимке и которые они подарили, уезжая из ссылки, музею.

Надо надеяться, что заимка будет восстановлена такой, какой ее видели Владимир Ильич, его друзья. Что среди памятных ленинских мест на юге Красноярского края появится еще одно — Сафьяновская заимка на Тагарском острове, в пяти километрах от Минусинска.

ЗАВОД, АВТОМОБИЛЬ, ЧЕЛОВЕК

Г. ВЛАДИМИРОВА

ЗАВОД. В Горьком рождается значительная часть всех грузовых машин, выпускаемых в стране. За сорок лет ГАЗ перекрыл свою первоначальную проектную мощность. И сегодня это не просто завод, а объединение «Автогаз» — серия специализированных предприятий. На каждом шагу рядом со старым тут появляется новое.

Сборка задних мостов грузовых автомобилей, например, производится в механосборочном корпусе. Скоро механосборочный переедет на новую «квартиру» — в знаменитый корпус № 9, о котором так много пишут сейчас газеты. Он будет в три раза больше старого. Для него не нашлось места на территории самого ГАЗа, и строится он в некотором отдалении.

Еще издали завидев знакомый абрис светлых прямоугольников, соединенных в виде буквы «Ш», поняла: да это же главный корпус Волжского автомобильного, только поуже и покороче! Та же характерная компоновка со вставками «бытовок», тот же геометрически строгий архитектурный почерк. Однако горьковчане в некотором смысле пошли дальше строителей ВАЗа: они научились быстрее строить. Придумали, например, конвейерную сборку крыши прямо на земле. Краны поднимают наверх уже готовые остекленные крупные блоки. Прогрессивный метод подхватили строители КАМАЗа и монтажники Абаканского вагоностроительного завода. И понятно почему: на целых три месяца сократил он сроки сооружения корпуса № 9 в Горьком.

Новоселье старого механосборочного состоится в этом году. Одно крыло корпуса уже «заселено» станками и подвесными конвейерами такого типа, как в Тольятти. Радует внутреннее благоустройство, тот, если хотите, производственный комфорт, без которого немыслим цех в наши дни: большая высота, стеклянные—этажами — ярусы, открывающие доступ морю света, спокойная — лимонного цвета — окраска стен. Под серебристыми фермами — широкие раструбы воздуховодов. Сорок четыре мощных кондиционера, величиной каждый с мартеновскую печь, позаботятся о микроклимате — воздух всегда будет чистым и свежим. Под ногами пол из мраморной крошки и бетонированные щели, по которым скрепковые механизмы соберут металлическую стружку в подвал. Словом, все сделано с заботой о человеке, о его здоровье, о его настроении.

Этой же заботой пронизаны и дела творцов современных автомобилей.

АВТОМОБИЛЬ. Он победоносно шествует ныне по континентам. Общеизвестно, что принес этот баловень XX века горожанам, к чему привела стремительная автомобилизация. На земле существует уже немало городов, перегруженных автотранспортом, в которых положение не спасают ни подземные, ни наземные, ни всякие иные магистрали. Чтобы, например, попасть из Токио в порт Иокогама, расположенный всего лишь в сорока километрах от центра японской столицы, нужно не менее четырех часов. Даже не лошадиная скорость,— скорость тренированного пешехода! Жителям японской столицы, чтобы выбраться на машине в воскресенье на лоно природы и потом вернуться обратно, приходится затрачивать чуть ли не целый день. Парадокс: автомобиль, по самой своей сущности призванный покорять пространство и время, сам стал себе тормозом! Об этом рассказывал мне Александр Дмитриевич Просвирнин, главный конструктор Горьковского автомобильного завода, посетивший предприятия фирмы «Тоёта мотор». Глава этой фирмы Таизо Ишида, показывавший гостю вычислительные центры, конструкторские бюро и цеха, в конце беседы не без горечи и пессимизма спросил: «Неужели у вас, после того как вы увидели все наши беды современного транспорта, не отпала охота делать много автомобилей?»

К чему же следует стремиться? Что ждет человечество, посаженное на автомобиль?

— К счастью, нашим городам не угрожают уродливые последствия бурной автомобилизации,— говорит главный конструктор.— В Советском Союзе широко и повсеместно развит общественный транспорт. Никто сейчас не может предсказать, сохранится ли автомобиль в XXI веке вообще, каковы будут его социальные функции. Не отомрет ли он, подобно паровозу? Ведь ни один из романистов-фантастов середины прошлого столетия не смог нарисовать в своих книгах облик городской улицы нашего времени. Трудно представить ее и нам — какой она будет через пятьдесят, сто лет. Но если автомобиль даже и выживет, то будет претерпевать большие изменения. Дело в том, что мы говорили пока только об одном и довольно узком аспекте проблемы автомобилизации — состоянии городского транспорта. Мы не коснулись таких жгучих вопросов, как безопасность движения и чистота воздуха.

ЧЕЛОВЕК. Просвирнин прервал нашу беседу и отвел меня в библиотеку конструкторско-экспериментального отдела. Я читала там специальные журналы и бюллетени.

Статистика свидетельствует: половина или даже три четверти несчастных случаев происходит, когда человек за рулем в нетрезвом виде. Может ли сама машина предотвратить трагедию? Оказалось, что может. Создан прибор, который, едва «почуяв» запах спиртного, немедленно выключит мотор. Но тот же самый водитель, которому в таком состоянии море по колено, может вывести из строя и самый прибор. Значит, это еще не решение задачи!

В октябре прошлого года под Штутгартом проходила II международная конференция по созданию экспериментальных безопасных автомобилей. Был показан автомобиль фирмы «Даймлер-Бенц». У него мощные выдвигающиеся буфера, толстая обивка, воздушные подушки, самозастегивающиеся ремни. У американцев свои требования к безопасному автомобилю. В частности, он должен быть таким, чтобы удар при скорости движения 80 километров в час соответствовал падению машины с девятого этажа. И пассажиры при этом не должны получить заметных повреждений. Во всех вариантах машина утяжеляется на сотни килограммов, становится шире, длиннее, и, конечно, будет стоить значительно дороже.

Экспериментаторы создают образцы машин, сажают в них манекены, проводят испытания. Над средствами так называемой пассивной безопасности работают и наши конструкторы. Мне показывали в Горьком травмобезопасный руль, боковую утолщенную защиту, ремни, которые не позволят стукнуться о щиток,— я испытала их на себе, отправившись в рейс с испытателями,— ветровое безопасное трехслойное стекло, утопленные рукоятки. Все это в ближайшее время появится на легковых машинах «Чайка» и «Волга». Однако все это — частичное решение проблемы. Если даже будет спасен пассажир, то жертвой окажется пешеход. Вопрос остается открытым...

Но самое большое зло, порожденное автомобилем,— засорение атмосферы. Выхлопы отработанных газов подобны джинам, выпущенным из сосуда,— с ними трудно бороться. В старых городах на узких улицах-коридорах, зажатых каменными стенами, загазованность стала подлинным бедствием. И люди наконец спохватились. Карбюраторному двигателю, почти безраздельно господствующему в автомобилестроении вот уже 70 лет, объявлена война. В лабораториях, институтах, на заводах разрабатываются конструкции малотоксичных двигателей самого разного типа. Ведется поиск новых топлив.

Из музеев и архивов вытаскиваются на свет давно забытые конструкции и проекты вплоть до парового двигателя. Не торопитесь, однако, улыбаться: по утверждению некоторых зарубежных специалистов, на смену карбюраторному двигателю придет прежде всего именно паровой. Он будет работать на воде или фреоне. Фирма «Дженерал моторс» на машине «Pontiac» провела уже дорожные испытания такого двигателя. Конструкция его пока несовершенна, но главное произошло — работа началась. Воскрес из мертвых проект двигателя шотландского священника Феликса Стирлинга, запатентованный полтора века назад. Предсказывают, что в 80—90-е и более поздние годы он найдет самое широкое применение. Топливом могут служить ему даже радиоактивные элементы. Заманчивее всего автомобиль с электрическим двигателем. Но дело упирается не в двигатель, а в аккумуляторы. В мировой практике еще неизвестны емкие, малогабаритные аккумуляторы, способные продолжительное время работать без подзарядки. Те, которые летали в космос, не в счет. Для широкого использования на автотранспорте они пока недоступны. И все же электромобиль совершил свои первые десятки километров. Он ходит по улицам Ленинграда, Лондона, Токио. В Японии созданы десять прототипов электромобиля. Радиус его действия — 64 километра, наибольшая скорость движения — 112 километров в час.

Пока инженеры и исследователи экспериментируют, специальные комиссии разрабатывают стандарты на чистоту окружающего воздуха, обязательные для всех: и для строителей автомашин и для поставщиков горючего, масел. В связи с этим заметно упала и кривая мощности двигателя. До недавнего времени мощность была главным «козырем» автомобиля, а сейчас в моде другой «козырь» — малая токсичность.

— С этого года,— сказал, завершая нашу беседу Александр Дмитриевич Просвирнин,— все заводы будут выпускать легковые и грузовые машины по ГОСТу на допустимое содержание окиси углерода. Вводится контроль газоанализаторами. Никаких конструктивных изменений эта мера не вызовет. Потребуется лишь более тщательная регулировка систем питания и сжигания. Но уже следующий этап борьбы за чистый воздух коснется устройства двигателей внутреннего сгорания. На новых «Волгах» и «Чайках» мы предполагаем лишить его карбюратора — главного «отравителя» атмосферы. Топливо будет впрыскиваться непосредственно во всасывающий канал. Потом наступит черед новых видов топлива и двигателей. На нашем заводе создается, например, газотурбинный двигатель для грузовых машин. Выхлоп у него менее токсичен. Вторая тема, которую мы решаем,— переход на газообразное топливо, метан и пропан. Двигатель, работающий на сжиженном газе, малотоксичен и будет установлен на части грузовых автомобилей ГАЗ-53. Представляет большую выгоду установка этих двигателей на такси. Любопытна идея соединить бензиновый двигатель с электрическим. За городом он будет работать как бензиновый и попутно подзаряжать аккумуляторы так, чтобы хватило их для езды по городу. Правда, это увеличит вес машины, так же, как и противоаварийные средства. Но я лично, как специалист, считаю, что можно, надо идти на такие издержки. Ведь речь идет о здоровье людей.

Таковы наши рабочие планы на ближайшее время. В более отдаленную перспективу заглядывают институты. Я знаю, что «перспектива» эта более чем когда-либо подчинена главной идее — заботе о человеческой жизни. Ученые некоторых стран, например, склонны считать, что самый многообещающий вид транспорта — это железнодорожный, и он придет на смену автомобильному. Не столь уж важно в конце концов, что будет делаться в корпусах нашего завода через пятьдесят или сто лет: автомобили, электромобили, поезда на пневмоподушках или мощные тяговые моторы, которые приведут в действие на улицах горизонтальные эскалаторы вместо тротуаров и мостовых,— и такая высказывается идея. Но хочется верить, что наши усилия, поиски, опыт пригодятся потомкам.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и С. ГУРАРИЯ.

Главный конвейер сборки автомобилей ГАЗ-24.

Люба Малышева, окончив 10 классов, пришла на автозавод и работает слесарем на конвейере сборки кузовов.

ПРАВДА ВЕКА

В 1966 году в издательстве «Правда» вышел подготовленный редакцией журнала «Огонек» литературно-художественный сборник «Михаил Александрович Шолохов», посвященный 60-летию Шолохова. Книга быстро разошлась. Идя навстречу пожеланиям читателей, «Огонек» готовит второй сборник о выдающемся советском писателе «Слово о Шолохове» (редактор-составитель ростовский писатель Михаил Андриасов).

«Огонек» уже опубликовал одну из подготовленных для сборника статей известного английского писателя Джека Линдсея «Новаторство Шолохова».

Сегодня мы печатаем статью литературоведа Федора Бирюкова «Правда века».

Ф. БИРЮКОВ

...Вспоминаю 1933 год. Это было под Ртищевом, Саратовской области, в краю сплошных колхозных полей. Село Красная Звезда. Оно называлось еще Большие Сестренки, потому что где-то недалеко находились Малые Сестренки. По соседству — деревня Ключи. Такие все поэтические названия.

Село тянется вдоль густых лесистых берегов Хопра. И какая-то особенная благодать приютилась в широких оврагах с зарослями на бугристых склонах. Там, как и на Дону,— только не в конце января, а позже — «тонкий многоцветный аромат устойчиво держится... до голубых потемок», так же сказочно прекрасен «крытый прозеленью рог месяца» и «кидают на снег жирующие зайцы опушенные крапины следов».

И такой же ветер со степного гребня... Опаленная морозами полынь... Чернобыл, бурьян, стерня, волнистые бугры зяби... Как все это знакомо — с далекого, раннего детства. И невыразимо трогает. Родной край...

В селе находилась машинно-тракторная станция, политотдел. Его начальник Иван Михайлович как-то вечером, после всей суматохи дня, разговоров с десятками людей, прошедших через его кабинет,— это были агрономы, полеводы, трактористы, бригадиры и просто нуждающиеся в чем-то, после надрывных телефонных разговоров у висящего аппарата, очень скверно соединявшего сельские Советы, после усталости, валившей с ног, вдруг заговорил с нами, сотрудниками политотдельской газеты, о «Поднятой целине»:

— Вот это, я признаю, книга. Как раз то самое, что нужно. Читал — оторваться не мог. Написана с огромным знанием, всерьез, без вычуров и умничанья. Очень много дает. И наводит на размышления. А какой язык! Ее надо не просто читать, а изучать... Главное, что подсказывает она,— мы должны лучше знать и понимать людей, быть к ним намного ближе. Ведь некоторые руководители сделали для себя правилом: кричат, командуют, распекают, грозят... А в Чиганке один деятель двинул кулаком в лицо пареньку, комсомольцу. Не смей, видите ли, возражать! Разве мы так убедим кого-то? Одолеем наши трудности? А их вон сколько: оплата скудная, порядка в бригадах нет, учет труда запущен. Урожай — горе одно. А земля-то какая: чернозем! Идешь — нога тонет. И люди, если с подходом к ним, горы сдвинут. Дворцы можно было бы по всему Хопру возвести...

Потом уже с упреком прямо к нам:

— Вы тоже плохо вдохновляете людей. Мало хвалите. Уж очень ругаете конюхов, вроде бы не умеют они ухаживать за лошадьми... Не очень верю... Увлекаетесь чем не надо. Послушать иного — до нас в селах никто не умел ни пахать, ни сеять... И как только вели хозяйства, существовали — понять невозможно...

После этого разговора мы занялись освоением романа. Обсуждали, спорили. Книга волновала всех. И стали обычными сопоставления: такой-то на селе — это наш Кондрат Майданников, дело знает; о другом отзывались: дед Щукарь, только басни рассказывать... Называли Семена Давыдова, Макара Нагульнова, Якова Островнова.

А весной приехал из Саратова театр имени Карла Маркса. «Поднятая целина» была великолепно поставлена в клубе. Мест не хватало. Люди стояли вдоль стен. Смотрели, не сводя глаз.

Это было давно. Но и теперь я вижу сосредоточенное, задумчивое выражение на лицах крестьян, взволнованных правдивым изображением судеб деревни. Шолохов скажет после, что он предпочитает быть понятым не когда-то в будущем, а сейчас, своими современниками. И он был понят. Никакие тиражи не удовлетворяли спроса на книгу.

В те годы Лидия Сейфуллина, резко критикуя произведения, в которых заметно было отставание от времени, так объяснила особенное воздействие «Поднятой целины»: «Наша любовь к стране, нашему строю, ко всему, что крепит СССР, в произведениях наших малосильна. Потому что мы слишком субъективны. Мы не парим над объектами... О перерождении единоличника в колхозника написано много книг, а запоминается, сердит или убеждает лишь «Поднятая целина». В ней пласты жизни захвачены глубоко. Любимые и враждебные объекты освещены равномерным светом знания — чему погибать, чему расти».

И, помнится, как-то многое менялось в стиле руководства, а от этого и в настроении народа. Начальник политотдела день и ночь мотался по деревням, бригадам и полевым станам, тащил за собой и других. В кабинетах стали разговаривать ровнее, тише, все решалось вдумчивее, в согласии с народом.

Так большое произведение искусства вторгалось в большую жизнь.

Оглядываясь назад, видишь, как правильно было сделано, когда эта книга в ряду других замечательных произведений была введена в программу школ. Ее начали разбирать по главам, страницам. Она учила любить, ненавидеть, бороться, побеждать...

Учила превосходно, потому что идеи ее были возвышенны, материал достоверен и неотразимо впечатляющ, весь ее настрой укреплял оптимистическое чувство, ее ситуации имели далеко не локальное и временное значение, ее герои, утверждающие социализм, несли в себе непреходящие качества.

Это были герои времени, взятые прямо из жизни, победной и сурово-драматической, с радостями и тяжелыми утратами. Их можно было встретить в любом селе, на каждом полевом стане. Они действительно, если надо, трудились на полях при луне, отдавали общему делу все силы, были борцами неколебимой убежденности. Живыми они пройдут через годы войны. Живыми останутся и поныне.

Поколению, которое в тридцатых годах познавало жизнь по книгам, предстояло потом выдержать тяжелейшее испытание на войне. А та страсть, которая жила в героях М. Шолохова, оборачивалась самой несокрушимой броней. Они были надежным примером. Их не поставишь на колени!

И еще: тем, кто был тогда юношами, пришлось потом разрешать нелегкие политические и хозяйственные задачи. Очень важно поэтому, что они уже тогда с помощью нашего искусства составили представление о том, как организуется живое дело, какие действия идут на пользу, а какие — во вред. Параллель между тем, как поступает Давыдов, и, с другой стороны, не в меру горячий, торопливый, хотя и до конца свой Нагульнов, очень необходима была для воспитания практиков ленинского типа. Никак не поддается учету огромный вклад, который внесла и вносит наша литература, могучее дарование Михаила Шолохова, формируя черты советского человека, его политический и нравственный облик.

М. Шолохов не обещал легких побед. Он вел своих героев по трудным путям, когда жизнь вставала «на дыбы, как норовистый конь перед трудным препятствием».

Руководство — это всегда акт творческий, оно требует точной ориентировки, учета всех сложностей. А так как по мере продвижения вперед, по неизведанным путям задачи не становятся легче, их непрерывно рождает новая обстановка, каждый новый день, нужен умный, собранный, честный, не ищущий личного благополучия Давыдов с его верой в народ, убежденностью, волей, не знающей паники и попятных движений.

В обеденный перерыв перед рабочими выступает коллектив художественной самодеятельности Дворца культуры горьковского автозавода.

Опыт Давыдова стал поэтому примером для коммунистов всех стран, сплачивающих народы. Особенно важен для руководителей в социалистических странах, укрепляющих политический строй, экономику, реорганизующих сельское хозяйство.

Это чисто практическое значение книг М. Шолохова нисколько не снижает их эстетической ценности, а, наоборот, предполагает ее. Кстати, слово «дидактика» — а у Горького в этом смысле употреблялось понятие «социальная педагогика» — скомпрометировано теми творениями, в которых «поучение» дано в виде приложения к художесочному повествованию. Дидактика предполагает значительность темы, ибо «только то прекрасно, что серьезно» (Чехов), художническую страсть, веление души, воссоздание жизни во всем богатстве связей, со всеми ее противоречиями.

Книги М. Шолохова взяты ныне на вооружение прогрессивным лагерем всего мира именно потому, что они содержат «социальную педагогику» широкого смысла, претворенную в образность совершенного, покоряющего мастерства. События всемирно-исторического значения представлены в полной истине, народ — в его подлинном виде, вся действительность — без идиллии, схематизма и приблизительности. А это и есть основа реальной стратегии. Самое опасное в руководстве — забыть о сложности исторического процесса, о далеко несходной психологии разных слоев и групп народа, где стремительны и не всем видны подводные течения. Жизненные противоречия всегда сложны, богаты индивидуальными проявлениями. Ситуации складываются очень прихотливо. Шолохов дает об этом самое убедительное представление.

И то, что он стоит обеими ногами на реальной почве, живет с народом одной жизнью, общей — радостной и горькой — думой, что в выборе тем, образов, проблем он идет по линии наибольшей трудности, прослеживает всякие зигзаги на пути людей к их собственному счастью, ищет неисследованное, — этот подлинно творческий взгляд более всего и соответствует мышлению демократических сил. Он расширяет область познания, обостряет наблюдательность. Плоская иллюстрация, умозрительность без проникновения в сущность еще никого ничему не научили.

Именно стремление дойти до корня, первопричины позволило М. Шолохову во всей широте представить ход истории, со всеми водоворотами, в которые были ввергнуты миллионные массы.

Не случайно же он взял сложнейшие темы по времени и социальной среде. Мировая война. Революция. Нэп. Коллективизация. Великая Отечественная война.

Шолоховский мир — это прежде всего крестьянский мир. А крестьянский вопрос в нашей революции был самым сложным и на определенных этапах решающим. Меньшевики, как известно, сбрасывали крестьян со счета. Троцкисты видели в деревне беспробудную, неподвижную, консервативную массу, резерв буржуазии. И только ленинская стратегия определила место тружеников земли как основных союзников пролетариата.

Немалую, так сказать, дезориентацию вносили и те писатели — до Октября и после, — которые никак не видели в деревне светлых сторон, изображали только мрак, ужасы, темноту, серость, дикость, отсутствие какого-либо движения. Такие представления были неточными, а когда практически решался вопрос о завоевании крестьянства на сторону пролетариата, — опасными.

Некоторые прозаики, особенно из объединения «Кузница», долго противопоставляли друг другу рабочих и крестьян, о деревне судили свысока, сбивчиво, несправедливо.

Г. Никифоров в романе «У фонаря» пишет о деревне Мотыги. Живут в ней мужики — одни краше других. «Что Хватовы, что Дерябины, что Чувякины, — у каждого в голове коленце такое есть, чтобы заграбастать».

А ведь такими предстают мужики и у М. Чумандрина, П. Романова — рвачи, стяжатели, спекулянты, лентяи, невежды, «скобари» «огломоны», никак не способные ужиться с городом и новым строем. В повести «Родня» Чумандрин вывел крестьян, пришедших после революции работать на завод, как неисправимых дикарей и хамов. П. Романов строил многие деревенские рассказы на анекдотическом материале, увлекаясь легкомысленной юмористикой по поводу якобы мужицкой «стадности», автоматизма мышления, элементарной нераспорядительности и непробудной лени. А в каком извращении подана вся история дореволюционного крестьянства в его романе «Русь», задуманном как эпопея...

Надо ли доказывать, насколько вреден был такой невозможный подход к ответственной теме, как он противоречил духу времени...

И ведь это держалось очень долго.

Вот еще один пример — из критики. В 1933 году, когда из деревень требовали прислать как можно больше книг «Поднятой целины», нашелся же такой истолкователь романа, который сразу обнаружил в нем «подводные камни».

Что же это такое?

М. Шолохов, оказывается, мало знал действительность, у него получилось «очень игриво, отполированно, гладко, но совсем не правдиво», он, учил критик, лучше бы сделал, если показал «собственническую стихию», которая «как будто сорвалась с цепи», и уж если, например, крестьянин пошел за Половцевым, его никакой силой назад не вернуть...

Требование ясное: нам подай земледельца свирепого, жестокого, неукротимого в своей стихийности. Других критик не признает...

М. Шолохов поднял крестьянскую тему на невиданную до этого высоту, сделал деревню объектом самого пристального исследования, выдвинув острополитические проблемы.

Уже в «Донских рассказах» через густо окрашенные кровью фабулы проходит оптимистическая мысль о несгибаемости, моральной силе и правоте народа, поднявшегося против помещиков и кулачья и утверждающего новый строй.

А сколько нежного, возвышенного, подлинно человечного подметил он в душе земледельца... На фоне тех негативных изображений, о которых я говорил, как же по-иному зазвучала политически острая тема...

Небывалый масштаб приобрела она в «Тихом Доне». Это грандиозная художественная панорама событий, потрясших весь мир.

Сила эпопеи — в глубочайшей народности. Крестьянский люд для Шолохова не абстракция, не туманность, не что-то безличное и суммарное. Он населил роман многими персонажами — представителями народа. И они — впервые в истории мирового искусства — на первом плане в величайшей эпопее. Они — в крупном изображении, с броской внешностью, особенным характером, положительностью, практическим умом, речью. Здесь дороже всего неповторимая индивидуальность, будь это Григорий Мелехов, Аникушка, Авдеич, Христоня, Степан Астахов. Писатель пристально вглядывается в невзрачного Валета, конюха Сашку, бабку Дроздиху, кучера Емельяна, кухарку Лукерью. Его волнуют дети, и когда в годы войны они становились хмуры и безрадостны, преждевременно взрослели, — это ранит душу писателя. Он всем существом с народом, вжился в простое, безыскусственное бытие этой среды, для него несомненен и непререкаем нравственный ореол честного существования труженика, никак не сопоставимый с тунеядством верхушки. Разве мыслимо поставить рядом Григория Мелехова и Евгения Листницкого? Наталью Коршунову и Лизу Мохову? Герои из народа красивы, собранны, расторопны, ухватисты в делах, находчивы. Так и сверкают умные, моментальные, с хитроватой ухмылкой диалоги, когда каждое слово, как говорил Гоголь, вышибается из нутра и что ни слово — то и подарок. Уже это одно — приметная черта живого ума и оригинальности.

Это трудовой народ. Он все умеет делать. И любит делать. Не выпадут из рук ни вилы, ни коса, ни топор. Держаться за чапыги плуга, слушать трубный звук отлетающих по осени журавлей, видеть, как по полю проносится паутина, — нет выше мечты для Григория. В труде — призвание, радость, смысл и красота их жизни. Это большой народ, нравственно сложившийся с гордым сознанием своей нужности, незаменимости. Если кто ленив — поблажек не дадут, хитер для себя — разоблачат, захребетников презирают.

Началась уборка — и народ не щадит сил своих: «Хутор скочевал в степь. Косили жито. Выматывали в косилках лошадей, задыхались в духоте, в пряной пыли, в хрипе, в жаре...

Петро, метавший с косилки, выпил с утра половину двухведерной баклаги. Пил теплую противную воду, и через минуту ссыхалось во рту, мокли рубаха и портки, текло с лица, шкварился в ушах немолчный трельчатый звон, репьем застревало в горле слово. Дарья, укутав платком лицо, расстегнув прореху рубашки, копнила. В ложбинке меж побуревших грудей копился серый зернистый пот. Лошадей, запряженных в косилку, гоняла Наталья. У нее свекловицей рдели опаленные щеки, глаза слезились. Пантелей Прокофьевич ходил по рядам, как искупанный. Мокрая, непросыхающая рубаха жгла тело».

Окажись такой приросший к земле хуторянин на австрийском фронте, в Польше или под Петербургом, он везде думает о земледельческой поре, о волах, лошадях, опустевшем хуторе, осиротевшем курене, плетневой загородке, высветленной тропинке к Дону.

Щедро, сочно расписанные картины веселья — это здоровое, естественное буйство сил, когда так и переливается горячая кровь в жилах радостного, крепкого, удалого народа. Свадьба — так свадьба. Хороводы — так хороводы. Не гнется душа...

«По вечерам в топотном звоне стонали улицы, игрища всплескивались в песнях, в пляске под гармошку, и лишь поздней ночью догорали в теплой сухмени последние на окраинах песни».

Михаил Шолохов далек от идиллии. Допотопная старина, патриархальщина, дикие суеверия, бытовая отсталость, порой ужасная и отвратительная, тоже вошли в роман. Но несоизмеримый перевес положительного, светлого, нерастраченность силы, богатырская неодолимость, здоровое начало в народе — все это, на чем держится «Тихий Дон», отличает его от мрачных повестей и романов с нагнетанием ужаса и прямой несообразности, уклоном в биологизм, нудное бытописательство или пейзанство.

Горечь фабулы особенно остро воспринимается оттого, что этот народ достоин был куда лучшей судьбы, чем уготовили для него правители царской России.

«Тихий Дон» — сильнейший в ряду книг мировой литературы, посвященных войне 1914 года. И главная причина в том, что писатель смотрит на события глазами трудового люда, к нелегкой судьбе которого прибавились новые страдания.

«Эшелоны... Эшелоны... Эшелоны... Эшелоны несчетно! По артериям страны, по железным путям к западной границе гонит взбаламученная Россия серошинельную кровь».

Передовая фронта. Разные направления — и везде сплошной ад. Люди трупами повисают на проволочных заграждениях. Немецкая артиллерия до корня выкашивает целые полки. Раненые ползают по жнивью. Глухо охает земля, «распятая под множеством копыт», когда обезумевшие люди устремляются в кавалерийские атаки и плашмя падают вместе с конями. Не помогает солдату ни молитва от ружья, ни молитва от боя, ни молитва при набеге. Люди сходят с ума...

Поле недавней сечи... Рубились по-первобытному... И вот на прогалине — длинная стежка трупов. «Лежали внакат, плечом к плечу, в различных позах, зачастую непристойных и страшных».

Фронтовиков кормят дохлятиной. Грязь, вши... Свирепый мордобой и слежка...

Разваливается тыл. «Вместе со второй очередью ушла и третья. Станицы, хутора на Дону обезлюдели, будто на покос, на страду вышла вся Донщина...

Ложились родимые головами на все четыре стороны, лили рудую казачью кровь и, мертвоглазые, беспробудные, истлевали под артиллерийскую панихиду в Австрии, в Польше, в Пруссии... Знать, не доносил восточный ветер до них плача жен и матерей.

Цвет казачий покинул курени и гибнул там в смерти, во вшах, в ужасе».

Надо было очень близко принять к сердцу трагедию народа, муку мученическую всей земли русской, чтоб вот так в траурную мелодию сложились скорбные слова: «...многих недосчитывались казаков, — растеряли их на полях Галиции, Буковины, Восточной Пруссии, Прикарпатья, Румынии, трупами легли они и истлели под орудийную панихиду, и теперь позаросли бурьяном высокие холмы братских могил, придавило их дождями, позамело сыпучим снегом...»

«Тихий Дон» как антивоенный роман появился в то время, когда над миром, над существованием людей, цивилизацией нависли черные тучи фашистских смертоносцев. Люди всех стран, обеспокоенные будущим, оглядывались назад.

Эпопея Шолохова прежде всего противостояла угарным барабанным песнопениям в честь войны прошлой и будущей разных трубадуров шовинизма и реваншизма.

Но дело не только в том, что она воссоздала картину истребления народов, все ужасы и бедствия. Это одновременно делали и такие талантливые прозаики, как Ж. Жионо, Э. Ремарк, Р. Олдингтон, Э. Хемингуэй. Высок и искренен разоблачительный пафос их книг, гуманизм, честно бросили они гневное проклятие кровавой поре. Но им не удалось создать эпическое полотно такого размаха, где бы был найден выход из трагедии человечества. А этого требовало время.

Тем и замечателен роман Шолохова, что в нем вслед за войной, как очистительная буря, надвигается и сметает кровавое прошлое народная революция.

* * *

«Тихий Дон» — роман о судьбах крестьянства в нашей революции. И хотя эта тема очень заметно прошла еще раньше через «Железный поток» А. Серафимовича, «Барсуки» Л. Леонова, повести А. Неверова, Л. Сейфуллиной, А. Яковлева, М. Шолохов сказал свое. Вся огромная проблема ставится в осложненном варианте — он показывает трудовое казачество, находившееся в искусственной изоляции от общерусской демократии, не развеявшее до конца некоторых сословных и областнических представлений, а в старшем поколении — монархической привязанности.

Казаки обычно рассматривались как сплошная контрреволюционная масса, железная гвардия царя, верный оплот русского империализма. У М. Шолохова представление иное, более точное. В романе строгая дифференциация: средние и низшие слои отделены от верхов. Не было единого сословия, не было одной привилегированной касты, не было одного казачества. Не могло быть ни родства, ни близости, например, у Мелеховых с богатеем Моховым. У одних — курень, у другого — домище, ошелеванный пластинами, страшная псарня во дворе. О Листницких и говорить нечего: четыре тысячи десятин надела. Григорий и Аксинья у них в батраках, на обоих определили жалованье — восемь рублей в месяц... Казалось бы, Мелеховы не так далеки от сватьев Коршуновых. Но и это не так. У Мелеховых на все свои руки. Коршунов выжимает соки из батраков.

Особенно разошлись пути за время войны и революции. И нет ничего удивительного, если в госпитале при виде царственной особы, когда «толпа блестящих мундиров и густая волна дорогих духов надвигалась на Григория», он, израненный, «небритый, худой, с воспаленными глазами», смотрит на кровопийц, и мелко дрожат его острые скулы.

Трудовые казаки постепенно, и чем ближе к 1917 году, тем заметнее, превращались во врагов буржуазного строя. Не железная гвардия царя — из кромешного ада войны возвращалась на Дон просвещенная опытом, раздраженная, измученная масса и тоже в немалой мере заряженная революционной пропагандой.

Казаки митингуют во время корниловской авантюры, когда их направляют в Петроград душить революцию:

«— Не пойдем! Не будем сгружаться! В телеграмме прописано, будто казаки сулились помогать Корнилову,— а кто нас спросил? Не сулились мы ему! Офицерья из казачьего союзного Совета сулились! Греков хвостом намотал,— пущай он и помогает!..»

И вот уже родился в казачьих эшелонах сказ о Ленине:

«— ...Сам он из донских казаков, родом из Сальского округа, станицы Великокняжеской,— понял? Служил батарейцем, гутарют. И личность у него подходящая,— как у низовских казаков...

— Откуда ты слышал?

— Гутарили промеж собой казаки, довелось слыхать.

— ...Пугач из казаков? А Степан Разин? А Ермак Тимофеевич? То-то и оно! Все, какие бедненющий народ на царей подымали,— все из казаков. А ты вот говоришь — Симбирской губернии... Он ишо не одному царю перекрут сделает...»

Выразительна заметка Духонина на письме Корнилова: «Казаки заняли непримиримую позицию — не воевать с большевиками».

И хотя на Дону давление контрреволюционных сил — черного воронья, сбежавшегося в Новочеркасск,— было тоже очень заметно, колебания принимали резкие формы, в народе побеждало одно настроение — договориться с новой властью.

Как тут не вспомнить волнующие слова резолюции, принятой казаками на многолюдном митинге в станице Казанской в 1919 году:

«Советская власть показала себя при всех тяжестях положения в стране честной и боевой защитницей интересов трудящегося народа России: и рабочих, и крестьян, и казаков. Пусть эта власть объединит нас с остальной социалистической Россией для мирной, братской, трудовой жизни...

Долой, белые кровопийцы, с нашего Дона. Мы твердо берем винтовку и говорим: «Смерть вам, предатели».

Привет! Горячий привет тебе, Владимир Ильич, непреклонный борец за интересы трудящегося народа. Мы становимся бесповоротно под красное знамя, находящееся в твоих руках».

Вот она, великая объединяющая сила идей ленинизма!

Михаил Шолохов — историк, и куда более основательный, чем те историки, которые нередко больше запутывали, чем проясняли суть. Он воссоздал подлинный ход донских событий, сказал верное слово о трудовом казачестве. Развеяны не только узкосектантские формулы о народе Дона, получившие вид стройных неподступных концепций,— дилетантские суждения о деревне вообще стали очевидны после его книг. Ни очернительства, ни сентиментальной идиллии искусство не принимает. Признает только правду.

И не менее важно. Шолохов еще больше утвердил исследовательский принцип в искусстве, преподал урок: вот как надо всматриваться в народ, постигать его судьбы, настроения, быт, схватывать общее и индивидуальное.

Писатель пристально прослеживает вслед за движением времени судьбы своих героев, радуется, если их очень нелегкие пути сходятся с широкой дорогой революционного народа, и его глубоко огорчает, когда они расходятся.

Через многие крупные произведения советской литературы прошла тема крестьянских мятежей в годы гражданской войны. Писатели обычно довольно живописно, даже с излишней увлеченностью, воспроизводили внешнюю сторону этих выступлений, но раскрыть причины не всегда могли. Мятежи обычно изображались как нечто естественное, похожее на смерч или землетрясение, когда разыгравшуюся стихию ничем не предотвратить. Приравнивали всякое недовольство, возмущение крестьян к проявлению вольницы, анархизма и просто бандитизма, звериных собственнических инстинктов. Шолохов дал изображение глубоко аналитическое, неторопливое, замедленной съемкой, показав мятеж изнутри — с той стороны, которая меньше всего была известна. Он определил объективные и субъективные факторы, занявшись исследованием причин конкретного события — Верхнедонского мятежа, вспыхнувшего в 1919 году в тылу наших войск. Здесь важен был, как говорил В. И. Ленин, «фундамент из точных и бесспорных фактов». А они таковы. Естественные колебания трудового народа Дона, обусловленные социальными и историческими причинами, влиянием вражеской пропаганды, еще более усилились, осложнились, когда некоторые руководители начали проводить политику «расказачивания», нарушили ленинский классовый принцип, допускали репрессии по отношению к середнякам и даже беднякам, администрировали, грубо вмешивались в бытовые традиции. «Все это,— говорится в «Истории КПСС»,— озлобило казачество, увеличило число противников Советской власти».

М. Шолохов в письме к А. М. Горькому в 1931 году сказал: «И естественно, что такая политика, проводимая некоторыми представителями Советской власти, иногда даже заведомыми врагами, была истолкована как желание уничтожить не классы, а казачество».

Мимо этого художник пройти не мог. «Классовый подход к казачеству был нарушен»,— сказано об этом и в «Истории КПСС». А любое нарушение классового принципа, когда он подменяется или идеей «общечеловеческого» единства и всеобщего гуманизма, или сектантской практикой огульного обвинения людей в контрреволюционности, никогда не приводило к добру.

Обстановка требовала немедленной отмены распоряжений, мешавших установить соглашение с трудовым казачеством и крестьянством Дона. Известна ленинская телеграмма Реввоенсовету Южного фронта. Но все дело в том, что «местные партийные, советские и военные власти на Дону и прежде всего члены Донского ревкома,— отмечено в «Истории КПСС»,—...придерживались старой линии «расказачивания» и этим нанесли серьезный вред Республике». А это значит, что неустойчивость Григория Мелехова и других казаков, героев романа, нельзя выводить только из двойственной социальной природы середняка, ибо «эти колебания не имели бы таких последствий,— говорится в «Истории КПСС»,— если бы не серьезные ошибки, допущенные в решении казачьего вопроса».

Михаил Александрович писал А. М. Горькому относительно тех мест в романе, где говорится о мятеже и против которых возражали рапповцы: «Но я же должен был, Алексей Максимович, показать отрицательные стороны политики расказачивания и ущемления казаков-середняков, так как, не давши этого, нельзя вскрыть причин восстания...»

Перегибы в донской политике, к которым прямое отношение имеют троцкисты, помешали закрепить успехи Красной Армии на юге в 1919 году, изолировать трудовые слои от контрреволюционной верхушки.

Шолохов показал опасные последствия волюнтаризма, администрирования, отрыва от народа, извращения классового принципа, особенно в той среде и той обстановке, где и без того все было накалено действиями враждебных сил.

«Тихий Дон» нельзя понять, если не будет учитываться гениально обоснованная теоретически и подтвержденная практикой борьба великого Ленина за трудовые массы, подверженные колебаниям, за всяческое облегчение им путей перехода к новой жизни, сближение их с революционными силами. Нельзя понять «Тихий Дон», если оставить в стороне хотя бы решения VIII съезда нашей партии об отношении к среднему крестьянству. Если отвлечься от ленинского учения о роли субъективного фактора.

А вместо этого чаще говорят о неизбежной трагедии, изображенной в «Тихом Доне», вводят все события в рамки неотвратимой «закономерности», «оправданности», «необходимости», строят, особенно за рубежом, всякие фаталистические теории о предопределенности судьбы Мелехова и других. Не вдумываясь в сложную структуру романа, некоторые критики не могли понять, почему такое место в «Тихом Доне» занял колеблющийся народ. И обвиняли писателя то в мелкобуржуазном уклоне, то в абстрактном гуманизме и объективизме.

В том-то и суть, что М. Шолохов равно далек от бесстрастного объективизма и безнадежного фатализма. «Объективист,— говорил В. И. Ленин,— доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов... Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; «материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы».

Позиция самого писателя глубоко партийна. Его мысль ясна, определенна и очень существенна: «Думается мне, Алексей Максимович, что вопрос об отношении к среднему крестьянству еще долго будет стоять и перед нами, и перед коммунистами тех стран, какие пойдут дорогой нашей революции».

И, разумеется, дело это не было и не будет простым вследствие промежуточного положения этих слоев, вследствие того постоянного расчета, который делают на эти слои силы реакции. Поэтому здесь особенно важна гибкость политической линии, осторожность, умение добиваться соглашения, уживаться с ними, располагать к себе, завоевывать доверие. Борьба за массы, опора на величайшие потенциальные возможности, которыми они обладают, проблема правильного руководства, выдвинутая революцией на первый план,— вот одна из главных идей романа.

* * *

Михаил Шолохов — народный художник в самом глубоком, некрасовском, толстовском, горьковском стиле. Определение «народный» не надо бы делать универсальным и проходным, стирать в нем очень важное, ибо оно предполагает, что для такого писателя нет ничего выше интересов трудового народа, нет ничего отраднее, как жить среди этого народа, в самой густой его массе, нет ничего мучительнее, если почему-либо бедствует народ. Человечность, правда, обращенность в сторону важнейших интересов страны, светлая вдохновляющая мысль — все это делает искусство Михаила Шолохова прозорливым и мудрым.

Пилот Михаил Балабкин следит за работой вертолета, распыляющего ядохимикаты.

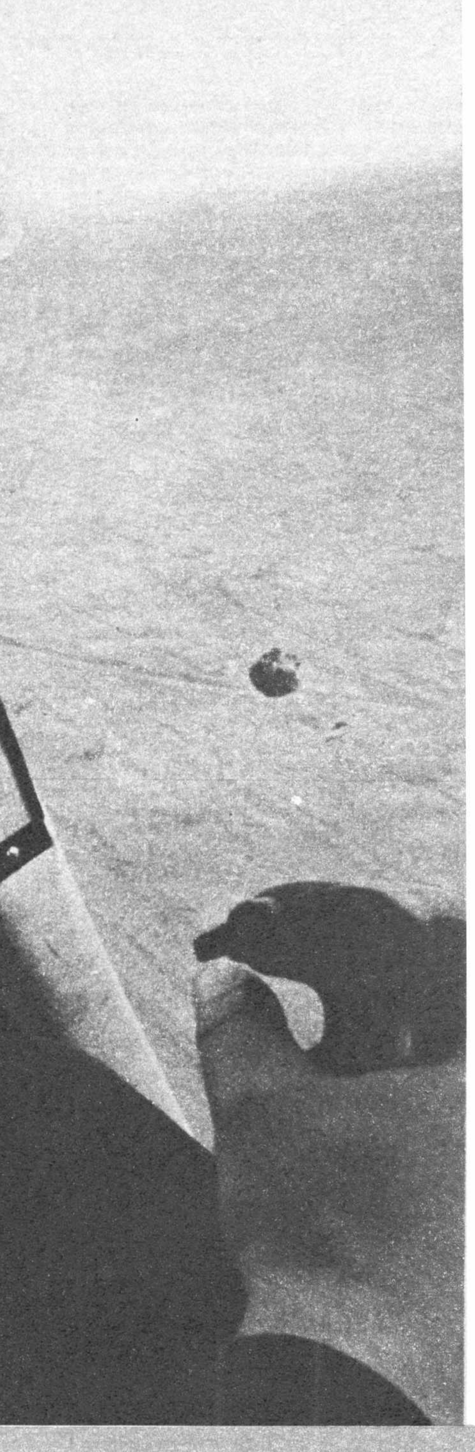
А. ГОЛИКОВ
Фото Э. ЭТТИНГЕРА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

86.000.000...

Страдная пора на полях молдавского колхоза имени Сергея Лазо.

С Михаилом Чекирланом, главным агрономом колхоза имени Сергея Лазо, мы познакомились на ...«летном поле». Пришел он сюда рано утром, чтобы уточнить нормы удобрения для подкормки озимых. В общем, чтобы дать последние указания перед «боевым» вылетом...

— Колхозы Молдавии широко используют авиацию,— рассказывает Чекирлан.— Взять, к примеру, наше многоотраслевое хозяйство. Мы занимаемся полеводством, виноградарством, садоводством, выращиваем овощи. И везде применяем авиацию. Выгодно, удобно. Вот и сейчас у нас работают самолет АН-2 и вертолет КА-26.

...Колхозный «аэродром» — ровная полоска земли. На краю возле дороги сарай. Над ним на шесте «колдун» — матерчатый конус, показывающий силу и направление ветра. Здесь же — удобрения, цистерна с ядохимикатами. Колхозники и авиаторы работают дружно.

— Мы, можно сказать, новую специальность обрели — колхозно-авиационную,— шутит Иван Георгидзе.— Я да вот Владимир и Аксентий Долгие уже лет пять работаем на нашем аэродроме. Научились разбираться в погоде — какая летная, какая нет. А если надо, то и авиамеханику, Васе Кирсанову, с толком подсобить можем.

Вертолет уже готов к полету — загружен сполна. Пилот Виталий Горевой поднимается в кабину. Гудят двигатели, лопасти несущих винтов вращаются все быстрее и быстрее, машина словно поднимается на цыпочки, делает несколько «шагов», отделяется от земли и, накренясь вперед, спешит на работу в колхозные сады.

Пока загружают самолет, беседую с его командиром. Петр Симак — опытный летчик. О жизни и работе сельских авиаторов говорит сдержанно. Конечно, есть тут своя специфика. Приходится, например, подолгу быть вдали от семьи, жить по-походному, зачастую без особых удобств. Но зато какое огромное удовлетворение испытываешь, когда начинается пора уборки урожая: это и твоих рук дело...

Разговор заходит о делах сугубо авиационных. Сельская авиация — отличная школа для молодого пилота. Работать всегда приходится на малых высотах, на бреющем полете, взлетать и садиться на маленькие площадки, часто в сложных условиях с боковым ветром. После таких полетов легче осваивать другие, более сложные типы самолетов, чтобы потом перейти на реактивные пассажирские лайнеры.

...Приятно наблюдать с земли, как работает крылатый труженик АН-2, он идет низко над зеленым ковром озимых, оставляя за собой белый шлейф. Пилот ведет самолет словно по линейке, точно выдерживая высоту, направление. Нелегкое это дело, когда порывистый ветер хочет то приподнять машину, то швырнуть ее к земле. А земля-то, вот она, кажется, рукой можно достать.

...Миновав красно-белое сигнальное полотнище, АН-2 разворачивается и идет обратно, покрывая зелень озими ровным слоем удобрения. Опять сигнальное полотнище — и снова разворот. И так несколько раз. Но вот уже кончились удобрения, и АН-2 пошел на посадку. Пока загружают баки, можно успеть пообедать — тут же, у самолета. И снова в воздух. И так с утра до вечера. За день летчики выполняют 40—50 взлетов и посадок — большая нагрузка!

Сегодня за полетами наблюдает представитель Молдавского управления гражданской авиации Алексей Иванович Маштаков — старший инженер по применению авиации в народном хозяйстве.

— Какая машина более эффективна в сельском хозяйстве — самолет или вертолет? — спрашиваю.

— У каждой свои преимущества. Самолет более производителен, он экономичнее. Но ему нужна сравнительно большая посадочная площадка, ее не всегда найдешь. А вертолет может работать буквально с пятачка. Он незаменим при химической обработке садов, виноградников, табачных плантаций, овощей. Дело в том, что воздушные потоки от его несущих винтов забрасывают ядохимикаты не только на внешнюю сторону листков, но и на внутреннюю, и там тоже уничтожают вредителей. И еще немаловажное качество винтокрылой машины — скорость ее можно регулировать, вертолет способен даже неподвижно висеть в воздухе. В нашем деле от пилотов требуется большое мастерство. Они летают постоянно на малых высотах, порой в шести-семи метрах от вершин деревьев, и в день приходится выполнять по 50—60 посадок. В Молдавии спрос на крылатых хлеборобов и садоводов растет год от года. Особенно в «пиковые» месяцы.

— И вы справляетесь?

— Только с братской помощью других союзных республик! «Пиковые» сезоны в разных климатических зонах наступают в различное время. Весенние полевые работы, например, начинаются сначала в южных районах. Туда и летят на подмогу авиаторы из тех республик, где еще лежит снег. А потом южане помогают северянам. Так, в прошлом году нам помогали пилоты Российской Федерации, а наши потом работали в Белоруссии.

Авиация стала верным и надежным помощником села. **В прошлом году в нашей стране крылатые труженики провели авиахимические работы на площади в 86 миллионов гектаров.**

ПИСЬМА С КОЛОМЕНСКОГО ТЕПЛОВОЗОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА ИМЕНИ В. В. КУЙБЫШЕВА

МАСТЕРА

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Начальник цеха. Вы вчера сорвали задание по штуцерам.
Мастер. У меня двое рабочих не вышли.
Начальник цеха. Думайте, делайте, как хотите, а план выполняйте!

А. А. Антипов и В. М. Гудсков. Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

Диалоги подобного рода можно услышать на рапорте в каком угодно цехе, на любом предприятии каждый день. Что-то где-то всегда случается. Дальше события могут развиваться так: в ответ на замечания мастер постарается придумать выход из положения, хотя при подписании финансовой ведомости начальник цеха, проанализировав обстоятельства, может и припомнить этот факт. Формально так и бывает. Фактически же взаимоотношения начальника цеха и мастера складываются гораздо сложнее и глубиннее.

У Анохина очень часто отчет на рапорте — повод для очередной воспитательной операции, на этот раз по воспитанию самих мастеров. Да что мастеров — старших мастеров приходится иногда воспитывать! Ибо «важно, чтобы руководители производства и специалисты,— как говорится в постановлении ЦК КПСС об участии руководящих и инженерно-технических работников Череповецкого металлургического завода в идейно-политическом воспитании членов коллектива,— являлись примером добросовестного отношения к порученному делу, отличались скромностью, критически оценивали достигнутое, ценили коллективный опыт, располагали к себе людей и пользовались среди них уважением».

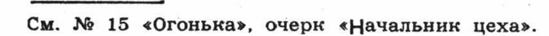
Вот все они сейчас сидят перед ним, Анохиным, за длинным столом, обложились сводками, графиками. Пять старших мастеров пяти участков. Самый опытный — Антипов Александр Александрович. В войну Анохин работал с ним в одном цехе, подростками тогда еще были. Анохин слесарил, Антипов на токарном. По двое суток не уходили домой. Да, есть что вспомнить... Теперь участок Антипова идет в числе лучших по всему заводу. За вчерашние сутки и по валу и по номенклатуре перевыполнение. Отличный результат! За ним, конечно, классное место. А вот у Сергея Ивановича Рыжкова неважные дела. Его участок слесарно-сборочный, от него зависит сдача изделий. А между тем он доставляет больше всего хлопот. Вот и сейчас начальник цеха раздосадован:

— Сергей Иванович, по товару очень плохо у вас. Почему не сдаете индикаторные вентиля?

Нет, не удовлетворен слесарно-сборочным участком Анохин. Лихорадит его работа весь цех. Как ни стремится привить Анохин Рыжкову маневренность, инициативу, расшевелить его организаторские способности, отдача пока невелика. Давным-давно назрела необходимость работать на участке, как и на других, в две смены. Об этом Анохин не раз говорил Рыжкову. Тот вроде бы соглашается, а сделать ничего не сделал. Конечно, Анохин мог бы отдать приказ, это проще и короче всего. Но Анохин как истинный воспитатель углубляет психологическую подготовку и ждет. Расчет его таков: «Я уверен, что Рыжков осуществит реформу по собственному разумению, по своей глубокой убежденности. Тогда кпд перестройки будет очень высок. Одно дело, когда человек поступает по принуждению, другое — по своей охоте, психологически созрев для такого шага, не так ли? Пора нам, руководителям, отказываться, отвыкать от голого администрирования». В этом принципиальный метод, сущность работы Анохина — убеждать.

К рычагу канцелярской машины Анохин прибегает крайне редко. Одного мастера, неисправимого поклонника Бахуса, пришлось понизить в должности и перевести в другой цех. Другого, старшего мастера Ерофеева, освободить за грубость и невыполнение планов. Казалось бы, в этой формулировке два разных мотива. Анохин усматривает между ними прямую связь. Недостатки Ерофеева морального свойства: невнимателен он был, груб и нечуток к людям. Одни рабочие, например, зарабатывали на участке за двести рублей в месяц, другие — очень мало. Его не беспокоило, если у кого-нибудь в аванс оказывалась всего четвертная. Тут бы и надо забить тревогу, выяснить, в чем дело. А он будто ничего не замечает. Или придет человек на смену не в духе, все валится у него из рук. Значит, дома нелады или чувствует себя неважно. Поговорить бы с ним, порасспросить. Может, вмешаться надо, помочь. А у него только одно на уме: «Давай, давай, жми»,— и еще расшумится, накричит.

Подобные начальники, к сожалению, не редкость. Я слышала, как однажды директор одного крупного комбината в пух и прах разно-

См. № 15 «Огонька», очерк «Начальник цеха».

сил начальника цеха: «Я тебя в два счета выгоню! Будешь с метлой у меня ходить!» Присутствующим при этой дикой сцене некуда было глаза девать. Начальник цеха, еще молодой, но уже опытный инженер, готов был провалиться сквозь землю. Да, он не выполнил распоряжения директора, потому что считал его несправедливым. Готов был к грозе. Но не в такой оскорбительной форме и не тут. Всему есть место и час. Не случайно поэтому, по данным социологических исследований, среди причин текучести кадров на третьем месте, после неудовлетворенности работой и жильем, стоит грубость и несправедливость начальника.

Ерофееву бы присмотреться к Анохину, позаимствовать у него умение вдумчиво разговаривать с людьми. Конечно, и Анохин может быть крутоватым под горячую руку. Но как бы он ни был рассержен, какие бы обидные слова ему ни сказали, тем более если принадлежат они человеку, занимающему подчиненное положение, он сдержит себя и никогда не ответит грубостью на грубость. И уж, конечно, не станет припоминать ошибки, если заметит, что человек почувствовал свою вину. Злопамятность не в его натуре. Людей с такими задатками нельзя, считает Анохин, вообще допускать к руководству.

А Ерофеева съедал гонор. Сам он лет пятнадцать работал старшим мастером, все знал. На замечания отвечал резкостью, травмировал людей и восстановил против себя чуть ли не всех. Моральный урон, наносимый им, был столь велик, что рабочие стали брать расчеты. Новички просились куда угодно, только не на второй участок. Возникла угроза плану, срывалось выполнение заданий. Вот какая тесная зависимость между субъективными, казалось бы, особенностями одного человека — старшего мастера — и производством.

Вместо Ерофеева Анохин недавно назначил исполняющим обязанности старшего мастера Виктора Михайловича Гудскова. Из своего резерва подобрал — отдел кадров прислать никого не смог. Гудскову досталось тяжелое наследство — самый большой в цехе участок с громоздкой, в тысячи наименований, номенклатурой, к тому же находящийся в прорыве. Анохин поставил перед всеми задачу вывести участок из цейтнота и в первую очередь помогает ему сам. Это только на рапорте он подчеркнуто официален. Отрывок из диалога, использованный мной в качестве эпиграфа, относится как раз к Гудскову. Дальше развивался он так:

Гудсков (глуховатым баском). Неприятности у нашей сверловщицы дома. Обещала сегодня быть. Но я меры предпринял. Замену нашел.

Анохин (смягчившись). Вчера вы не очень хорошо сработали, но в целом участок выравнивается, набирает темп, дела идут лучше, чем в январе, хотя и начинали без задела. Обстановка, главное, изменилась, меньше нервозности стало.

Забегая вперед, нужно сказать, что при Гудскове участок в первые же месяцы стал выполнять план. Изменения морального микроклимата благотворно повлияли на экономический фактор.

Анохин видит, что Гудсков старается, схватывает все на лету, и всячески поддерживает его.

Я спрашиваю у Бориса Васильевича, давно ли окончил Гудсков институт и какой.

Анохин улыбается:

— У меня нет ни одного мастера с инженерным дипломом. Моя голубая мечта — чтобы были такие мастера. Все техники. Вузовцы на участки нашего цеха идут редко и не задерживаются тут. Скорей к кульманам, за письменные столы, к логарифмическим линейкам.

— Там больше платят?

— Не скажу. Пожалуй, наоборот. Но работа там почище и поспокойнее. На мастера чересчур много обязанностей возлагается, встает перед ним много проблем. Что ни случится на участке — спросят с него. Мастер в ответе и за сменно-суточное задание, и за брак, и за прогулы, и за невыполнение рабочим нормы, и даже за чистоту в пролетах. Потому и идут молодые специалисты охотнее в отделы и бюро. Наши вузы готовят специалистов теоретически и технологически прекрасно подготовленных, но не учат работе с людьми.

— А практика? Разве она ничего не дает? На металлургических заводах, например, студенты работают подручными сталеваров и горновых. Они должны пройти все ступеньки от самых низов. И даже после защиты дипломов их не всегда назначают на средние командные должности, проходит еще какое-то время.

— В машиностроительной промышленности, особенно по специальности холодной обработки металлов, такой порядок не всегда, к сожалению, соблюдается. Но я вернусь к своей мысли. Можно быть талантливым конструктором, великолепным технологом, но не уметь организовывать людей, вести за собой коллектив. Мастера ближе всего к народу. Самое важное на предприятии звено — среднее. И если это звено крепкое, то успех, как говорят, запрограммирован. Было время, что мастерами назначались мастеровые в лучшем значении этого слова. Теперь невозможно даже представить себе это. К станку идут десятиклассники и техники. Чем выше культура производства, тем образованнее должен быть средний командир. Да если бы ко мне пришел вузовец — я б в него всю душу вложил! — горячо воскликнул он. — Помог бы ему стать хорошим воспитателем. Было бы у того желание, интерес к нашей работе.

Для Анохина понятие «мастер» — синоним слову «воспитатель». Проходя по цеху, он меня знакомил то с одним человеком, то с другим, предварительно охарактеризовав его то хорошим воспитателем, то слабоватым — «не тянет, но тéрпим, некем заменить»; то либералом — не любит острых углов; то исполнительным, но с камнем за пазухой. А про Николая Евстропова, высокого, совсем еще молодого человека, что стоял возле стеклянной будки мастера, сказал:

— Перспективный. До армии окончил машиностроительный техникум в Коломне, на действительной — школу комсомольского актива. Я возлагаю на него большие надежды. Может быть, удастся с его участием расшевелить наш цеховой комсомол. И народ его принял. Одна пожилая работница сказала мне: «Вы уж подсобляйте ему, Борис Васильевич, он к людям с душой». Кстати, Евстропов — сменный мастер у Гудскова, и тоже пока — «и. о.».

И все же далеко не каждый техник способен быть воспитателем, для этого требуются особые данные, — продолжал Анохин, — некоторые техники, которые были совсем не плохими, скорее, даже хорошими мастерами, взмолились: «Отпустите, сил моих больше нет. Перестал спать по ночам». Слишком большая нагрузка и ответственность падают на плечи мастера в нашем цехе. Почему? Производство мелкосерийное, часты переналадки, контингент рабочих пестрый, а штат нам все режут и режут. И получилось: на одном человеке висит по две должности. Начальник смены — одновременно хозяйственный мастер и еще кадрами занимается. Мастер работает и за себя и за диспетчера. Один диспетчер на два участка. Растил я одного диспетчера несколько лет, толковым работником стала, а нервная система не выдержала. В поликлинике на справке даже написали, что работать должна в другом цехе, но только не в нашем. Нельзя так! Невозможно! Я понимаю, нужно экономить средства. Это правильно. Но ведь можно найти в цехе менее болезненные для изъятия единицы.

...Под стеклянной трапецией медленно, будто вертолетные винты, вращаются лопасти вентиляторов. Кажется, что стоит побыстрее заработать им, и прозрачный этаж взлетит. Но под вентиляторами зеленые, гудящие металлом ряды. Станки и станки... Это и есть второй участок.

В смене Коли Евстропова 36 человек. Сколько лиц, столько и характеров. У каждого свои вкусы, устремления, планы, мечты, соответственно, конечно, летам, семейному положению и прочим анкетным данным, хотя и сближают всех общность, однотипность труда. Как же объединить всех этих таких разных и по возрасту и по интеллекту людей в сплоченный, дружный и деятельный, активный коллектив? Именно такая задача стоит перед мастером Евстроповым.

Прежде всего он должен хорошо узнать всех и понять.

— Вы не представляете себе, какие замечательные у нас люди, — восхищенно говорит мне Николай. — Вон справа, за третьим станком, стоит в светлой косынке невысокая женщина. Немолодая уже. Мать троих детей. Обижается, если я ее по имени-отчеству называю. Так и велела обращаться к ней запросто — Надежда. Это же золото, а не человек, настоящая надежда наша, всегда выручит. Не посчитается со своими домашними делами, задержится, когда надо. А вон слева, видите, высокая женщина, симпатичная, тоже образцовая работница.

Эта женщина была уже мне знакома, разговаривала я с ней. Елизарова ее фамилия. Римма Елизарова и ее муж работают давно в этом цехе, свои люди здесь. Когда Римма летом справляла свое сорокалетие, мастер Гудсков был ее гостем. Подарок от имени участка вручал. Все известно новому мастеру: у кого и когда день рождения, свадьба или крестины во Дворце культуры, кто, где и как учится, что читает. Должен интересоваться состоянием здоровья старенькой матери Вали Н., что со станции Озера... А вот знает ли он, что таится в голове того юноши с длинными, до плеч черными волосами? Слыхала я, немало неприятностей причинил он цеху. Потерял было себя, но нашел ли? Нелегко будет подобрать к нему ключик, немало предстоит еще мастерам-воспитателям повозиться с ним, обминая его, как сырую глину. Может быть, не одну ночь будет думать о нем Николай...

— Да, есть у меня трудные, но без трудностей и работать неинтересно, — с завидным оптимизмом говорит Евстропов.

Мне думается, что таким же был лет пятнадцать назад начинающий мастер Анохин, тогда еще молодой человек с пышной шевелюрой. Впрочем, хотя годы и убрали эту шевелюру, но они не отняли у него веру в человека. Евстропов тоже горячо верит.

— Вот Наташа Филимонова, — говорит он. — Поступала в пединститут, не прошла по конкурсу. Работает за станком и рвется от него: «Хочу в связистки, и все!» — это чтоб отвозить готовую продукцию. Ну, если б она была какая-нибудь хилая, слабенькая, а то девушка кровь с молоком! Разговаривала с ней по душам наш профгрупорг Валентина Сорокина. Старший мастер Виктор Михайлович Гудсков вызывал, к Борису Васильевичу ходила. Он ее пристыдил. «Ну, как, — говорит, — ты можешь? Твои подруги, тоже с десятью классами, ткут шерсть, шьют тебе платья, ботинки тебе делают, а ты своими руками ничего не хочешь создавать...» Сидела, молчала, опустив глаза. Комсомольцы на бюро с нее стружку здорово снимали. Подействовало! Сегодня Наташа обточила 700 пробок, а норма — пятьсот. Кадровых рабочих обогнала! Когда я сказал ей, какая она молодец, — даже разрумянилась от удовольствия. Девушка она трудолюбивая. Ее можно убедить в том, что место ее здесь, за станком.

Евстропов стал рассказывать о планах, о культпоходах:

— В субботу поедем всем участком — тридцать человек — в Москву, в новый цирк, уже автобус заказали.

Интересно начинает молодой мастер. Где он только для всего этого время берет?

— Взаймы у себя, — шутит Николай. — В семь утра надо быть уже в цехе, когда в первую работаем. Набегаешься за день так, что присесть захочется. Потом надо побеспокоиться о завтрашнем дне: какая будет работа, есть ли заготовки, инструмент? А если еще запланированы посещения рабочих, то считайте: вечера нет. Сегодня надо зайти к двум нашим станочникам домой. Один болеет. Другой недавно из армии вернулся, посмотрю, как он живет, что делает после работы, чем интересуется. Пока я холост, так можно жить, а женишься, спросят: «Когда своих детей воспитывать будешь?»

Однако наиболее уязвимое в работе мастера не жесткий баланс времени. Мало кому его хватает в наши дни. Николай Евстропов молод, энергичен. Он еще не сталкивался с трудностями воспитателя. Потом он поймет, что никакими регламентами нельзя ограничить работу с людьми, что нет у этого занятия ни конца, ни края, и оно требует полного поглощения, высокой концентрации духовных сил. «Лишь тогда, — считает Анохин, — мастер становится подлинным командиром среднего звена».

Камал ХОДОВ

ЛЮБОВЬЮ ОЗАРЕН

* * *

Дни юности моей —
родник моей надежды.
Я слышу крыльев шум,
и то издалека...
Как голуби
исчезли в небе прежде,
чем отпустила их
в полет моя рука.

Дни юности моей,
вы и сейчас утешьте,
хоть издали
маня своим теплом,
своим сияньем тихим,
что надежде
сродни в пути...
Войдите в старый дом.

ЛЮБИМОЙ

Мать за полночь меня ждала,
бывало,
А я не мог постичь ее тревог.
Всеведущей мольбой
меня встречала:
«Скажи, случилось что-нибудь,
сынок?»

Не слышу я давно
ее упреков
И знаю —
За меня спокойна мать...

Твоей любовью озарен
высокой,
и нежности ее
на мне лежит печать.

* * *

Я изнемог. Уже невмоготу
беречь тебя от посторонних
взглядов.
Я терпелив. Но только
красоту —
одну ее с собою вижу рядом.

И думаю: природа так скупа
на мудрость. Правда, мало кто
в обиде,
на то, что обделила их судьба.
Лишь истинный мудрец ее
провидец.

Но все-таки природа так
щедра
на красоту... Нет худа без
добра.

Ты — совершенство.
И не превозмочь
мне власти красоты. И слова
нету,
которое могло бы мне
помочь...
Но как писать, не обращаясь
к небу?

ПАМЯТЬ

Из города, одет дорожной
пылью,
в селенье еду. Детство узнаю.
И горные орлы в родном краю
меня встречают, простирая
крылья.

И вижу я, знакомые
и близкие,
к тебе вернувшись, мой
Батакоюрт,
как памятники прадедов
встают,
отцов моих мерцают обелиски.

Иду в селенье. Не могу дойти.
Могилы предков на моем пути.

Пусть осеняет мглистый
небосвод
бессмертный свет
пятиконечных звезд.
Я вижу свет и слышу разговор:
«Жить без свободы
горцу — как без гор...
Фашистам — смерть! Осетия
в огне...»

Мои отцы погибли на войне
священной. И не дрогнул
ни один,
Отчизну защищая, осетин.
Иду в селенье. Вспоминаю
их —
отцов моих. Товарищей моих.

Сквозь горе и огонь они
прошли,
не уступив врагам родной
земли.
И умирая на сыром рассвете,
они дорогу преградили смерти.
И бредили, Осетия, горами.
Детьми своими. Нами, нами,
нами!

Засохла кровь
на лепестках зеленых.
Сияет день.
Роса блестит на склонах.

Я шел в селенье. И услышал
зов.
То память предков. Голоса
отцов...
Как непреклонны памятники.
Святы
России и Осетии солдаты.

Печальны эти каменные плиты.
Но и бессмертны — память
не убита.

Все обелиски смотрят в небеса.
И в камне прорезаются глаза.
В грядущее им хочется
вглядеться...

Иду в селенье. Где я не был
с детства.

Перевел с осетинского
Борис Авсарагов.

В ТЕ СУРОВЫЕ ДНИ...

Я смотрю на картину Бориса Щербакова, на которой художник запечатлел разговор Ф. Э. Дзержинского с В. И. Лениным, и вспоминаю суровый 1918 год, когда чекистами был раскрыт гнусный заговор империалистов Англии, Франции и Америки. Объединившись под руководством Локкарта, представителя Британской дипломатической миссии в Москве, они хотели при содействии эсеров, меньшевиков и других контрреволюционных сил России захватить Кремль, арестовать Советское правительство, убить Ленина. Заговорщики надеялись подкупить латышских стрелков, охранявших Кремль и другие важные объекты.

Мне довелось быть одним из участников операции по разгрому контрреволюционных заговорщиков.

...Однажды Феликс Эдмундович вызвал меня и товарища Спрогиса и дал нам поручение: поехать в Петроград и попытаться проникнуть в одну из контрреволюционных организаций, связанных с иностранной разведкой.

Опыта у нас не было, в ВЧК мы проработали всего несколько месяцев. Через две недели вернулись из Петрограда. «Как дела?» — спросил нас Феликс Эдмундович, приветливо улыбаясь. Мы смущенно признались, что, увы, ничего конкретного нам сделать не удалось. «Ничего, будем еще работать»,— успокоил нас Дзержинский.

Мы вернулись в Питер, и на этот раз с большим трудом нам удалось проникнуть в одну из организаций заговорщиков. Мы воспользовались советом Феликса Эдмундовича и сказали, будто представляем некий московский подпольный «центр», который послал нас установить связь с организацией в Петрограде и договориться о совместных действиях. Нам поверили. Используя эту контрреволюционную организацию, нам удалось встретиться с английским разведчиком Рейли и получить у него письмо, которое мы должны были передать в Москву, в английское посольство Локкарту — подробности этой операции известны из книги В. Ф. Кравченко «Под именем Шмидхена».

О содержании письма к Локкарту, конечно, узнал Феликс Эдмундович.

Локкарт тщательно и хитро проверял нас. Но, видимо, мы с честью прошли все эти проверки. Локкарт решился выложить нам план контрреволюционного переворота, убийства руководителей Советского правительства. Мы доложили обо всем этом Дзержинскому.

Заговор Локкарта, как известно, ВЧК ликвидировала своевременно. Нам, молодым, еще неопытным чекистам, помогла та закалка, которую мы получили, работая под руководством Феликса Эдмундовича Дзержинского. Нам не были страшны никакие трудности. Мы знали, что выполняем задание партии, задание народа.

...Я никогда не забуду того дня, когда мы вернулись из Юсуповского дворца — там помещалась Британская дипломатическая миссия — и явились к Дзержинскому с докладом о заговоре Локкарта.

Он нервно ходил по кабинету и говорил: «Так вот что задумал сэр Локкарт. Не выйдет! К Ленину, скорее к Ленину, надо немедленно доложить ему».

Дзержинский вызвал машину и поехал в Кремль к Ленину...

Я. БУЙКИС

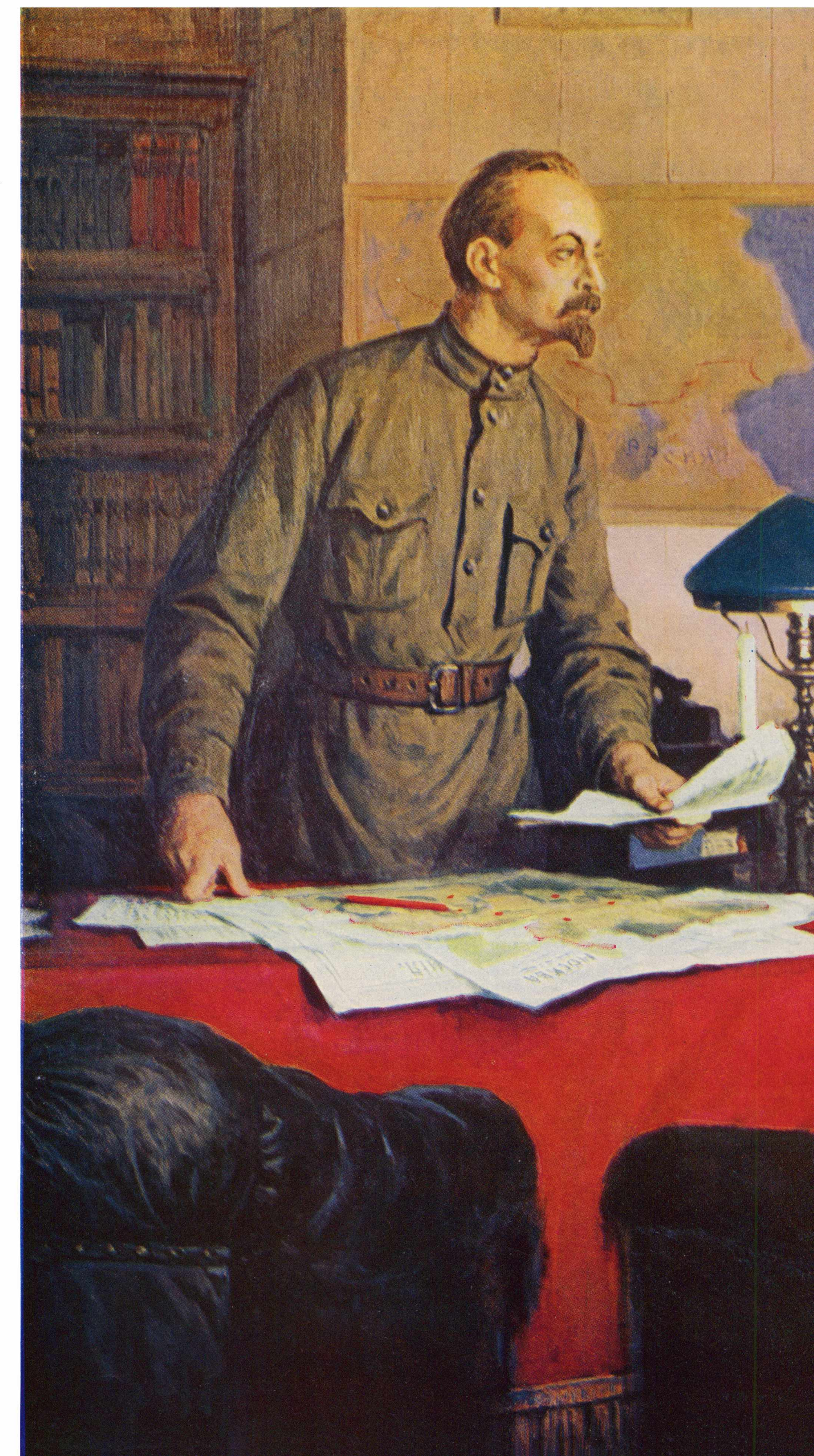

А. Саханов. ПЕРВАЯ ВЕСНА.

Б. Щербаков.

В. И. ЛЕНИН

И Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ.

1918

В. Загонек. ВЕСНА.

ЛАТЫШСКИЙ СТРЕЛОК

Лирическая поэма

Мара ГРИЕЗАНЕ

I

Латвийское небо реет
задумчивой сизой птицей
над озером сероглазым,
над сказочным синим лесом,
над белой, большой дорогой,
над хутором деревянным,
над темным скрипучим домом,
где Янис живет веселый,
с льняными кудрями парень,
с глазами — волны озерной,
с игривой, корявой дудкой,—
дубок молодой да ранний.
А с ним — его мать-старушка,
кудесница тетя Анна,
шутница, стряпуха, пряха
и сказочница, конечно;
вдова великана Карла,
двужильного дровосека,
буяна и выпивохи,
которого придавило
тяжелой лесной сосною...
А за три версты, за лесом,
за мягким ковровым лугом,
над озером сероглазым
другой затаился хутор:
там с бабкой, слепой колдуньей,
живет сиротинка Лайма,
прелестная, как березка,
что выбежит на поляну,
замрет и листвой трепещет
от робкого ожиданья...
А если идти с рассвета
до самого до заката,
потом ночевать в душистом
стогу под янтарным небом
и снова идти с рассвета
до самого до заката,—
раздвинется лес дремучий,
расступится вдруг... И взору
откроется (нет, не сказка)
латвийское диво — м о р е...
А в море под белым солнцем
в серебряной звонкой пене
рыбацкие ходят шхуны,
рыбацкие ходят лодки,
и парусы меловые
зеркально мерцают в далях...
И чайки, взбивая пену,
картавым, протяжным кличем,
почти человечьим воплем
терзают живое сердце
бровастого морехода...
Сюда, на янтарный берег,
к латвийскому диво-морю
веселый являлся Янис
с покорной, счастливой Лаймой.
Усталые от дороги,
с ночлегом в стогу душистом,
садились они на камень
у самого края моря.
Он ей говорил: «Ты — море.
И нет ни конца, ни края
твоей красоте волнистой...»
Она отвечала: «Что ты?!
Я просто березка в поле,
а ты мой дубок ветвистый...»
И тихо лицо склоняла
к нему на плечо крутое.
И дудку вздымал он к небу
и нежно играл на дудке
народный латышский танец...
Тогда замирало море.
И чайки парили молча.
И к морю от синих сосен
слетались лесные птахи:
щеглы, снегири, синицы...
Слепая колдунья-бабка
варила лихое зелье,
чтоб внучку свою, сиротку,
спасти от любви «поганой»...
А Яниса мать смеялась,
и что-то пекла, и доброй
большой головой качала...
Все было, как в старой сказке.
Да не было вдоволь хлеба
в латвийском батрацком крае.
Да не было чем прикрыться
от дождика и от стужи.
Да время пришло сбираться
в Россию, к царю, в солдаты...
И Янис ушел с котомкой
по белой лесной дороге.
А дудку забросил в лес.

II

Трубят трубачи тревогу.
Трубят трубачи тревогу.
И красное знамя бурно
гудит под российским ветром.
Трубят трубачи тревогу.
Трубят трубачи тревогу.
Железно стоят латвийцы
и слушают комиссара.
Он смуглый,— должно быть, с юга.
Он в кожаной куртке старой.
Худющий, с лицом землистым:
наверно, прошел сквозь тюрьмы.
Сутулый, усталый, дикий.
Не спавший сто лет, пожалуй.
И светят глаза безумным
огнем, что идет из сердца.
Слова его краткой речи
понятны без перевода.
А тень за его спиною —
как крылья огромной птицы...
«Товарищи! Наше время
пришло!— ни царя, ни бога,
ни подлых господ министров.
И тот, кто вчера, как кляча,
лишь молча скрипел зубами
под барским кнутом плетеным,—
сегодня хозяин этой
великой земли российской,
с заводами и полями,
с усадьбами и дворцами...
Но в нашем прекрасном мире
разруха, болезни, голод.
И враг не добит, он только
бежал со смертельной раной.
А раненый зверь опасен —
его уничтожить надо.
Латвийцы! Товарищ Ленин
ведет к мировой победе
безвестных рабов вчерашних.
А вы трудовые люди,
рабочие и крестьяне,
вы кровные братья наши,
как все бедняки на свете.
Сожмите винтовки крепче —
трубят трубачи тревогу!»

. . . .

«Мы стрелки латышские,—
чур, не генералы,—
голодранцы рижские,
нищие латгалы.
Накормить бы вволю
весь голодный мир...
Закури-ка трубку,
красный командир!..»

Под быстрым, разветренным небом,
по улицам узким, булыжным
чеканным, грохочущим шагом
проходит отряд запыленных,
усталых латышских стрелков.
Мерцая стальными зрачками,
идут латыши по России.
Недвижны костистые скулы.
И только тяжелые губы
походную песню ведут.
И если посмотрит прохожий
на эти суровые лица,
то сможет ли он догадаться,
что песня звучит на латышском
шутливо, задорно, легко.

«...Ждет нас в пекле адовом
тысяча чертей.
На пути — до Латвии —
тысяча смертей.
Сапоги в походах
разобьем до дыр...
Закури-ка трубку,
красный командир!..»

И Янис шагает в шеренге
спокойно, уверенно, мерно.
Ни мама, ни милая Лайма
его бы сейчас не узнали —
не парень, а грозный боец.
О, как возмужал он: морщины
легли над густыми бровями
и около губ огрубелых.
А кудри льняные поникли.
И жесткими стали глаза.
Исчезла былая веселость:
ее потерял он в казармах,
в бессонных полночных дозорах,
в сырых предрассветных окопах,
в коротких боях штыковых.

«...Эх, настанет времечко:
пронесутся беды,—
зашумит над Латвией
красный флаг победы.
Соберемся в Риге
на великий пир:
закури-ка трубку,
красный командир!..»

А Янис шагает в шеренге
и гулко бойцам подпевает.
И думает долгую думу
о Латвии и о России,
о странностях жизни людской.
О русских друзьях, с кем делил он
на фронте последнюю корку.
Они терпеливо учили
его говорить по-российски
и добро смеялись над ним.
А Ваня, Иван из Тамбова! —
курносый, чудной, голосистый.
Ах, как задушевно и просто
владел он печальной гармошкой...
Снарядом накрыло его.

«...Не грусти, красавица,
не горюй пока,—
ожидай, красавица,
бравого стрелка.
Эх, начищу к свадьбе
фронтовой мундир...
Закури-ка трубку,
красный командир!..»

По всей неохватной России
разруха, болезни и голод.
В степях канонада грохочет.
И крестятся русские бабы,
и дети грудные кричат.
А Янис шагает в шеренге.
В зрачках его — отблеск пожаров,
и пепел сожженных селений,
и черные низкие тучи,
гонимые ветром Руси...

III

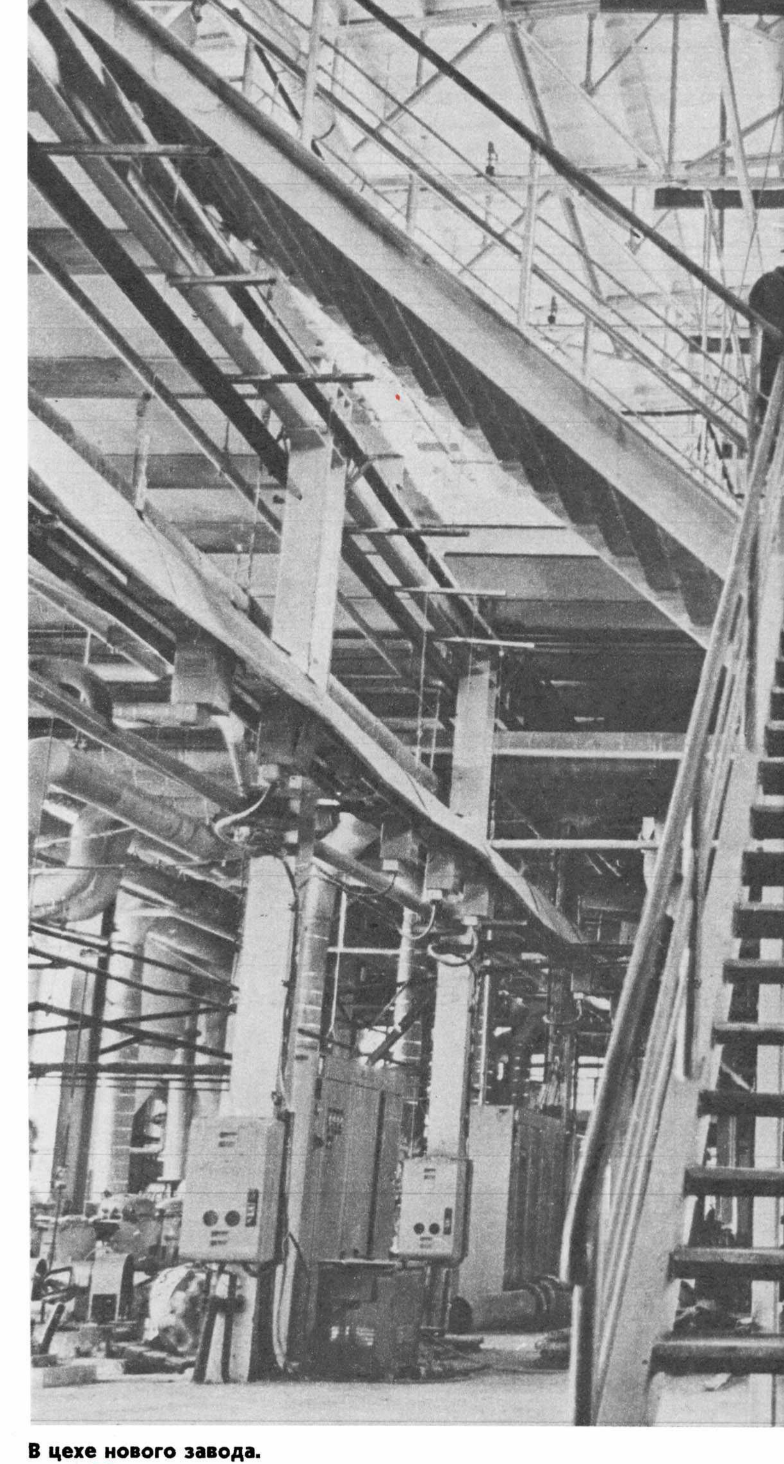
Когда умирал он под вечер
в безлюдной степи среднерусской,
винтовки еще огрызались
за чёрным холмом, где, наверно,
друзья его, братья латвийцы,
врага добивали штыками...
А он зажимал свою рану
огромной крестьянской ладонью.
И кровь, молодая, густая,
сквозь сильные пальцы стекала
на мягкую русскую почву.
А рана была пулевая —
чуть ниже горячего сердца,
стучащего сердца, в котором
жила его старая мама,
жила его милая Лайма,
что ждали на хуторе дальнем
веселого, смелого Яна
с кудрями льняными, как лето,
с глазами озерного цвета...
Когда умирал он под вечер
в безлюдной степи среднерусской,
крестьянские ногти вонзал он
в чужую пахучую землю,
которая стала последней
дорогой к покою... И полз он,
ковыль уминая локтями,
и след оставляя кровавый
на русском ковыльном просторе.
И хищная птица кричала
в холодном, пустом поднебесье.
А тень ее плавно кружила
над жаркой его головою.
И солнце побитой собакой
тащилось по красному следу.
Так полз он к холму, за которым
вздымалось дыхание боя...
Но глуше... И глуше... И глуше...
Ни выстрелов больше, ни криков.
Лишь тонко стрекочет кузнечик.

Когда умирал он под вечер
в безлюдной степи среднерусской,
ползти он не мог. И лежал он.
И степь воспаленно звенела
в ушах его чутких. И русский
цветок, полевой, темно-синий,
качался у глаз его... близко...
Тогда, приподнявшись на локте,
он вытянул правую руку,
большую дрожащую руку:
хотел до цветка дотянуться...
Не смог... Улыбнулся устало:
раздвинул свинцовые губы...
И с клекотом, хрипло завел он
народную русскую песню
о тройке в степи неоглядной,
о доле ямщицкой... Так пел он,
вернее, шептал упоенно
с певучим латышским акцентом...
И глушь на глаза наплывала.

Когда умирал он под вечер
в безлюдной степи среднерусской...
Он выжил.

Эмблема польской фирмы «Хемадекс». Ее специальность — проектирование и поставка комплектов оборудования для сахарных заводов. В двадцати двух странах мира есть «сахарницы» «Хемадекса», в том числе в Чехословакии, ГДР, Иране, Ираке, Гане, Индонезии, Марокко. Самый крупный заказчик «Хемадекса» — Советский Союз. Завод в Беловодском, недалеко от столицы Киргизии,— пятнадцатое детище фирмы на советской земле.

В цехе нового завода.

САХАР

27 лет тому назад, 21 апреля 1945 года, был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Польшей.

О том, как строки этого документа воплощаются в жизнь, рассказывает репортаж наших корреспондентов Н Крыловой и Д. Ухтомского.

Всего их было восемнадцать. Самые первые вручили свои «верительные грамоты» два года назад. «Послы» явились не во фраках, не в белых перчатках. Не было ни блестящего паркета, ни мягких ковров. «Послы» были в резиновых сапогах и рабочих спецовках. И была развороченная земля, как это всегда бывает в самом начале стройки, когда она еще только-только вылезает из нулевого цикла.

Вместе с ними прибыл солидный багаж, стоимость которого оценивается почти в пять миллионов рублей. На такую сумму фирма «Хемадекс» поставила в Советский Союз оборудование для сахарного завода, а ее представители приехали в Киргизию, чтобы руководить здесь монтажом.

Теперь, два с лишним года спустя, на месте, где происходило вручение «верительных грамот", стоят длинные белые корпуса новенького завода. В его окнах отражаются снежные отроги Тянь-Шаня.

— Правда, красавец завод? — говорит его директор Михаил Петрович Дорошенко.

Да, действительно завод хорош.

— Три тысячи тонн свеклы в сутки,— продолжает «пан директор» (так с легкой руки поляков в шутку называют его здесь).— Весь урожай свеклы будем перерабатывать за 100 дней. Где больше всего чаю пьют? У нас, в Средней Азии. А киргизский сахар идет и в Узбекистан, и в Туркмению, и в Таджикистан. Какой же чай без сахара? Вот мы и будем обеспечивать «сладкую жизнь». Возможности у нас для этого есть. Прежде всего хорошее современное оборудование, прибывшее из Польской Народной Республики, высокая насыщенность автоматикой. Вы представляете, как «Волга» последней модели отличается, скажем, от автомобиля 20-х годов, так и эта техника выглядит сегодня на фоне обычного оборудования.

— Пожалуйста, прошу ко мне в кабинет,— приглашает нас руководитель польских специалистов Кшиштоф Фафиус. Над его рабочим столом, как и положено «послу», герб державы, которую он здесь представляет,— белый польский орел на красном поле. За два года Кшиштоф полностью обжился здесь, стал своим человеком на заводе, где его и других польских специалистов никто и не воспринимает как иностранцев.

— Девиз фирмы «Хемадекс» — «Слово заказчика — закон!»,— говорит товарищ Фафиус.— Наш партнер в Советском Союзе — Гипросахар. По его проекту построен завод, и по его заданию наша фирма разрабатывала технологию, подбирала соответствующее оборудование. Все время, пока шло строительство, наши контакты были очень тесными, постоянно происходили взаимные консультации. Это, на мой взгляд, и есть конкретный пример польско-советского сотрудничества, о котором говорится в Договоре, заключенном между нашими странами.

Когда кончился рабочий день, Кшиштоф сел за руль своей «Варшавы», и мы поехали во Фрунзе. Он знает город как свои пять пальцев и не хуже заправского гида дает пояснения на ходу:

— Это городской стадион. А это театр, гостиница «Киргизия». Ну, а тут,— он предусмотрительно сбрасывает скорость,— тут пост ГАИ и самые строгие милиционеры, даже польские номера на машинах не спасут.

Надо сказать, что Кшиштоф и его земляки очень гордятся варшавскими номерами на своих машинах. Когда мы отправились на экскурсию в горы, наши друзья, увешанные фотоаппаратами, мечтали запечатлеть свою «Варшаву» на перевале, рядом с табличкой «Высота — 3 200 метров». «Представляете, какой будет кадр — «Варшава» в горах Тянь-Шаня!»

Но такого кадра сделать не удалось. До перевала мы все-таки добрались, но погода была плохая — на равнине дождь, а в горах снег, и табличку мы не отыскали: ее, наверное, замело.

А потом польские друзья пригласили нас к себе домой. Они живут рядом с заводом в уютных коттеджах. И тут выяснилось, что Кшиштоф не только шеф-инженер, но и шеф-повар. Он приготовил такое заливное с хреном!

— Кочевая жизнь всему научит,— говорит Кшиштоф.— Нашим ребятам приходилось жить во многих странах, куда «Хемадекс» поставляет заводы. Кароль Грубяк и Станислав Хертман работали в Чехословакии, Ян Олькович — в Индонезии, на Суматре. Да и другим пришлось поколесить по свету. А мой друг Володя — заместитель главного инженера нашего завода Владимир Петрович Чибин — исколесил всю Польшу. Конечно, он побывал и на заводах, откуда пришло в Киргизию оборудование. Таких адресов очень много. Варшава прислала контрольно-измерительные приборы, Свидница — центрифуги, сушки, мешалки, Ниса — диффузионный аппарат. В Польше Володя провел два года, отлично говорит по-польски. А вообще-то переводчик нам не требуется, все мы хорошо понимаем по-русски.

— Инженер всегда поймет инженера, для этого нужен только карандаш и бумага,— поддерживает своего шефа технолог Ян Олькович.— Мы с моим коллегой Юрием Никитовичем Доценко, как у вас говорят, пуд соли съели, прежде чем получили сахар. Дело в том, что киргизская свекла отличается, скажем, от украинской. В ней меньше сахара и воды. А это влияет на технологию производства.

Он вынимает из кармана конверт и рисует на обороте:

— Вот, смотрите, это у нас называется стружка. Она должна быть определенной длины. Для каждого сорта свеклы есть своя оптимальная длина стружки. В конце концов мы с Юрием Никитовичем нашли подходящую и для киргизской свеклы. Так что теперь выход сахара будет больше, а потери меньше.

Кшиштоф Фафиус с гордостью показывает нам белый полотняный мешочек с сахарным песком, на котором стоит число — 31. XII. 71 г. В этот день завод дал первый сахар.

— Этот день стал для нас большим праздником. Все валились с ног от усталости, не выходили из цеха — торопились поскорее пустить завод. Вечером я позвонил по телефону в Варшаву. Обычно приходилось заказывать разговор заранее, но телефонистка, поняв, что это был за день для нас, быстро соединила меня с «Хемадексом», и я прокричал в трубку: «Есть сахар седьмого киргизского завода!»

Владимир Петрович Чибин: «Мой сын Алеша и дядя Кшиштоф — большие друзья».

Збигнев Мысливец — инженер-электрик. А иногда приходится работать и не по специальности...

ПО-ПОЛЬСКИ

«Послы» фирмы в Киргизии. Слева направо: Станислав Хертман, Кароль Грубяк, Ян Олькович, Кшиштоф Фафиус, Зигмунд Бжозовский, Казимеж Сверчек.

УСЛУГИ И ЗАСЛУГИ

Н. ХРАБРОВА

Наверное, сейчас ни одна отрасль народного хозяйства не вызывает столько споров, новых организационных форм и реорганизаций, не полна так противоречий, как бытовые услуги... Впрочем, обдумаем сначала кое-что из терминологии. Наверное, языковеды занимаются проблемой терминологии бытового обслуживания, чтобы словесами вроде «индпошив» не уродовать мягкую русскую речь, но специальных статей на эту тему мне не попадалось, и я обратилась к своему любимому Далю. Но вот тут-то дед-всевед Даль мне и не помог, потому что у него написано: «Услуга — помощь, пособие или угожденье...» Гм! Нельзя сказать, чтобы это было именно так в сфере бытовых услуг. Открываю Ожегова. У него поближе к нам, посовременнее: «Услуга — действие, приносящее пользу другому. Хозяйственные удобства, предоставляемые кому-нибудь... Обслуживать — работать по удовлетворению чьих-нибудь нужд...»

Но тут я опять запнулась о термины: «услуга», «заслуга»... Вот что говорит Даль по поводу заслуги: это — «право на уваженье, на признательность; полезный поступок, подвиг». Подвиг!.. А вот Ожегов: «Заслуга — общественно-полезный поступок, деятельность, достойные общего уважения».

Но попробуем на примере Эстонии проследить, всякая ли услуга — заслуга.

Недавно пришлось побывать мне на острове благополучия с прозаическим названием: «Дом быта колхоза имени Кирова».

Обширное красивое здание — аккуратнейший бетон, стекло, отделка стилизованными прокопченными досками, неоновые вывески, на въезде — щиты с приветствиями. Проектировало здание собственное колхозное проектное бюро во главе с главным архитектором Рейном Вебером. Строила своя строительная бригада. Никогда не видела подобного дома быта!

Колхоз имени Кирова находится в полутора десятках километров от Таллина; он и рыболовецкий, и разные полезные промыслы процветают в нем на самом высшем уровне, так что доходы и у колхоза и у колхозников хорошие. Открытие колхозного дома быта аукнулось самым неожиданным образом в Таллине: городские модницы вдруг остались без запланированных обнов. Оказывается, лучшие портнихи уволились из столичных ателье и теперь, подчас с тремя пересадками, ездят из города на работу в колхозный дом быта. Почему? Потому, что заработки там выше. И потому, что прекрасные условия работы: удобная мебель, разумно расположенные рабочие места, хорошая вентиляция, морской воздух, широчайшие окна и морские пейзажи за ними... Швеи в первую очередь сшили себе бесплатную спецодежду — полосатые халатики и к лету сошьют новые. В день открытия каждый член колхоза — а здесь их 4 тысячи человек — получил специальную книжку, в которой были расписаны виды услуг: медпункт, автопрофилактика, ателье мод, парикмахерская — два дамских мастера и один мужской. Колхоз оплачивает владельцу книжки 80 рублей за услуги, а если надо больше — тут уж за собственный счет заказывай сколько угодно.

Что же укладывается в 80 рублей? Шитье мужского костюма стоит здесь 50 рублей, шитье пальто — тоже 50. Дамские платья, конечно, дешевле. Медпункт, как и везде, лечит бесплатно, но дело не в этом: пока не израсходовались эти 80 рублей, он и лекарства выдает бесплатно. Срок шитья дамских платьев (насчет этих платьев как-то язык не поворачивается сказать «женские», они именно дамские!) — всего две недели. Мужской костюм теперь, весной, шьют чуть подольше. И никаких пришельцев со стороны, никаких знакомств — обслуживают только колхозников. Все это лишь начало — через некоторое время сюда переселится само проектное бюро, а новый дом быта, еще более богатый и с большим количеством услуг, разместится в новом колхозном центре...

По своему размаху этот дом, разумеется, единственный в своем роде. Но вообще хороших домов быта в Эстонии много, работают в них добросовестные, изобретательные и спокойные люди. И не случайно Всесоюзный симпозиум по бытовому обслуживанию состоялся в Таллине. На этом симпозиуме были названы такие цифры: сейчас в Эстонии служба быта действует в 150 колхозах и совхозах. Сельское население сдает заказы 52 передвижным мастерским, которые, в свою очередь, имеют 590 приемных пунктов. Для маленькой Эстонии это совсем не мало, и нужно отдать должное работникам бытового обслуживания — сельским жителям они помогают обстоятельно и систематически. В эстонских районных городах они тоже, можно сказать, на высоте. В Тарту, например, шестиэтажный дом комбината бытового обслуживания «Эду» — что значит «Успех» — стоит в центре, и подобен он стеклянной шкатулке, наполненной хорошими делами и вещами. В длинных коридорах светящиеся вывески четко указывают, куда идти, где можно ремонтировать зонты, кофейники, пылесосы, насосы колодезные, утюги, ключи — словом, все, что испортилось. В мастерской по срочному ремонту обуви всего две женщины спокойно ждут — им вот-вот вынесут починенную обувь; отлично выполняют ювелирные работы; образцы брошей, перстней, сережек, монограмм выставлены на прилавке, и в заказчиках нет недостатка; в часовой мастерской рядом с опытными мастерами работает ученическая бригада. Художница Ильме Соонсейн раз в два месяца представляет художественному совету для обновления новые фасоны вязаных свитеров, жилетов, жакетов, платьев, джемперов. Здесь же можно выбрать из 15 ультрамодных моделей сапожек и туфель то, что тебе по вкусу: принимают ежедневно 40—50 пар заказов. В этом доме поднимают чулочные петли, шьют мужские пальто и костюмы, делают кожаные дамские сумочки и хорошие портфели, и все происходит спокойно, без суеты и при полном взаимопонимании между приемщицами и заказчиками.

От души хочется пожелать работникам «Успеха» успеха и пожалеть, что Тарту далековато от Таллина,— каждый раз ведь не подскочишь туда починить брошь или поднять петли на чулках. В Таллине-то это сделать почти невозможно.

«Как?! — изумится читатель.— Это в Таллине-то, где такие кафе, такие портные, такие художники! Такие услуги!»

Было все это, было. Но потребности в бытовом обслуживании растут, и уже невозможно жить процентами на старый капитал... И не всякие услуги — заслуги. Например, мастерская, где поднимают чулочные петли, в центре Таллина одна, и в ней или громаднейшие очереди или постоянное объявление: «Прием временно прекращен». В таллинские ателье мод нынче заходить нет смысла: в них или прием вовсе прекращен, или, став заказчиком, ты уподобляешься верблюду, который должен пролезть сквозь игольное ушко — столько здесь предварительных записей и прочих препон.

Черные набойки на белых туфлях; темно-коричневые заплатки на ботинках цвета беж; отказ в ремонте; предложение зайти через неделю, потому что один ботинок потерялся, а искать его некому; никем не хронометрированное время заказчиков, потерянное в длинной очереди, дорогие лакированные туфли, заказанные по мерке, но не лезущие на ноги,— все это привычные издержки обувных «услуг»...

Стирка на большую семью — дело отнюдь не легкое, поэтому, естественно, белье приходится отдавать в прачечную. Но спать на белоснежных простынях удается не каждому: постельное белье из таллинских прачечных возвращает-

Так выглядит дом быта в колхозе имени Кирова.
Фото В. Сальмре.

ся серым, как хроническая меланхолия. И директор Таллинского треста гостиниц В. Тасане, человек мягкий, добрый, а в своем деле просто маг и волшебник — ухитряется ведь в маленьких таллинских гостиницах разместить много приезжих,—удивляется этой неизбывной серости. Он убежден, что белье должно быть белым, и в ужасе оттого, что прачечные довели хорошее гостиничное белье до такого состояния, что директору стыдно гостям в глаза смотреть.

Право же, такие «услуги» не заслуги!

Предъявляю этот далеко не полный список «благодеяний» таллинской службы быта министру бытового обслуживания Мете Виллемовне Янголенко. Она тяжело вздыхает:

— Ваши впечатления могу подтвердить цифрами: за прошлый год средний темп роста бытовых услуг по республике неплохой — 11,9 процента. А был бы совсем хорош, если бы не Таллин,— в районах средний темп роста 15,7 процента, а в Таллине — всего 2,3. Можно говорить о множестве объективных причин: о том, что в старом городе тесно и совершенно нет свободных помещений; о том, что бытовое обслуживание здесь не в новинку и образовалась некоторая косность. Но ведь ссылка на объективные причины — слабое утешение. Могу сказать одно: уже теперь в центре города, на улице Лайкма, закладывается новый дом быта — крупное предприятие, которое в конце пятилетки окажет таллинцам на 2 700 тысяч рублей услуг в год. А проблема стирки белья разрешится уже в 1973 году: будет сдана в эксплуатацию модернизированная прачечная с большой мощностью — 10 тонн сухого белья за смену. Для сравнения можно сказать: сейчас прачечные всей республики выдают за смену 15 тонн.

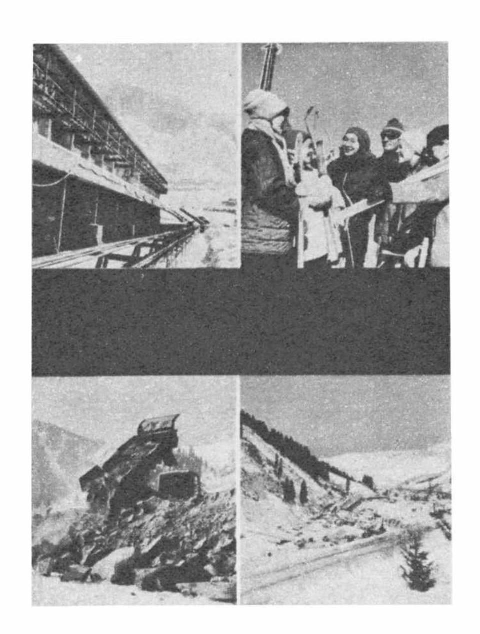
Словом, перспектива грядущих улучшений высвечивается.

А пока надо самообслуживаться. И никого это не удивляет.

Развитие да зачастую и сама необходимость бытовых услуг порождаются недоработками в других областях народного хозяйства. Если бы, например, промышленность производила достаточное количество эмалированных чайников, ну, кому бы в наше время пришла в голову мысль разыскивать неизвестно где скрывающуюся мастерскую, в которой можно запаять прохудившийся чайник?! И если бы чулочная промышленность выпускала чулки, у которых петли не спускались бы от первого прикосновения (как это происходит с колготками эстонской фабрики «Пунане Койт»), разве возникла бы необходимость в целой индустрии чулочного ремонта? Если бы наши швейные фабрики научились шить вполне модные пальто и платья разных размеров, зачем бы мы стали осаждать неприступные крепости таллинских ателье мод, в которых приемщицы грубы как на подбор, чем кладут темное пятно на город, известный хорошими манерами и культурой?

Перечень этих «неужели» и «если» довольно длинен и не нов. Но, к сожалению, он существует. Значит, бытовому обслуживанию кое в чем пока приходится дублировать некоторые предприятия отрасли группы «Б» и даже группы «А». Раз надо — значит, надо это делать получше.

МЕДЕО !

Вячеслав КОСТЫРЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

Отроги Заилийского Алатау, северного хребта Тянь-Шаня, покрытые то изумрудными альпийскими лугами, то слепяще белым снегом, с черными тигриными полосами еловых лесов,— любимое место отдыха жителей Алма-Аты. Многие горожане, особенно студенты, субботним утром едут рейсовыми автобусами к подножию горы Мохнатки, а там уж рукой подать и до прославленного высокогорного катка в урочище Медео и до Чимбулака с его серебристыми лыжными трассами.

Лед такой еще найдете где вы?
Конькобежцам он — сигнал «Вперед!».
Нам такой вот лед не просто мед,
Это — настоящее Медео!

Такую песню распевают студенты, возвращаясь из Медео в город. Но высокогорный каток широко известен не только алма-атинской молодежи. Еще в феврале 1951 года на ледяном овале высокогорного катка соревнования на приз Совета Министров Казахской ССР завершились двумя мировыми и шестью всесоюзными рекордами.

Выдающиеся победы советских скороходов в Медео следовали одна за другой, достаточно сказать, что четыре конькобежных сезона принесли нашему спорту 33 мировых рекорда! Так высокогорный каток стал Меккой для конькобежцев всего мира. Уж очень благоприятна здесь совокупность природных условий. Из прозрачной шелковистой воды реки Алмаатинки получается замечательный лед, а площадка катка хорошо защищена от ветра лесистыми отрогами хребта Алатау. Даже в суровые зимы здесь теплее, чем, скажем, в Алма-Ате, и яркое солнце как бы смазывает лед.

Медео расположено на высоте 1 691 метр над уровнем моря, выше известного швейцарского катка в Давосе, и воздух здесь всегда сух, насыщен запахом хвои и слегка разрежен. Прославленный норвежский конькобежец Фред-Антон Майер, отлично знающий цену высокогорному льду, побывав зимой 1970 года в Медео, заявил: «Если на Медео появится искусственная дорожка, то все катки мира можно закрывать».

Ныне в Медео полным ходом идет строительство большого спортивного комплекса, в центре его — две искусственные беговые дорожки и прямоугольник ледяного поля для игры в хоккей.

Заместитель главного инженера треста «Мостопромдорстрой» Грач Акопович Хачатуров, «отец Медео», как его почтительно называют алматинцы, сказал:

— Главная проблема, которую надо было решить,— это замораживание и оттаивание такой исключительно большой площади. Вот и пришлось строителям укреплять фундамент множеством хитроумных приспособлений. Получился гигантский «слоеный пирог», низ которого — гравий, верх — фигурные железобетонные секции с пазами для труб-холодоносителей, а «начинка» — бетон, фольга, полистирольные плитки, поливинилхлоридные пленки, асфальт, цемент и многое другое.

Спортивный комплекс растет на глазах. Уже возведены машинный зал и электрокотельня (именно «электро», чтобы ни одна пылинка сажи не попала на лед!). Высотой в шесть этажей встала восточная трибуна. В ее недрах гостиничные номера и раздевалки для участников соревнований, методический кабинет с кинозалом, финская баня с плавательным бассейном, буфет, поликлиника, пресс-центр, телекамеры, радиопередатчики, почта, телеграф, кабины спортивных комментаторов. В нижнем ярусе западной трибуны гардероб для зрителей на две тысячи мест, прокат коньков, буфет. Под южной трибуной разместятся технические службы, под северной — кассы, магазины сувениров, кафе.

Более 10 тысяч зрителей смогут воспользоваться удобными сиденьями со спинками (кажется, впервые в практике строительства стадиона!). Вечером ледяное поле и дорожки будут освещены, как днем,— 1 600 прожекторов монтируются на осветительных мачтах.

По объему строительных операций стадион и каток в Медео — это 150 тысяч кубометров вынутого и вывезенного грунта, 22 тысячи кубометров бетона, около 8 тысяч тонн металлических конструкций, 177 километров труб.

В Медео работают бригады Богдана Погайдука, Эвальда Фукса, Владимира Вольфа, Василия Борзунова — передовой отряд почти тысячного коллектива Дорожностроительного управления № 1. Его главный инженер Петр Павлович Волохов говорит:

— В строительстве Медео участвует вся страна. Мы получаем трубы с Украины, мрамор — с Урала, лес и паркет — из Сибири, отделочные материалы — из Подмосковья, разные смолы и химикаты — из Узбекистана и Туркмении. Сдачу беговых дорожек и ледяного поля решено приурочить к пятидесятилетнему юбилею Союза ССР. А когда сдадим каток и стадион, построим канатную дорогу на Мохнатку, ресторан на ее вершине, горнолыжную базу и санночную дорогу в Чимбулаке, туристическую базу «Горельник», гостиницу и пансионат для спортсменов и канатно-кресельную дорогу Чимбулак — Талгарский перевал до отметки выше 3 тысяч метров...

Н. АЛЕКСЕЕВА, А. НАГРАЛЬЯН

ТЕАТР — ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО...

Зинаида Кириенко и Сергей Мартинсон. Музыкальная постановка «Опять премьера».

Когда берут интервью у театрального актера, нередко спрашивают его, как он относится к кинематографу. На это следует примерно такой ответ, что кино играет вспомогательную, хотя и очень важную роль в творчестве артиста, позволяя ему раскрывать в себе новые и новые возможности, и так далее. И мало кому приходит в голову спросить у профессионального киноактера, что он думает о театре... Почему-то работа актеров кино у большинства ассоциируется с многочисленными дублями, со съемочной площадкой, освещенной «юпитерами» и «дигами»...

Но не надо забывать, что в Москве существует и работает единственный в мире Театр-студия киноактера.

В театре поставлены, скажем, «Слава» В. Гусева, «Таня» А. Арбузова, «Дурочка» Лопе де Вега, «Иван Васильевич» М. Булгакова... И зрители не обходят вниманием это большое здание на улице Воровского: зал всегда — будь то дневные или вечерние спектакли — заполнен до отказа...

В ответ на просьбу рассказать о своем театре многие киноактеры тоже сообщают примерно вот что: театр играет в их творчестве вспомогательную, хотя и очень важную роль, позволяя раскрывать в себе новые возможности... По словам главного режиссера театра-студии Л. С. Рудника, сцена для киноактера — это как бы мастерская, дающая ему возможность постоянно совершенствоваться, сохранять творческое состояние, что особенно необходимо актеру кино в перерыве между съемками... Конечно, эта работа в театре связана с немалыми трудностями. Киноактеру приходится менять манеру речи, произношения слов — ведь слово необходимо донести до большой аудитории, а привычных микрофонов здесь нет. Сцена требует очень точного соблюдения рисунка роли, исключая ту свободную импровизацию, которую может себе позволить актер на съемочной площадке. Кроме того, даже известному киноактеру, бывает, требуется известное мужество, чтобы выйти на сцену: и он рискует разочаровать зрителей, полюбивших его по фильмам.

Двести шестьдесят артистов в труппе Театра-студии киноактера! Понятно, что они не могут одновременно участвовать в спектаклях. Постановки играются здесь не одним и не двумя, а несколькими составами. И вот что рассказал нам директор театра А. Н. Анощенко:

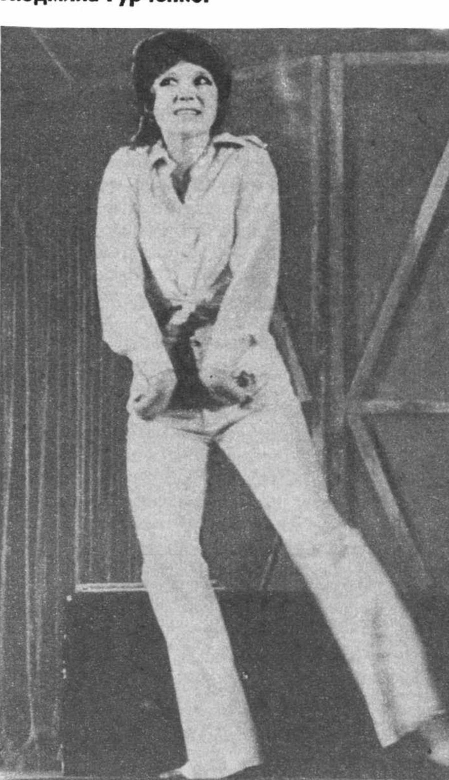
— Мы не только театр. Мы еще и студия. Поэтому с актерами, какое-то время не занятыми в спектаклях или фильмах, проводятся занятия: сценическое движение, техника речи, вокал... И это облегчает нашу основную задачу: обеспечивать кинопроизводство, в том числе и студии союзных республик, высококвалифицированными актерами, рекомендуя их для съемок в той или иной картине. У нас существует свое творческое объединение — «Киноактер», которое создает фильмы всецело своими силами. И еще одна важная сторона нашей деятельности — концерты. Эти тематические программы называются «Мы из кино», они идут по всей стране. В концертах участвуют самые лучшие актеры кино, всеобщие любимцы.

К пятидесятилетию образования Союза ССР готовится новая программа, в ней примут участие и мастера кино союзных республик.

Лауренсио — «Дурочка» Лопе де Вега — любимая роль Александра Белявского в театре.

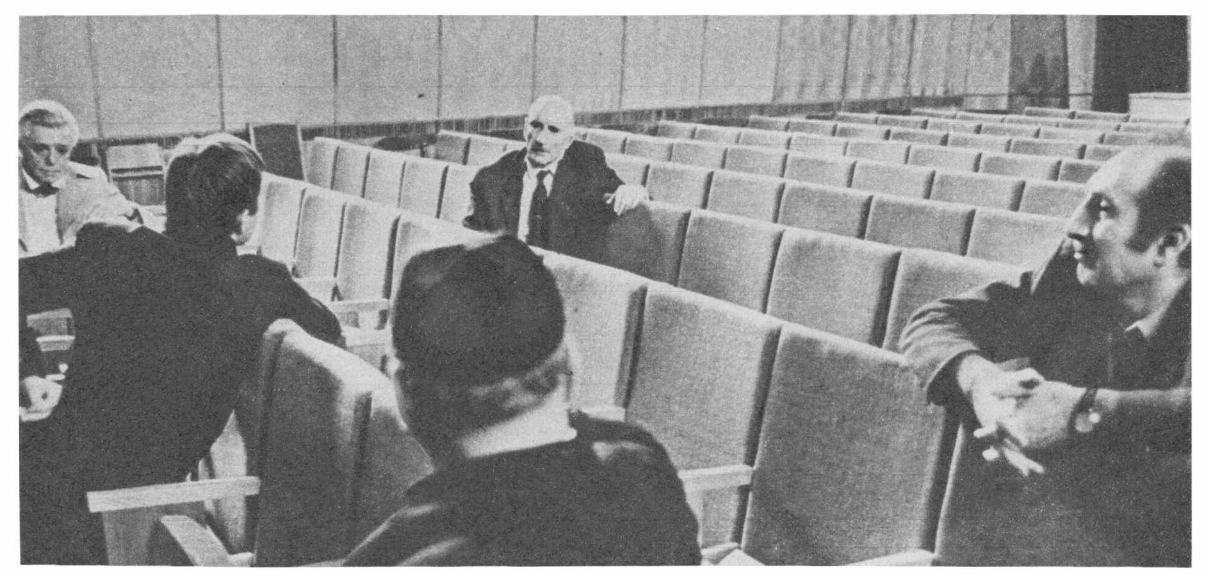
Людмила Гурченко.

Татьяна Самойлова играет Таню в спектакле по одноименной пьесе Арбузова.

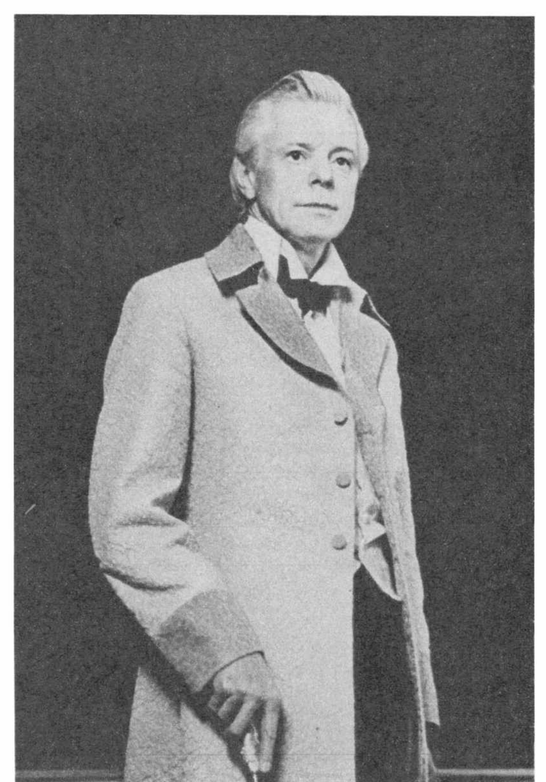
Репетицию спектакля «Красное и черное» ведет Сергей Аполлинариевич Герасимов.

Наташа Бондарчук.

Глеб Стриженов — маркиз де Ла-Моль.

ЭТАЖИ ОТДЫХА

Специальный корреспондент «Огонька» Б. СМИРНОВ беседует с первым секретарем Ялтинского горкома КП Украины А. КУЦЕНКО

Как узнаем мы сегодня о приходе весны — по капели, по синему небу! Нет, первыми гонцами «утра года» стали радиосводки. Еще лютуют морозы, еще не думают таять снега, а голос диктора уже сообщает: «...В Крыму сегодня тепло, температура воздуха плюс пятнадцать градусов...» И каждый, кто слушает в этот момент радио, будь он в далекой Сибири, на Севере или в Подмосковье, невольно глянет в окно. В Крыму весна, значит, и к нам она скоро пожалует...

Если быть объективным, то Черноморское побережье, и в частности Южный берег Крыма, нельзя считать этаким «полюсом тепла» нашей страны. Есть районы, где климат гораздо жарче. И все же слава крымских курортов так велика, что в разговорах о погоде мы чаще всего пользуемся именно черноморскими мерками. «Тепло, как в Ялте»,— говорим мы. «Ледовитый океан — это вам не Черное море...» Слова «Крым» и «Ялта» стали символом отдыха, морских пляжей, жарких солнечных дней. На эту тему мы и ведем беседу с первым секретарем Ялтинского горкома КП Украины А. А. КУЦЕНКО.

— Андрей Андреевич, как вы относитесь к славе вашего города?

— Считаю ее вполне заслуженной. Конечно, нам, ялтинцам, трудно быть беспристрастными в оценке своего города, но все же... Мне довелось неоднократно бывать на лучших курортах мира — в Ницце, Каннах, многих других,— и нигде я не нашел таких благодатных условий для отдыха, как у нас в Крыму. Речь идет не о сервисе — здесь мы во многом еще отстаем. Но финансовый «климат» на многих заграничных курортах таков, что отдых там по карману разве что очень состоятельным людям. Например, по свидетельству американских туристов, один день отдыха на курортах США стоит 120 долларов и больше.

— Вчера я познакомился с тремя шахтерами из Экибастуза. Они уже не первый раз отдыхают в Ялте. Любопытно, что это традиция их отцов — те тоже втроем проводили здесь свой отпуск...

— Явление обычное для крымских курортов. Путевки в наши здравницы широко доступны трудящимся страны. Известный ленинский декрет о передаче крымских курортов в распоряжение рабочих и крестьян воплощен в жизнь... Много отдыхающих приезжает по бесплатным путевкам, значительное количество путевок на 75 процентов оплачивают профсоюзы. В санаториях Министерства здравоохранения СССР дети живут бесплатно, а противотуберкулезные санатории содержат больных практически до полного выздоровления.

— Но ведь в Крым приезжают не только больные люди. Потом, путевки достаются далеко не всем, многие едут к вам, как говорится, на свой страх и риск.

— О разделении отдыхающих на больных и здоровых я скажу позже. Сейчас о путевках. Да, всех желающих обеспечить ими пока не можем. Но мы идем навстречу и тем, кто едет к нам провести свой отпуск, как вы сказали, на свой страх и риск. Во-первых, жилье: квартирное бюро горисполкома бронирует комнаты у частных лиц и направляет по этим адресам приезжих, причем курортный сбор за эту услугу вместе со стоимостью прописки составляет всего три рубля. Расширяется сеть гостиниц, кемпингов для туристов. Во-вторых, питание: стремимся создать как можно больше кафе, закусочных, киосков, торговлю с лотков... В этом году в разгар курортного сезона одновременно за столы системы общественного питания смогут сесть более 18 тысяч гостей.

Южный берег Крыма невелик, и это надо помнить. Никаких ограничений для поездки к морю, конечно, не будет, но санитарно-курортный комплекс мы все же создаем в первую очередь для тех, кто едет к нам лечиться, поправлять свое здоровье.

— Значит, туристам с их палатками, автомобилями места не останется?

— На самом берегу — нет. По проекту весь берег моря, от Байдарских ворот до Медведь-горы, должен быть застроен санаториями, домами отдыха, пансионатами с лечебной базой. А здоровым, выносливым мы предоставляем «верхний этаж» Ялты — горы. Здесь, в районе новой прекрасной дороги на Севастополь, будут строиться кемпинги, мотели. Кроме того, лично я считаю, что энергичному, непоседливому племени туристов — особенно моторизованных! — надо с большей активностью осваивать отдаленные районы страны. Что поделаешь — у моря тесно.

— Вы упомянули в разговоре новые проекты. Расскажите о самых интересных новостройках Большой Ялты.

— Трудно перечислить все, что предусмотрено проектом на ближайшие годы. Это около ста объектов, общая стоимость которых составит 120 миллионов рублей. Могу назвать новостройки-гиганты: шестнадцатиэтажный санаторно-курортный комплекс Ай-Даниль, который может служить эталоном для строительства санаториев, первая высотная гостиница «Интурист» на 2 740 мест в Массандре. Ялтинские здравницы растут вверх... У горы Кошка будет построен курорт «Голубой залив» на 8—10 тысяч мест. Идет сооружение подвесной канатной дороги от Мисхора к вершине Ай-Петри длиной в 3 100 метров. В горах, как я уже говорил, будут сооружаться крупные кемпинги. Очень много забот доставляет нам оползневый характер крымского берега. На его укрепление мы ежегодно расходуем около трех миллионов рублей. Одновременно создаем новые пляжи, красивые набережные — такие, как в районе пансионата «Марат», санаториев «Украина», «Днипро», «Черноморец», в Ливадии.

— Если в Ялте будет много новостроек, тем более высотных, то это, вероятно, изменит облик самого города?

— Не совсем так. Моряки часто говорят: когда подходишь к Ялте, не спутаешь ее ни с каким другим приморским городом! Нам хочется сохранить лицо своего города. Мы, например, не собираемся чрезмерно увлекаться высотным строительством. Многое из того, что построено за последние годы, не обезличило Ялту, а лишь украсило ее. Вот, к примеру, ресторан «Горка», летний театр, кинотеатр «Сатурн», новые санатории — они гармонично вписываются в пейзаж рядом со знаменитыми крымскими дворцами. В самой Ялте будут и впредь реконструироваться старые особняки. Ведется ремонт старых жилых домов, строятся новые. Построен крупнейший на Украине Дом торговли, здание АТС на 8 тысяч номеров, молокозавод, мясокомбинат, сооружается новейший хлебозавод. Скоро рынок из центра города переведут в крытые помещения автобусного парка, а автопарк будет выведен за черту города. Улучшится водоснабжение Ялты. В содружестве с учеными испытывается новая система глубоководного спуска сточных вод на расстоянии двух километров от берега — это значит, море у города будет меньше загрязняться. В новой пятилетке на развитие курортов, городского хозяйства и благоустройство намечено израсходовать до 250 миллионов рублей.

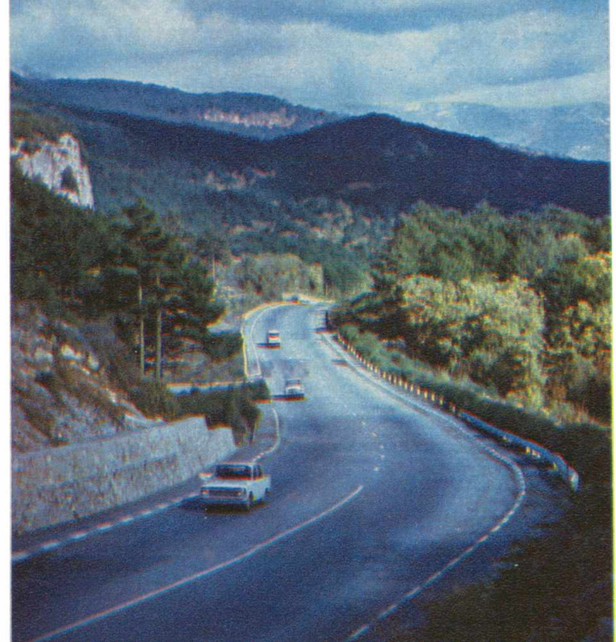
— А как решается проблема сервиса?

— В последнее время появилось такое понятие: «крымский почерк». Вы приезжаете в Ялту, и шофер такси по дороге рассказывает вам о городе, дает необходимые справки — не потому, что он рассчитывает на «чаевые», а потому, что так принято в нашем городе. Это крымский почерк. Вы живете в пансионате, и вам самим не надо заботиться, где купить билеты в театр, как заказать билеты на поезд или самолет. Приобретают опыт молодежные бюро добрых услуг. В магазинах практикуются передовые формы торговли. Это тоже крымский почерк...

Разумеется, не все еще сделано, крымский почерк будет оттачиваться. Коммунисты задают здесь тон. Партийные организации многое делают для воспитания высокой культуры обслуживания отдыхающих. Большие надежды мы возлагаем на молодежь, комсомольцев, которые заняли места за прилавками, в кафе, ресторанах. Есть у Ялты такой негласный титул — столица отдыха, а он ко многому обязывает.

Вот она, сегодняшняя Ялта: это одна из лучших крымских здравниц — санаторий имени XXII съезда КПСС, это пробитая в горах дорога к Севастополю, обелиск у въезда в город, новое здание АТС...

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

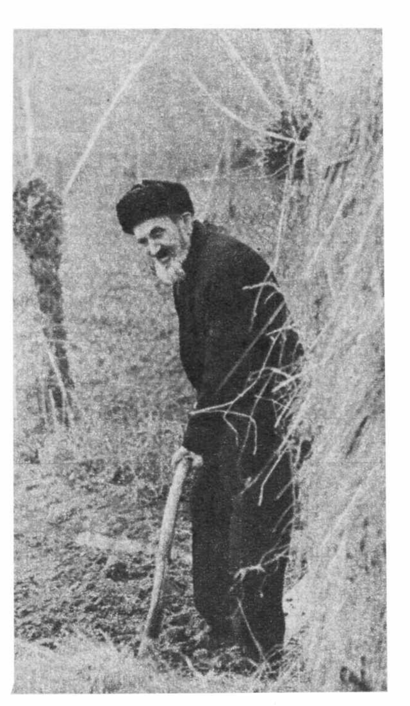
Ялтинский порт ночью.

Крупнейший на Украине Ялтинский дом торговли.

Марат ЦЕБОЕВ

Фото автора.

И ДОБРЫЕ И ЩЕДРЫЕ...

Старейший житель Юго-Осетии Сико Габузович Каркусов.

Красное знамя

Дедушка Сико поднялся спозаранку. Работы по хозяйству всегда хватает. Утром, как утверждает старейший житель Юго-Осетии, все люди молоды и только к вечеру входят в рамки своего возраста. Старик неторопливо сгребает вилами сено. Стог медленно растет. Сико вдыхает аромат сухой травы и думает: как это прекрасно — работать. А ему уже давно за сто, внук подсчитывал — 136 лет, племянник — 141 год. До революции он побывал во многих заморских краях, но всегда тосковал по своей юго-осетинской земле, вот этой, которая под ногами. Верна дедовская пословица: «Кто не живет на родине, тот не знает вкуса жизни». Не всем хватало раньше этой земли, помещики прибрали ее к рукам, оставив бедноте самую малость. Тринадцатилетним мальчишкой косил Сико сено на участках над пропастью, привязанный веревками, чтобы не свалиться в бездну. Несладко жилось. Вот и уехал в начале века на заработки. Там, в Австралии, метался в малярийной лихорадке. И однажды кто-то склонился над его постелью и тихо запел осетинскую песню. Незнакомца звали Хазби, родом он был из Осетии. Его разыскали и привели к Сико добрые люди из России.

Все выше стог сена. Солнечный диск выглянул из-за горы, щедро рассыпав багрянец на крыши домов и верхушки деревьев. А вот гость: Федор! Внучатый племянник.

...«ГАЗ-69» мчит Сико и Федора в сторону Чреба, как в народе называют Цхинвали — столицу Юго-Осетии. Сико давно мечтал об этой поездке. Федор протягивает ему газету. На снимке коренастый человек в военной форме. Взгляд решительный, волевой. Это первый осетинский адмирал, Пантелеймон Цаллагов. Много среди осетин Героев Советского Союза, многие земляки Сико стали генералами, а вот адмирал — первый. Горец становится адмиралом — разве это не замечательно! Ведь моря в Осетии нет.

Сико знают в Юго-Осетии не только из-за его почтенного возраста, а главным образом из-за созданных им памятников. Он скульптор. Его работы можно увидеть во многих населенных пунктах Кавказа.

...Дорога становится ровнее. Машина набирает скорость. Сико любит быструю езду. Эх, ему бы сейчас резвого скакуна, только силы уже не те. А ведь по этим самым дорогам не раз скакал он с отрядами красных повстанцев, поднявшихся осенью 1919 года, чтобы свергнуть контрреволюционное меньшевистское правительство и установить Советскую власть. Тогда меньшевикам удалось подавить восстание. Стойкий большевик-ленинец Знаур Айдаров, возглавивший Совет крестьянских депутатов в селе Хциси, был казнен. «Я рабочий,— сказал он перед смертью,— и умру за дело рабочих, но моя кровь не пропадет даром, за меня отомстят мои братья по классу. Да здравствует коммунизм! Теперь я готов — стреляйте!»

Его кровь не пропала даром. Советская власть победила в 1921 году — трудящиеся Грузии подняли восстание и с помощью русских братьев, с помощью Красной Армии навсегда изгнали со своей земли предателей-меньшевиков. Красное знамя взвилось над ущельями. 20 апреля 1922 года была образована Юго-Осетинская автономная область.

Голубое топливо

...Вот наконец и Цхинвали. Машина привезла Сико Габузовича Каркусова к той самой площади, где увидел он пятьдесят лет назад алый флаг революции, флаг, взметнувшийся над толпой. Но что это? И сегодня сюда стекаются сотни людей. Играет духовой оркестр. Дедушка Сико недоумевает: какой же праздник нынче в городе?

В центре площади установлена пятиметровая железная мачта. Рядом трибуна, на которую поднимаются партийные и советские руководители области. После короткой речи к мачте подходит первый секретарь Юго-Осетинского обкома партии Г. Н. Джуссоев. Он нажимает кнопку, и на верхушке мачты вспыхивает пламя. Да, сегодня праздник. В юбилейном году город получил первые тысячи кубометров природного газа.

Смотрит Сико на пылающий факел и переносится в мыслях на много-много лет назад, в дореволюционную пору. Видит свою мать Сабе и отца Габуза. Они заготавливают лучины, складывают их в мешочек. В сакле темно. Гудит дымный очаг, около которого греются дети. А теперь в домах осетин электричество, газ, водопровод, отопление. Если бы Габуз знал, что его сын Сико увидит столько чудес!

«Небесные» камни Квайсы

Машина приближается к перевалу Ерцо. Оттуда до рудников Квайсы рукой подать. Слышен шум трактора. Расчищает дорогу на перевале от снега, который прошел ночью. Без трактора тяжело в горах. Сико хорошо помнит 1929 год, когда товарищество «Гутондар» приобрело первый трактор. Всем он казался чудом. Но как же им управлять? Приехал и тракторист, рязанский паренек. Многих местных жителей обучал он своему делу, стали они заправскими трактористами.

...Руду квайсинского месторождения задолго до Октября случайно обнаружил местный пастух Дмитрий Хугаев. Собравшись позавтракать, присел он у родника и вытащил из сумки чурек с сыром. Нагнулся, чтобы зачерпнуть воды, и увидел на дне необычные камни. Они как-то странно блестели. Никогда еще не видел таких горский парень! Пастух взял их с собой, показал старикам. Те недоуменно пожимали плечами. Решили, что камни упали с небес. Тем все тогда и кончилось.

А когда в горы Юго-Осетии пришла Советская власть, «небесными» камнями заинтересовался один из первых коммунистов области, Александр Джатиев. Он доставил образцы в Кавказский институт минерального сырья. «Камни с небес» оказались рудой с богатым содержанием свинца и цинка.

И тогда в ущелья Джавского района пришли геологи. Это были К. Барышев, С. Данилов, Ф. Абрамов из Московского института прикладной геологии. На геологических картах стало вырисовываться богатое квайсинское месторождение цинка и свинца.

Строительству горно-обогатительного предприятия помешала война. Но уже в 1944 году здесь начали сооружать Квайсинский рудник.

...Старый Сико вместе с директором Квайсинского рудоуправления У. И. Гассиевым шагает по поселку. Умар Иванович работает здесь недавно, но уже успел завоевать авторитет среди шахтеров. Во всесоюзном социалистическом соревновании квайсинские рудники заняли третье место. У Гассиева богатейший опыт. 18 лет проработал он на угольных шахтах в Донбассе, в Горловке. А теперь вот, обогащенный опытом, вернулся в свою Осетию. Здесь его ждали большие дела. Квайсинские горняки приступили к расширению и реконструкции своего горно-обогатительного предприятия. К концу пятилетки выпуск продукции должен значительно возрасти.

Улучшается и быт шахтеров. В поселке выросли новые дома. Начал действовать семикилометровый водопровод, доставляющий «хрустальную» воду из-под самого ледника Везури.

Поселок Квайса многонациональный. Здесь живут осетины, русские, украинцы, грузины, евреи, армяне. Шахтеры и трудятся и отдыхают вместе. Посмотрели бы вы, как здорово они пляшут! И русскую барыню, и украинского гопака, и армянский чем-чем, и грузинский лекури. А до чего же хороши древние осетинские танцы «Симд», «Хонга», «Танец на носках»! Государственный ансамбль танца Грузии показывал их во многих странах мира.

В этом многонациональном коллективе по-особому уважают старших. Все, кого встречал Сико, почтительно кланялись ему. Вот и эти рослые люди в шахтерской одежде, завидев Сико, низко склонились в поклоне. Познакомились. Алихан Хугаев и Сергей Келехсаев — бурильщики. Передовики производства из соревнующихся бригад. Алихан Хугаев работает на руднике со дня его основания.

— Хорошо у нас в Квайсе,— говорит Алихан,— мне кажется, это лучший уголок на земле. И для отдыха и для работы.

А Сергей Келехсаев добавил:

— Однажды я пролетал на самолете через Кавказский хребет. Сверху горы выглядят такими суровыми! Но я-то их знаю вблизи. Горы у нас щедрые, добрые. Их недра богаты.

Мы совершили маленькое путешествие по Юго-Осетии вместе с народным скульптором Сико Габузовичем Каркусовым, живым свидетелем истории своего народа.

ПОВЕСТЬ О ПОВАРИХЕ ЗАГИДАТ, БРИГАДИРЕ ЗУБАИРЕ ДА О СТАРОМ ПАСТУХЕ ДАЛГАТЕ

Муса **МАГОМЕДОВ**

Рисунки В. ЮДИНА.

Она стояла и ждала: не скажет ли чего Зубаир? Но его голоса не было слышно. Тогда она отодвинула ветку ивы — стал виден стол, за которым сидели колхозники. Зубаир ел сосредоточенно, не спеша. «Кушай, кушай, дорогой мой,— неожиданно подумала Загидат.— Да разве я такие еще шашлыки готовила бы тебе...»

Но, подумав так, Загидат покраснела, будто кто-то застигнул ее за каким-то неприличным делом. И в следующее мгновение рассердилась на себя: «Да что это я в самом деле...» А уже затем разозлилась на Зубаира, потому что тот отодвинул от себя шампур, на котором осталось еще два кусочка мяса. Отодвинул и сказал с усмешкой:

— Разве пристало взрослым людям столько хвалить этот обед? Какая разница — сварено мясо в котле или подсушено на палочках да прокопчено на костре?

Разозлилась Загидат, ух как разозлилась. Потому что несправедливыми были слова Зубаира. Больше не таясь, она вышла из-за ивового куста, зашагала прямо к бригадиру.

— Значит... значит, не понравился тебе мой шашлык?— вскрикнула она еще издали.— Значит, не шашлык это, а куски сушеного, дымом копченного, семь лет висевшего на бревне мяса? Значит, застрял в горле у тебя мой шашлык?

— Ты что, что?— Зубаир сделал шаг назад.— Муха, что ли, какая укусила тебя?

Загидат налила из кувшина в кружку воды, протянула Зубаиру.

— На, выпей! Может, и пройдет застрявший кусок мяса. А то, боюсь, задохнешься да умрешь. А люди скажут: подавился шашлыком, приготовленным руками Загидат. Ну, пей!

— Сдурела, ей-богу, сдурела!— вскрикнул Зубаир, схватил с ветки свою белую шляпу и быстро пошел прочь.

— Разве осел понимает вкус огурцов?!— кричала ему вслед Загидат.— Разве чайник поймет благородство красного вина?!

Кто-то успокаивал Загидат. Но она ничего уже не слышала, не понимала смысла слов. Отойдя к кухонному столику, присела на низкий стул и заплакала.

— Да, вредно мужчине долго вдовцом оставаться,— донесся до нее голос Махсута.

— Не в этом дело, я думаю,— ответил ему Алисултан.— Просто жаль стало сегодня бригадиру себя. Долгие-долгие годы он ел только недоваренные хинкалы да полусырое мясо. Покойная его Джавгарат была красивой женщиной, ничего не скажешь. А руки у нее были кривые, очаг у нее вечно дымил. Да-а, попробовал человек настоящего шашлыка и подумал: без радости ведь полжизни прожил. И обозлился на весь мир...

Загидат вытерла слезы и сказала себе: «Ладно, Загидат. Он все равно признает свою неправоту...»

...И начался между этими людьми, которых я очень люблю, которых любят все в ауле, странный поединок. Ну, если не странный, то, во всяком случае, немного необычный.

Неделя прошла с того дня. Загидат каждый день готовила завтраки, обеды и ужины один лучше другого. Всю свою изобретательность она пустила в ход, до последней подробности вспомнила всю науку покойного дяди, славнейшего Магомеда из Араха. И, прищуривая глаза, всякий раз поглядывала на бригадира, молча спрашивая: «Ну как, мол?» А Зубаир будто не замечал этих ее взглядов, всегда говорил одно и то же:

— В чем нужда? В каких продуктах? Мясо кончилось? Муки нет? Привезут и мясо и муку. Обед чтоб был вовремя...

Говорил все это Зубаир холодно и сурово. Приходил он к столу всегда позже других. Молча ел, молча поднимался и молча уходил, не поблагодарив, как другие...

«Ладно, поглядим, что дальше будет...— твердила себе Загидат.— Может, действительно ожесточила его неуютная, одинокая жизнь вдовца. Поглядим...»

Позавчера по ее просьбе председатель колхоза привез большую рыбину.

— Бригадиру мясное не нравится,— пояснила Загидат свою просьбу. Пояснила громко, чтобы слышал и Зубаир.— Суп он не доедает, мясо тоже частенько в его чашке остается. Есть, конечно, чудаки, которые не любят жареного лука, отталкивают с тарелки помидоры, ореховые лепешки с тыквой не считают за еду. Может, рыба таким больше нравится.

Улыбнулся председатель и сказал:

— Ладно, будет тебе рыба.

Вчера, готовя жареную рыбу, Загидат добавляла различные пряности и специи в таких пропорциях, которые на земле, может быть, только двоим и были известны — Магомеду из Араха когда-то да теперь вот ей. Люди ели и, как всегда, хвалили:

— Валлах, не верится, что рыба бывает такая вкусная!

Бригадир же молча поковырял вилкой в тарелке. Загидат положила ему кусок самый вкусный, самый прожаренный и, наконец, просто самый красивый на вид. Поковыряв, встал из-за стола.

— Как смола к рукам прилипает,— проговорил он и ушел.

— К рукам прилипает, да желудку по вкусу приходится,— заявил тут же со смешком Махсут.— Перекиньте его кусок в мою тарелку, я не брезгливый.

А вездесущий Алисултан добавил:

— У нашего бригадира характер, как у муллы. В первый день он рассердился ведь не на шашлыки Загидат, а на нас. За то, что мы хвалили ее обед. Ну, а теперь марку выдерживает, теперь ему неудобно хвалить умение Загидат. Он съел бы четыре куска, а вот приходится бедняге голодным из-за стола вставать. Ну, да всему на свете наступает конец, придет конец и его упрямству. Характером сыт не будешь.

И вот сегодня... Прав, видно, был старый балагур и пересмешник Алисултан. Сегодня вдруг Зубаир пришел обедать раньше других. Сегодня вдруг Зубаир похвалил ее обед. Сегодня вдруг сказал ей Зубаир: «А у тебя, я знаю, доброе сердце». И, наконец, вместо всегдашней, прожженной солнцем и сопревшей от пота гимнастерке сегодня на Зубаире была белоснежная нейлоновая рубашка. А кроме всего этого — что самое-самое главное,— Зубаир объяснил ей причину своей грубости, такого своего поведения: «Плохо, очень плохо, когда человек один... Туром одиноким в горах я остался...»

Продолжение. См. «Огонек» № 16.

И хотя сразу после обеда Зубаир заторопился в аул, хотя Загидат несколько встревожило это обстоятельство, мысль, что Зубаир отправляется по служебным делам, ее успокаивала.

3

Да, эта мысль несколько успокаивала добрую и доверчивую Загидат, а вскоре к ней и вовсе вернулось хорошее настроение, потому что Зубаир, кончив сборы, сказал:

— Валлах, правду говорят, что любая боль утихает после обеда. А какое сегодня было чуду! Не торопился бы так — еще бы штук пять съел. Чтоб уж совсем от всяких болей вылечиться.

Сказал Зубаир громко, при всех, потому что колхозники в это время пришли на обед и кто уже устраивался за столом, кто мыл руки. Ну, настолько у нее повысилось настроение, что даже и не заметила, как Зубаир повернул разговор на другую тему.

— ...Да, чтобы совсем излечиться... Хотя, по правде сказать, от застарелой болезни доктор только сможет вылечить. Нет, нет, Загидат, этим я совсем не хочу опорочить твой обед. Замечательный был обед. И вообще я был не прав по отношению к тебе... и к твоему поварскому умению. Вот, при всех говорю. Но все-таки надо мне в город съездить, показаться доктору. Очень меня беспокоят головные боли... Хотя зачем в город? Говорят, у тебя, Загидат, новый доктор из города остановился?

— Да какой она пока доктор?— добродушно откликнулась Загидат.— Девчонка, еще учебу в институте не закончила. Как-то я ей говорю: вот ты, Майсарат, много знаешь, у профессоров всяких учишься, подскажи мне лекарство от ревматизма. Она смеется: в следующий раз я тебе очень хорошее лекарство из города привезу — змеиный яд. Валлах, говорю, что ты такое несешь?! Разве можно ядом змеи лечиться?!

— Вот и напрасно, Загидат, ты сказала так,— засмеялся Зубаир.— Змеиный яд — очень даже хорошее лекарство. Не чистый ведь змеиный яд, а как приправа к особой мази. Очень помогает от ревматизма. Сразу видно, хороший доктор... Ты попроси свою гостью, Загидат, чтобы она поискала лекарство от моей болезни. А вечером я загляну к вам. Ну, надо идти, хотя и не хочется и работы много. Придумали тоже — заседать в субботу. Целую неделю люди работали не покладая рук, теперь еще на заседании сиди. Вот голова опять начинает побаливать. Так не забудь, Загидат, сказать насчет меня своему доктору...

— Да мне что, я скажу.

И Зубаир пошел. Навстречу ему из тени грушевого дерева поднялся Далгат.

— Плохо, Зубаир, если болезнь наружу выходит,— сказал старик, когда они отошли метров на пятьдесят.— Только не там ты лекарство искать собрался. Женись-ка вот на Загидат — и мигом все твои болезни исчезнут.

— У тебя, Далгат, я вижу, много свободного времени.

— Разве ты не видишь, Зубаир, какая у нее золотая душа? Разве не замечаешь, какими глазами смотрит она на тебя?

— Болтаешь ты, сам не зная о чем. Устанут, смотри, губы, не сумеешь и ложку опорожнить,— рассердился Зубаир. И, выйдя уже на дорогу, обернулся и крикнул:— Загидат! Налей побольше щей Далгату!

Старый пастух еще постоял, поглядел вслед удаляющемуся Зубаиру и вернулся к своей лошади.

— Вы еще хотите покушать?— спросила Загидат.

— Ничего я не хочу.

— А Зубаир... Вы о чем-то с ним беседовали?

— Я посоветовал ему лекарство от болезни.

— И, кажется, ваш совет пришелся ему не по вкусу.

Это сказал уже агроном Махсут.

Старый Далгат долго поправлял седло на лошади, старое и пыльное. Подождав, пока Загидат не отошла, заговорил:

— Голова у него заболела, ишь ты... Доктор понадобился... Ты знаешь, Махсут, какой цветок он собирается сорвать? И скажи, пожалуйста, зачем ему, вдовцу, восемнадцатилетняя девушка?

— О ком ты говоришь? О какой девушке?

— О Майсарат я говорю! Вот о какой девушке! Видел ты ее?

— Нет,— сказал агроном.— А вы откуда знаете?

— Откуда? Вчера я в кино пошел... Я стар, в клуб хожу редко, но когда кино военное — не пропускаю. Два сына погибли у меня, может, думаю, хоть в кино увижу их. Ну, пришел... До начала кино молодежь танцы свои устроила. Ох, моя молодость! Тогда мы не могли, не имели права даже словом перекинуться с девушкой, встретившись на пустынной дороге. Старики узнали бы, так камнями закидали обоих. А теперь при всем народе парни и девушки в обнимку танцуют. Куда идет мир!

Махсут улыбнулся при этих словах, а старый Далгат насупился.

— Осуждаешь, да?

— Что вы, Далгат-даци!

— Ох, Махсут... Сидел я, смотрел на все это и о себе думал. И так стало жалко прошедшей жизни... Ну, да ладно. Вдруг я голос слышу: «Эй, Гулла, кто эта девушка?» Зубаир это спросил. Он сидел неподалеку от меня со своим другом Гуллой. Я тоже поглядел туда, куда кивнул Зубаир. И вижу там прямо... Ну, в общем, настоящую красавицу увидел. Лицо горячим солнцем пылает, на спине косы, будто два горных ручья. Глаза синие-синие, как кусочки горного неба. Девушка эта танцевала с учителем Мирзой. Мирзу ты знаешь, он давно остепенился, жену очень любит и детей. И жена его тут же сидит, смотрит, как танцует муж с этой девушкой, улыбается. А я слышу, Гулла рассказывает Зубаиру: «Майсарат ее звать, она студентка, на доктора учится, сюда на практику приехала, председатель Гимбат ее на квартиру к вашей поварихе поставил. Сегодня я с ней на одной машине из города приехал. Очень славная девушка, разговорчивая. Места ей наши очень понравились. После окончания учебы, говорит, приеду на работу к вам в Арах». «Да, очень красивая девушка,— проговорил тут Зубаир.— Нет у нас в Арахе такой. Интересно, как такую красавицу муж в горы отпустил одну?» «Я спрашивал,— отвечает Гулла.— Нет, говорит, у меня мужа. Был нареченный, да изменил, на другой женился. Пустой, говорит, человек, значит, был, я не жалею о нем...» Вот так, Махсут.

Помолчал агроном, поковырял носком сапога землю.

— Ну, а все же, откуда ты взял, что Зубаир...

— Ха! Любопытно мне стало. Я наблюдаю за Зубаиром, а он, значит, все кино глаз с Майсарат не спускает... После кино, смотрю, заспешил вслед за девушкой. «Вах!»— подумал я и заковылял за ними. Да, любопытный я...

— Что же дальше?

— Ну что? Когда приблизились к дому Загидат, на дороге стало темно. Там кто-то лампочку на столбе разбил. Тогда-то Зубаир и осветил дорогу карманным фонариком. «Извините,— говорит,— тут темно, я посвечу вам...»

— Вежливый...

— Да... И девушка тоже вежливая. «Спасибо»,— сказала она — и в калитку дома Загидат... Зубаир остался перед захлопнувшейся калиткой с открытым ртом. А сегодня утром выгоняю я стадо, гляжу, а Зубаир

принарядился, белую рубашку надел... Не люблю я их, есть у меня одна такая, потеешь в ней, как в бане. Медленно так шагает бригадир мимо дома Загидат и прямо стекла окошек глазами выдавливает. Ну, думаю... И вот сегодня завел разговор, сам слышал: болезнь очень старая, к доктору надо, попроси лекарство, значит, у гостьи своей, Загидат, а я вечером загляну... Разве ничего не понятно?

— Вах!— снова удивился Махсут.— Вижу, неплохие мечты у нашего бригадира.

— Мечтать-то я могу о дочери хана. Да что толку! Глупец он, глупец! Ему бы для Загидат эту рубашку надеть, у нее лекарство от головной боли попросить... Русские говорят: с лица воду не пить, что соответствует нашему, горскому: лицо не поле, не кукурузой его засевать...

— Значит, это верно, что Загидат любит его?

— Не знаю точно, в сердце ее не глядел. Но в глазах радость, когда Зубаир ласковое слово ей скажет. Не заметил разве сейчас вот?

— Я слышал много раз, как Загидат говорила, что никогда не выйдет замуж.

— Что же, она на все горы должна кричать: мужа, мол, хочу?

— Да-а...— сказал Махсут.

— Да-а...— сказал и Далгат, только не удивленно, как молодой агроном, а по-стариковски сухо и насмешливо.— Ты слышал хабар про мать святого Исы?

— Нет.

— Ну, так послушай. Когда Иса остался сиротой, мать, не жалея сил и здоровья, заботилась о сыне. Сама голодала, а он был сыт. Сама болела, а он был здоров. Сын рос, наливался соком и силой, а мать все слабела, все худела. И, наконец, даже ходить ей стало трудно. Однажды сын спросил ее: «Мать, что мне сделать, чтобы вернулось твое здоровье, чтобы ты ходила по горам легко и без устали, как прежде?» Мать ему ответила: «Твоя честность — мое лучшее лекарство». Подумал-подумал будущий святой над словами матери и сказал: «Хорошо, мать, я докажу тебе свою честность и свою верность. Ты отдала все силы, заботясь обо мне, носила меня на своей спине, когда я уставал. А теперь я буду носить тебя на спине». И с тех пор сын, куда бы ни отправлялся, сажал на спину мать и шагал с ней... Но однажды, переходя речку, поскользнулся и уронил мать в воду. На берегу как раз случился старый крестьянин и поспешил им на помощь. Вытащив пожилую женщину из воды, крестьянин полюбопытствовал у Исы, отчего это он таскает свою мать на спине. «Хочу ей за заботу обо мне добром отплатить. Может быть, отдохнет она, исчезнут ее болезни, вернутся силы и заиграет прежняя улыбка на лице, как было до смерти моего отца». «А, хочешь, чтобы к матери вернулась сила и заиграла улыбка на лице?— переспросил крестьянин.— Так выдай мать замуж». Очень рассердился будущий святой Иса на такие слова, восприняв их как оскорбление, закричал на крестьянина. «Что это ты так шумишь, сынок, почему так ругаешь этого простого крестьянина?»— спросила у Исы его мать. «Да как же мне не ругать его?— возмущенно ответил Иса.— Ведь он, бессовестный, советует мне, чтобы я выдал тебя замуж. Тогда, говорит, все болезни твои кончатся».

Далгат замолк, поглядел на солнце, которое давно перевалило через вершину Кади.

— Ну и что же?— спросил Махсут.

— Да что... Мать Исы вздохнула и, глядя на старого крестьянина, произнесла: «Умный, видно, это человек».

Долго смеялся Махсут над этой притчей. Старый пастух же глядел на него сурово и даже осуждающе. Махсут невольно умолк.

— Что ты глядишь так, Далгат-даци? Я разве не хочу счастья нашей доброй Загидат? Да что я тут могу сделать?

— Э-э, молодой хитрец. Борода еще не выросла, а старого Далгата провести хочешь. А ну-ка, отвечай мне, кто вслед за Зубаиром да за мной вчера после кино по улице, как тень, крался?

— Вы что, Далгат-даци?— Махсут сделал невинное лицо.

— Кто чуть ли не до рассвета под окнами Загидат болтался?

— Далгат-даци!— взмолился Махсут.— Услышат же. Девушка славная, верно... Познакомиться хотел еще в клубе, да не решился.

Улыбнулся вдруг старый пастух, проговорил:

— Пока коровы мои прячутся от жары под скалами, воспользуемся-ка приказанием бригадира, а? Ведь он приказал Загидат еще раз покормить меня. А то в второпяхто как следует не почувствовал вкус чуду, приготовленного нашей Загидат. А когда желудок полон, ум острее бывает. Может, и присоветует старый Далгат тебе что-нибудь такое... как с Майсарат познакомиться да как Загидат помочь. А, что на это скажешь?

— Далгат-даци! Да какой разговор! Пойдемте скорее к столу! — воскликнул Махсут, и в голосе его... Нет, заискивающих ноток в его голосе не было. Чего не было, того не было, зря я наговаривать на него не хочу. А вот вежливость и услужливость, которые так и захлестнули молодого агронома, я заметил. И еще я заметил, что Махсут очень беспокоился, как бы старый Далгат не передумал дать свой совет. Тут уж хотите верьте, хотите нет...

4

В общем, Зубаир отправился в аул, члены его бригады, пообедав, ушли докашивать луг, старый Далгат, уничтожив остатки чуду, заспешил к своим коровам. Пока он ел, молодой агроном сидел рядом и смотрел старику в рот, будто сам был голоден, а потом проводил его до самого стада. Далгат ехал тихим шагом на своей лошаденке, Махсут шагал рядом, держась за стремя. Иногда они останавливались и о чем-то разговаривали. Загидат мыла посуду, поглядывала время от времени на Далгата с Махсутом и думала: «Интересно, какие дела завелись у молодого агронома со старым пастухом?»

Но скоро Загидат забыла про них, ибо все ее мысли занял Зубаир. В ушах все еще звучал его голос: «А у тебя, я знаю, доброе сердце... Плохо, очень плохо, когда человек один... Туром одиноким в горах я остался...» «Эх, Зубаир, Зубаир,— вздыхала она, невольно краснея, потому что стыдилась своих мыслей, стыдилась своего чувства.— Да ты еще не знаешь доброты моего сердца...»

Загидат казалось, что, узнай люди о ее чувстве к Зубаиру, поднимут ее на смех. Откуда знать людям, что она-то, Загидат, пронесла это чувство через всю жизнь, что она любила его и в двенадцать лет и в двадцать, любит и сейчас... Она любила и любит его вот таким, каков он был и есть,— немного своенравного, немного легкомысленного, немного грубоватого, немного постаревшего, немного лысоватого. Из этого всего складывался человек, немного непохожий на других. Она любила и его жену Джавгарат, гордилась, что она красавица. Другие скажут, что странное жило в ней чувство. Может быть... Но в Загидат не было ни ревности, ни зависти к Джавгарат, сожалела только в душе, что не умела та как следует готовить пищу и вкусно кормить Зубаира.

Вот такая она была, Загидат, уважаемые люди, и очень бы я хотел, чтобы вы поняли ее душу и полюбили ее, как любит старый Далгат (вы заметили это?), как люблю ее я...

Покончив с посудой и перед тем, как отправиться в аул (ужин готовить было не нужно, Зубаир разрешил завтра выходной, и колхозники вечером прямо с луга разойдутся по домам), повариха захотела освежиться и чуточку отдохнуть возле речки. Она, сняв платок, шла под палящими лучами солнца к берегу, и на завялой траве оставались ее следы. Она шла и думала о том, какой Зубаир хороший и заботливый бригадир. Сенокос — время, конечно, горячее, каждый день дорог. Но и люди не железные, они работают, отдавая все силы. Так почему же не дать им день отдыха, если дела в бригаде идут хорошо, погода стоит сухая, дождей не предвидится и скошенная трава не сгниет от сырости, а через два-три дня готовое сено будет сложено в стога? Он правильно решил, ее Зубаир.

Выйдя на берег, Загидат села на гладкий валун. Потом сняла туфли, осмотрелась, нет ли кого случайно поблизости, засучила шаровары, оголив ноги до колен, и опустила их в воду. Горная речка, собрав воду из многих источников, хранила их холод. И этот холод заставил ее вздрогнуть, по спине забегали мурашки. Но через несколько мгновений вода уже не казалась такой холодной, она приятно освежала усталые ноги и все тело, снимая усталость.

Быстрая горная река звенела о камни и, казалось, что-то рассказывала Загидат. Что она говорила? Загидат прислушалась, и ей показалось, что торопливые волны выговаривают одно слово: Зубаир... Зубаир... В не замутненных временем глазах женщины блеснули слезы. Ну да, Зубаир... с ним она тогда... давным-давно в последний раз говорила на берегу этой речки. Что она ему сказала? Ей шел тогда, кажется, тринадцатый или четырнадцатый год, и она крикнула ему сердито в лицо: «Пожалеть меня пришел, да? Уходи! Отправляйся к своей красивой Джавгарат! Ненавижу тебя! Ненавижу всех людей! Ненавижу эти горы, эту речку! Уходи и не показывайся на мои глаза! Умерла Загидат, понятно? Нет ее больше на земле! И ты умер для меня...» А еще раньше...

Слезы потекли из глаз Загидат, капали в речку, мешались с холодной водой. Выплакавшись, она платком стерла с лица слезы и стала уже спокойнее вспоминать, что еще раньше на этой вот речке, которая протекает и по окраине их аула, она часто помогала матери стирать белье. Сколько же ей тогда было лет? Может, семь, может быть, девять или десять. Она помнит, как мать однажды провела рукой по ее густым и длинным косам, осмотрела ее стройную, уже совсем девичью фигурку и сказала:

— Хороша ты, доченька... Вот еще немного подрастешь — и лучшие парни гор, самые смелые джигиты, будут о тебе песни слагать. Такие вот:

> На высокой скале растет
> Неземной красоты цветок...
> На балконе дома Шагидава
> Воркует голубка-красавица.
> Бедное мое сердце
> По ней страдает, по ней сохнет.

— Ну что ты, мама?— смутилась Загидат.— Какие песни? Какие парни?

— А как же? Подрастешь — и умчит тебя самый лучший красавец из хорошего рода на самом красивом гнедом коне. Мы, правда, бедны. Отец, чтобы прокормить нас, вынужден в городе работать. Но род наш благородный, никогда не было в нем лукавых и злых людей...

— А Зубаир... он тоже из хорошего рода?

— Зубаир... Он из хорошего рода, хотя тоже из бедного... Но Зубаиру, доченька, родители нарекли Джавгарат, что живет в нижнем конце аула.

Мать, говоря это, немного нахмурилась, помолчала. Потом, вздохнув, прибавила:

— Зубаир — хороший мальчишка... И я знаю, вы дружите... Отец одобряет вашу дружбу. Да и я не вижу в ней ничего плохого, потому что сердце у Зубаира чистое. Но... все-таки легкомыслен он немного. Самоуверен немного, может быть, совсем немного, а это значит...— И опять мать замолчала.

— Что же это значит, мама?

— Ну как тебе объяснить? Вот снег лежит на вершинах — чистый и такой, знаешь, самоуверенный. Лежу, мол, и буду лежать вечно. А пригреет солнце, и потечет этот снег ручьями, растает...

— Но ведь повеет холодом, и снег будто снова на вершину возвращается,— почему-то сказала Загидат.— И мне всегда кажется, что это тот же снег. Он одумался и вернулся.

Улыбнулась мать. И тут же опять вздохнула.

— Ой, как мне понять твои мысли? Вроде сердце у тебя будет мудрым и терпеливым. Мужчины это ценят в женщине больше всего... Очень ценят. Но ведь у Зубаира, говорю тебе, есть нареченная... Ой, да о чем это мы разболтались? Пошли домой.

Загидат росла всеобщей любимицей села. Даже древние старухи, не одобрявшие на словах ее поведения, ее дружбы с мальчишками, при встречах улыбались, совали в руки какое-нибудь угощение, а некоторые то и дело просили взять кувшинчик и принести воды из источника. Это было очень высоким знаком расположения. А одна все время говорила: «Брось ты... этого Зубаира. Я вот поговорю с твоим отцом Шагидавом... чтоб выдал тебя за моего внука».

Тогда жива была еще бабушка, и она часто говорила матери:

— Она так красива, наша Загидат... А станет взрослой — солнцем засияет, алмазом засверкает. Ох, как бы не сглазили нашу Загидат. Надо бы талисман заказать да зашить в подол ее платья. А ты, Али, слышишь? Береги красоту сестры.

— Ха! — отзывался брат Али. — У ее красоты есть защитник — Зубаир.

— Ты чего говоришь? Чего выдумываешь?! — вскрикивала Загидат со слезами на глазах.

Она сердилась искренне, но не очень долго. В конце концов Али был прав: Зубаир был хорошим защитником. Да и сам Али — Загидат чувствовала и видела это — зубами вцепился бы во всякого, кто посмеет обидеть Загидат.

Так она росла, нисколько не задумываясь о своей красоте, нисколько не заботясь о ней. Она очень не любила, когда мать мыла ее косы настоем виноградной лозы, чтобы они росли длиннее, когда терла свежими абрикосами, чтобы ярче горели они на солнце, и нехотя подчинялась этим утомительным для нее занятиям. Она лишь мечтала, чтобы почаще из города приезжал отец, всегда добрый и ласковый, да каждый раз привозил ей новое красивое платье. И отец привозил, Загидат немедленно его надевала и бежала показаться Зубаиру.

Однажды весной отец приехал из города не днем, как бывало всегда, а ночью. Она проснулась оттого, что кто-то подошел к ее постели. Загидат открыла глаза. И хотя отец был худ и с каким-то непривычно красным лицом, она сразу узнала его и вскрикнула: «Папа!» А он поспешно отскочил от постели и упал посреди комнаты. Мать громко зарыдала. Заплакала от испуга и Загидат, ничего еще не понимая.

— Али, сбегай за доктором. Побыстрее! — прокричала мать. — А я пока уложу отца в постель.

Старый доктор Исмаил из Хунзаха был один на несколько селений. Все-таки Али через несколько часов отыскал его и привел. Доктор осмотрел отца и объявил, что тот болен страшной болезнью — оспой.

Вокруг их дома налили керосин и подожгли, чтобы зараза не распространилась, как объяснила мать, по всему аулу. Детей она к отцу не подпускала, сама поила его из небольшого кувшинчика, а пищи он в рот не брал...

На вторые сутки отец умер. Мать, старый доктор Исмаил и дядя Магомед, который ничего на свете не боялся, похоронили отца на дальней окраине аула.

После похорон мать, забрав с собой Али и ее, Загидат, увела их в горы, на старый, заброшенный хутор.

— Это для того, родные мои, чтобы люди не проклинали нас — вот, мол, сеют в ауле заразу. Ведь, может быть... не приведи аллах... и мы заразились.

Там, на заброшенном хуторе, они втроем оплакивали отца. Мать рассказывала, что отец заболел этой страшной болезнью где-то по дороге из города, что он сам не знал, что заразился оспой, иначе бы ни за что не пришел в аул, а умер бы где-нибудь в горах...

Не напрасны были опасения матери. Первой свалилась она сама и через несколько дней умерла. Обливаясь слезами, Али и Загидат похоронили ее там же, на хуторе, под зеленой от времени скалой. Через несколько дней после похорон слег Али. Без памяти, в сильном жару, он метался почти неделю. И за все это время Загидат ни разу не сомкнула глаз. Под конец почувствовала, что ее виски разламывает страшная боль, а стены избушки начали странно покачиваться, грозя упасть на нее... И однажды все-таки упали, придавили ее тяжким грузом.

— Али, Али! — в страхе закричала она.

И перед тем, как стены окончательно раздавили ее тело, как потухло сознание, она услышала:

— Я слышу тебя, Загидат... Ко мне, кажется, вернулись свет и звуки...

Загидат болела долго, очень долго. То она впадала в беспамятство, то приходила в себя. Иногда сквозь какой-то странный гул, будто высоко в горах обваливались камни с вершин, она слышала голос Али, который молил аллаха, молил солнце, речку и могучие горы пожалеть Загидат, не дать ей умереть. «Слава аллаху, что сам-то Али выжил, кажется», — мелькало у нее, и опять Загидат словно проваливалась в темное, глубокое ущелье.

Очнулась Загидат, когда деревья были желтыми. В голове шумело, будто била в череп тугая струя горной речки, но боли особой она не испытывала, и тело ее стало легким, невесомым. Она глянула на лицо Али, на очень странное его лицо. Оно было красноватым, все в темных болячках. Дыхание у Загидат перехватило от жалости к брату, она приподняла с подушки голову... Голова была непривычно легкой. И в ту же секунду она поняла почему: голову она подняла, а ее косы... две ее длинные косы остались на подушке.

— Али! — закричала она в ужасе. — Эти змеи, убери их!

Она спрятала лицо в ладони, ощущая на щеках болезненные струпья, и начала кататься по земляному полу избушки.

А что мог сказать ей Али в утешение. Он сидел и молчал.

...Почти до снегов прожили они с братом на этом хуторе. Али собирал поблизости в горах дикие фрукты, ягоды, иногда ходил на охоту и приносил свежее мясо.

Понемногу Загидат окрепла. Зеркала в избушке не было, но Загидат и без того знала, что с ней произошло, какая она стала.

Как-то в холодный, ветреный день она спустилась к речке. Горные ручьи, питающие речку, с наступлением холодов иссякли, и река утихомирилась, обмелела до поры до времени, меж прибрежных камней вода и вовсе стояла неподвижно. Загидат наклонилась над небольшой заводью. Оттуда, снизу, из воды, смотрела на нее странная, чужая, очень некрасивая девушка. Она была безволосая, щеки, нос, лоб — все лицо было изъедено страшной болезнью, покрыто маленькими оспинками.

Одна, другая слеза упала в неподвижную воду, поверхность ее чуть заколебалась — сломалось ее отражение.

И сломалась вся жизнь Загидат.

Сколько времени она просидела в тот день у речки, она не знает. Наверное, очень долго, потому что солнце прошло по всему небу и собиралось опуститься уже за плоскую вершину на западе. К действительности ее вернул голос Зубаира:

— Загидат...

Она вздрогнула, обернулась.

И Зубаир вздрогнул, когда она обернулась. В глазах у него промелькнуло изумление, ужас, растерянность, жалость — все вместе.

Долгие годы потом Загидат считала: не появись у него в глазах этого ужаса, этой жалости, она, может быть, не оттолкнула бы его от себя. И все было бы по-другому. И, только став взрослой женщиной, поняла: нет, она поступила правильно и не могла поступить иначе. Она слишком любила Зубаира, чтобы обречь его на жизнь с ней, такой вот теперь обезображенной, некрасивой. Он, возможно, никогда бы не вымолвил и слова упрека, все переносил бы молча. Но ведь он страдал бы, вечно носил бы в себе невысказанную боль. А этого она позволить не могла.

— Загидат, — сказал тогда еще раз Зубаир, немного оправившись от растерянности. — Не надо плакать. Ты ведь не виновата в этом несчастье.

— Кто плачет? Что тебе надо?! — зло крикнула Загидат.

— Ничего. Я пришел сказать тебе... что я... что мое отношение к тебе не изменится... Что я не оставлю тебя никогда.

— Врешь! Врешь ты все!

— Загидат!

— Пожалеть меня пришел, да? — Она соскочила с камня, встала перед ним — худая, неуклюжая, с еще более обезображенным гневом лицом. — Уходи! Отправляйся к своей красивой Джавгарат. Ненавижу тебя! Ненавижу всех людей! Ненавижу эти горы, эту речку! Уходи и не показывайся на мои глаза! Умерла Загидат, понятно? Нету ее больше на земле! И ты умер для меня...

Ох, как она, Загидат, была не права тогда! Во всем не права, в каждом слове. И что Зубаира ненавидела, и всех людей, и горы, и речку... Ведь это все дороже и дороже становилось ей потом...

Перевел с аварского Анатолий ИВАНОВ.

Продолжение следует.

ТЕАТР

ЗА СЕБЯ И ЗА ДРУГА

Ко дню рождения Всесоюзной ордена Ленина пионерской организации имени В. И. Ленина писатель Сергей Владимирович Михалков написал новую пьесу для детей — «Дорогой мальчик». И в этом несколько сентиментальном названии трудно угадать острую политическую тему комедии-памфлета, где слово «дорогой» — это просто цена человека в мире бизнеса и чистогана, где царит «свобода» разбоя и произвола. Богатые родители нередко должны выворачивать карманы для выкупа детей, ставших жертвой гангстерских замыслов... Вот такую именно ситуацию и предложил Московскому театру юного зрителя С. Михалков.

Главный режиссер театра П. Хомский решает постановку в форме, совершенно необычной для этого театра: «Телевизионный спектакль-фильм в шести сериях» — значится в программке. И сцена действительно смотрится, как огромный телеэкран с традиционной заставкой.

Перед зрителями на кадрах кинохроники возникает образ жизни Запада, его бешеный калейдоскоп: танцы, убийства, биржевая суета, расистский произвол... Это делает события спектакля, где действуют герои пьесы, мальчуганы Жора и Джордж, особенно убедительными. Первый из них — сын сотрудника советского посольства — по ошибке украден «специалистами» из шайки «Микки-Маус», промышляющей кражей «дорогих» детей.

Ошибка гангстеров обнаружилась, когда на конспиративную виллу доставлен и Джордж, отпрыск богатого папаши... В заточении мальчики скоро нашли общий язык, а Жора уж сумеет постоять и за себя и за нового друга!

Молодая артистка Б. Захарова с подкупающей искренностью играет своего Жору Тимохина, наделяя героя большим чувством достоинства. А заслуженная артистка РСФСР Л. Ахеджакова в роли Джорджа уловила в образе избалованного барчука признаки обыкновенного двенадцатилетнего мальчишки, которого гораздо больше волнует общество нового приятеля, чем судьба собственного разорившегося семейства.

Много выдумки проявили в оформлении спектакля художники — заслуженный работник культуры РСФСР Б. Баранов и Б. Бланк... В театре вообще нет такой должности — оператор: это работник кино; однако на сей раз миссия кинооператора М. Суслова оказалась в спектакле одной из главных.

Н. ЗЫБИНА

На снимке: Жора — Б. Захарова, Джордж — Л. Ахеджакова.

Фото Е. Умнова.

Ц. СОЛОДАРЬ

Фото В. ОВЧИННИКОВА.

ХОТЯТ БОЛЬШЕ ЗНАТЬ

Проснувшись, я включил нужный рычажок радиорепродуктора и услышал звонкий женский голос. Размеренно и четко, словно на школьном диктанте, звучали слова: «Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда...»

Согласитесь, услышать рано утром в токийском отеле «Косточку» Льва Толстого было неожиданностью. За занавешенным окном шумела Гиндза — самый оживленный район центра японской столицы, а я — все еще удивленно — внимал памятным с детства строкам из «Первой русской книги для чтения». И только после заключительной фразы «И все засмеялись, а Ваня заплакал» узнал, что токийское радио передавало очередной урок русского языка.

Почему я начинаю с этого эпизода? Потому, видно, что он может стать своеобразным и выразительным эпиграфом к моим беглым заметкам о двадцатидневном пребывании в Японии, где сейчас не может не броситься в глаза очевидное стремление японцев побольше узнать о нашей стране, о ее культуре и искусстве, о жизни и работе советских людей. Это особенно проявилось после пребывания министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в Японии. Именно после этого визита, как нам рассказывали в редакции старейшей японской газеты «Майнити», регулярные передачи «Изучайте русский язык!» ввели вслед за Токио радиовещательные компании еще трех крупных городов.

Запомнилось и красочное объявление в саппорском метро о краткосрочных курсах русского языка. Пожилая японка в традиционном кимоно и белых таби, резко контрастировавших с модным брючным костюмом и париком юной дочери, обратила ее внимание на это объявление. Девушка внимательно прочитала объявление и тут же достала блокнот и ручку...

Нас пригласили на завод фотоаппаратуры оптической фирмы «Кенон» в Кавасаки — небольшом городе между Токио и Иокогамой. Когда, следуя за конвейерной лентой, мы оказались среди контролеров готовой продукции, ко мне обратился пожилой мастер:

— Нет ли среди вас жителя Одессы?

— ?!

— Я живу в Иокогаме — побратиме вашей Одессы,— поспешил пояснить японец.— Говорят, у наших портовых городов, хотя один на Черном море, а другой на Тихом океане, много общего. Так хотелось бы побеседовать с жителем Одессы!

Мелкий штрих. Как, однако, убеждает он в том, что побратимство с советскими городами далеко не формальность для очень многих японцев, что они сердцем ощущают его!

Особенно значительные перспективы видят в расширении японо-советских связей деловые круги. Не случайно столь ревниво отнеслись торгово-промышленные деятели Токио и Осаки к тому, что соглашение со Всесоюзной торговой палатой о проведении у нас в стране выставки образцов японских товаров подписал мэр Иокогамы. Японские журналисты рассказывают, что токийские и осакские фирмы опасаются, как бы иокогамская промышленность не отодвинула их на этой выставке на второй план.

Характерно, что и люди, весьма и весьма далекие от руководящих торгово-промышленных кругов, тоже весьма пристально следят за тем, как развиваются японо-советские экономические связи. Почему в этом заинтересован, скажем, простой электромонтер Секантоя, с которым мы разговорились близ древнейшего буддийского храма Асакуса?

— Моя дочь работает на фабрике, где недавно начали вырабатывать новейшую синтетическую ткань. И если бы фирма получила советские заказы, возможно, моя дочь перестала бы быть только половинкой...

Половинкой?! Вначале я подумал, что либо ослышался, либо ошибся переводчик. Но мне разъяснили, что зачастую две девушки соглашаются работать за один оклад. А в некоторых торговых фирмах можно встретить даже трех девушек, делящих между собой один оклад. Но чем больше заказов, чем оживленней торговля, тем больше шансов у этих девушек на полный оклад. Вот почему с такой надеждой ищет на страницах газет отец «половинки» упоминание о «Кайдарэне» — так называется здание, где проходят экономические совещания советско-японского и японо-советского комитетов делового сотрудничества.

Прощаясь, монтер обратил мое внимание на портрет Людмилы Савельевой в роли Наташи Ростовой. На большой афише, рекламирующей фильм «Война и мир», актриса изображена на фоне массовой сцены боя. Секантоя улыбнулся девушке, чей озаренный любовью взгляд, очевидно, олицетворял для него мир, а затем выразительным жестом как бы перечеркнул батальную сцену — символ войны.

Торговля, наука, искусство, спорт, туризм. Во всех направлениях вырисовываются широкие горизонты для развития японо-советских контактов. И каждый, кто над этим задумывается, прекрасно понимает, что они могут и будут расти и крепнуть только в обстановке мира, о котором популярная японская пословица говорит, что он принадлежит всему миру.

Было бы, однако, иллюзией считать, что в Японии реакционные силы притихли. Как раз в те дни, когда японский конгресс борцов за мир в Азии проходил — впервые в истории движения сторонников мира — на Окинаве, милитаристские круги снова пытались превратить чуть ли не в национальное торжество возвращение в Токио сержанта Сиоти Иокои, «героя» второй мировой войны, числившегося без вести пропавшим. Он шумно декламировал свое решение учинить над собой харакири, чтобы сейчас, более четверти века спустя, искупить свое бесславное участие в «военном позоре» Японии.

Может быть, покровители и вдохновители вернувшегося «с того света» незадачливого сержанта хотели воскресить память об одном из главарей японских «ультра», Юкио Мисима, создавшего откровенно реваншистское «общество щитов». Чтобы спровоцировать выступления за насильственный пересмотр конституции в духе милитаристских тенденций, Мисима в конце 1970 года публично сделал себе харакири в здании военного штаба в Токио. Его именем поныне спекулируют всякого рода ассоциации и лиги, призывающие к кровавой расправе над силами мира и их прогрессивными руководителями.

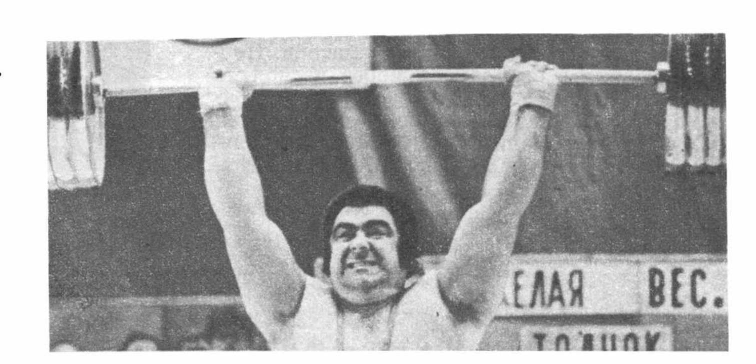
Сенсации с сержантом, однако, не получилось, несмотря на все старания и финансовую поддержку милитаристов. Особенно их огорчило полнейшее равнодушие к фанатичному сержанту со стороны молодежи, которую некоторые телевещательные корпора-

К ОЛИМПИАДЕ ГОТОВЫ

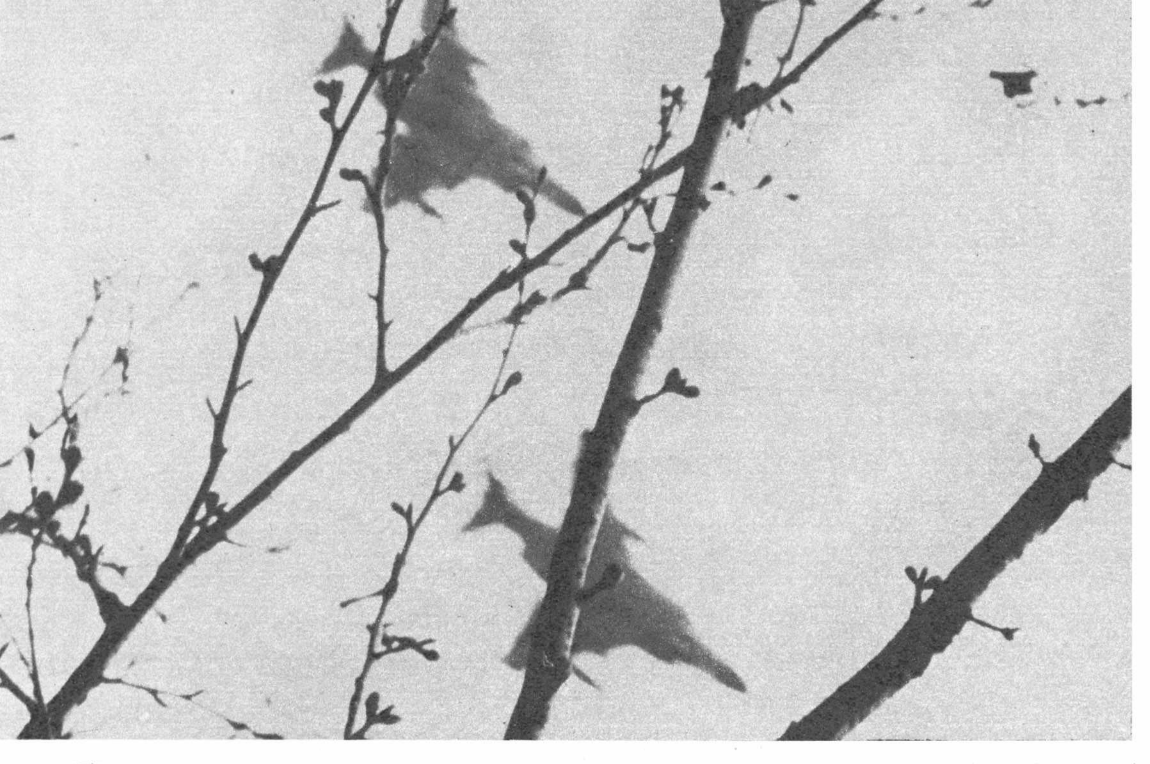
22 мировых рекорда на одном чемпионате! Чем вызвана такая щедрость штангистов? Старший тренер сборной Алексей Медведев отвечает на наш вопрос: «В Таллине штангисты чувствовали себя уже на олимпийском помосте».

В Доме спорта «Калев» работали как бы две судейские коллегии: одна официальная, которая фиксировала безошибочность всех попыток, другая негласная, состоящая из тренеров сборной команды, которая, основываясь на показанных результатах, выявляла кандидатов в олимпийскую команду. ...Серебряный призер Мексиканской олимпиады Дито Шанидзе ниспроверг мировой рекорд в троеборье своего главного соперника японца Иосинобу Миякэ, установленный три года тому назад, подняв в жиме, рывке и толчке 402,5 килограмма, и этот рекорд явился как бы прологом событий, которые развернулись в борьбе атлетов следующих весовых категорий. Новые мировые рекорды средневеса Бориса Павлова, полутяжеловеса Давида Ригерта, атлетов первого тяжелого веса Яна Тальтса и Павла Первушина могли бы стать украшением международных соревнований самого высокого разряда, а выступление Василия Алексеева принесло сразу пять мировых рекордов. Теперь мировой рекорд в жиме для штангистов второго тяжелого веса равен 236,5 килограмма, в толчке — 237,5 килограмма, а в сумме трех движений — 645 килограммам.

В. ВИКТОРОВ

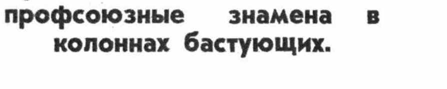

На помосте — Василий Алексеев.
Фото С. Мигдаля.

Ветки расцветающей сакуры и хищные силуэты американских «фантомов».

Примета японской весны — профсоюзные знамена в колоннах бастующих.

ции, несмотря на протесты прогрессивных людей Японии, усердно пичкают самурайскими передачами откровенно реваншистского толка. И все же студенты, например, пошли не на запланированные манифестации в честь полусумасшедшего сержанта, а на стихийные демонстрации против повышения платы за учение в высших учебных заведениях. Одну из таких демонстраций мы видели в Токио и смогли воочию убедиться, что так называемая «токубэцу — кидотай» — специальные полицейские подразделения для борьбы с демонстрациями еще не обречены на безработицу.

Отголоски окинавского конгресса борцов за мир не утихают уже длительное время. Они отражают движение протеста против соглашения с Соединенными Штатами о «возвращении» Окинавы. Крылатыми стали слова о копье и щите. Иносказательный смысл этих слов таков: с формальным возвращением Окинавы Японии американской военной авиации отводится роль разящего «копья», защитить которое призван «щит» — силы японской самообороны. Подобные перспективы, естественно, не устраивают население Окинавы и всей Японии.

Произносимое с горькой усмешкой слово «Окинава» приходилось слышать не только в разговорах о войне и мире. Оно стало нарицательным, когда речь заходит о любом неприглядном явлении или обычае, импортированном в Японию из Соединенных Штатов.

Два инженера фирмы «Кенон» рассказывали об огромном впечатлении от Дворца пионеров в Ленинграде, где они представляли свою фирму на промышленной выставке. Все в этом дворце, по их мнению, прививает детям дух человеколюбия и гуманизма. Разговор, естественно, зашел о японских детях. И вдруг один из моих собеседников с горечью признался, что любая реклама порнографического фильма или сунутая в руки на вечерней улице зазывалой из «сексшоу» сомнительная афишка неумолимо заставляет его с тревогой подумать о тринадцатилетней дочери-школьнице. Второй инженер тут же убежденно воскликнул:

— Окинава! Разве мыслим был у нас такой разгул порнографии до американцев!

Отец школьницы заметил, что наиболее безнравственны фильмы скандинавского производства. Но его друг упорно стоял на своем:

— А кто же, как не Окинава открыла этим фильмам доступ на японский экран!

И напомнил, что зверские драки на ринге под спортивным псевдонимом «прореслинг» тоже не что иное, как внешне японизированный вариант пресловутого американского кетча.

Один из вечеров мне посчастливилось провести в гостях у шофера Маисуры. Жена хозяина дома, кореянка по происхождению, спросила меня, правду ли ей сказали, что в Советском Союзе живут в добром согласии люди чуть ли не двадцати национальностей. Узнав, что не двадцати, а свыше ста, женщина тут же позвала из соседней комнаты одиннадцатилетнего сынишку и рассказала ему об этом.

Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной на столе не очень-то ладно смастеренный из дерева и пластика пейзаж японского леса. Но как он дорог мне, самодельный подарок японского школьника, сына шофера Маисуры! Мне кажется, я и сейчас слышу прощальные слова мальчика:

— Саё-нара, мата оай сима-сё! (До свидания, до встречи!)

По взглядам матери и отца нетрудно было догадаться, что они хотят для своего сына только мирных встреч.

...В первые же часы по возвращении на Родину я ощутил потребность перечитать изданную у нас пьесу выдающегося современного японского драматурга Дзюндзи Киносита «Успение лягушки». Эта талантливая комедия убедительно показывает борьбу новой, молодой Японии с представителями реакционных сил.

Молодая героиня пьесы Кэро, бросая вызов своему отцу — реакционному политикану, лелеющему мысль о военном реванше, завершает свою роль таким возгласом:

— Я хочу жить честно!..

Не преувеличу, если скажу, что встретил в Японии немало людей — и не только молодых! — чьи взгляды и чаяния дают им право на такой же возглас — искренний, чистосердечный, зовущий.

ХОККЕЙ И ВЕСНА

Весна — пора дебютов. Каждый год тренеры сборных команд представляют молодую поросль своего хоккея. Каждый год мы знакомимся с одаренными хоккеистами, будущими звездами, принимающими эстафету высшего мастерства у своих старших товарищей. Чемпионаты мира — та арена, где проверяется степень искусства молодых спортсменов, и нынешний турнир не стал исключением.

В первом матче нашей команды в ее составе появились два новобранца — защитник Александр Гусев из ЦСКА и нападающий Вячеслав Солодухин из ленинградского СКА. Строго говоря, был в этот день и еще один дебютирующий на чемпионатах мира игрок — московский армеец Юрий Блинов, но, право же, называть его новичком как-то неловко: ведь Юрий — олимпийский чемпион, успешно выступавший в Саппоро.

В роли дебютантов выступают и наставники нашей сборной — Всеволод Михайлович Бобров и Николай Георгиевич Пучков, заменившие на капитанском мостике прославленных руководителей одиннадцатикратных чемпионов мира Аркадия Ивановича Чернышева и Анатолия Владимировича Тарасова. А спустя несколько дней в игру включились и остальные новички — ленинградский вратарь Владимир Шеповалов и нападающий Вячеслав Анисин из команды «Крылья Советов».

Для стража ворот дебют оказался драматическим. Шеповалов пропустил гол, который в газетах назвали гротескным. Конечно, казус мог надолго испортить настроение, но новичок сборной справился с разочарованием и сумел проявить все свои достоинства.

Есть новички и у наших соперников, и в частности в составах сборных, претендующих на призовые места. В чехословацкой команде появился интересный защитник Кужела, который успешно действует и в атаке. Сразу несколько новичков и в «Тре крунур», — защитники Юханссон, Сальминг, Сундквист и нападающий Ларссон.

Меняется хоккей, и время требует новых исполнителей, мастеров новой формации, и нового понимания сути игры. Любители спорта постарше легко припомнят, что десяток лет назад хоккеисты ведущих звеньев находились на площадке по полторы-две минуты. Сейчас игроки за сорок секунд игры выматываются до предела.

И еще один штрих, характеризующий пражский чемпионат. Несобранность, малейшая растерянность или, тем более, недооценка соперников наказывались немедленно. В матче первого круга сборных Чехословакии и Швеции защитники «Тре крунур» буквально на какие-то доли секунды потеряли шайбу, и тут же последовала расплата — Иржи Холик мгновенно удвоил счет.

В середине чемпионата определилась расстановка сил в турнирной таблице. Лидерство захватили сборные Советского Союза и Чехословакии. Две ведущие команды, которые на последнем мировом первенстве поделили почетные титулы (в Швейцарии, на катках Берна и Женевы, наши хоккеисты стали чемпионами мира, а чехословацкие — чемпионами континента), и сейчас самые реальные претенденты на золотые медали.

Когда читатели получат этот номер журнала, они уже будут знать, какой команде удалось успешнее пройти долгий и трудный путь чемпионата в Праге весенней, в Праге хоккейной...

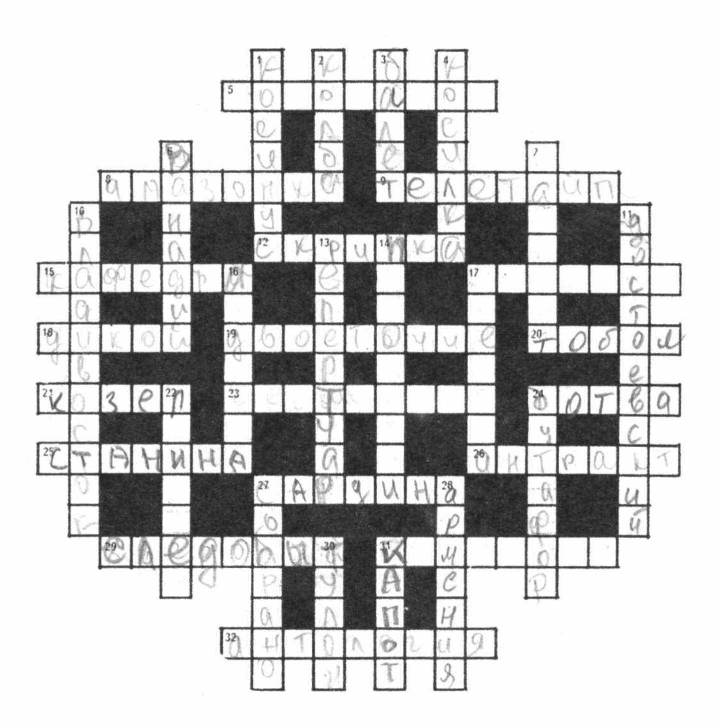
Олег СПАССКИЙ

Прага, по телефону.

Играют сборные СССР и Чехословакии. Борьба у ворот чехословацкой команды. Слева направо: вратарь Холечек, нападающие Мальцев и Харламов.

Фото ЧТК — ТАСС.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Рассказ М. Горького. 8. Река в Южной Америке. 9. Телеграфный аппарат. 12. Струнный инструмент. 15. Возвышение для лектора, оратора. 17. Художественный прием в литературе. 18. Персонаж драмы А. Н. Островского «Гроза». 19 Знак препинания. 20. Приток Иртыша. 21. Спортивный снаряд. 23. Отрасль геологии. 24. Стебли корнеплодов. 25. Основная корпусная часть машины. 26. Перерыв между отделениями концерта. 27. Морская рыба. 29. Роман Ф. Купера. 31. Областной центр в РСФСР. 32. Сборник избранных произведений художественной литературы.

По вертикали: 1. Тригонометрическая функция. 2. Лабораторный сосуд. 3. Вид театрального искусства. 4. Сельскохозяйственное орудие. 6. Химический элемент. 7. Совокупность оборудования верхней палубы корабля. 10. Порт на Тихом океане. 11. Русский писатель. 13. Подбор пьес, исполняемых в театре 14. Картина И. М. Прянишникова. 16. Птица отряда куликов. 17. Остров в Атлантическом океане. 22. Стихотворение в восемь строк. 24. Театральный работник. 27. Женский голос. 28. Союзная республика. 30. Город во Франции. 31. Откидная металлическая покрышка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16.

По горизонтали: 7. Некрасов. 8. Бруствер. 9. «Спартак». 12. Коврига. 13. Атабаска. 14. Кроки. 16. Район. 17. Павлов. 18. Эквилибристика. 20. Сафьян. 22. Шасси. 24. Ртуть. 26. Вронский. 28. Бригада. 29. Ошибень. 30. Чечевица. 31. Сангилен.

По вертикали: 1. Верстак. 2. Титовка. 3. Декабрь. 4. Осака. 5. Дудка. 6. Немиров. 10. Катализатор. 11. «Псковитянка». 15. Иравади. 16. «Ревизор». 19. Галилей. 21. Стрепет. 23. Стапель. 25. Тбилиси. 26. Ватин. 27. Ионна.

На первой странице обложки: Молдавия. Командир самолета Петр Симак совершает за день более 50 вылетов на подкормке озимых. **Внизу:** самолет над полями колхоза имени Сергея Лазо.

Фото Э. Эттингера.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 3/IV-72 г. А 00663. Подп. к печ. 18/IV-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7 0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 916. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2755.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Взятие снежного городка.

СЕВЕРНЫЙ

Фото К. КАСПИЕВА.

Вокруг все еще лежит снег, глубокий и чистый, кажется, он еще глубже и чище, когда мягкие голубые тени лягут поутру, а поднявшееся солнце затопит все вокруг таким ярким светом, что глядеть больно. По вечерам еще крепок мороз, луна окружена радужными ореолами, но, как бы там ни было, весна на севере чувствуется во всем: в потемневшем и словно бы ставшем гибче тальнике на реке, в стукотне за окном, чуть только перевалит за полдень, побегут по сосулькам живые капли, в солнце, которое не просто светит, а целыми днями играет в небе, в вечерних синих сумерках. Во всем чувствуется весна, но главное — она в человеке, в его улыбке, в веселой шутке, в глазах девчонок и в веснушках мальчишек, в неторопливой походке охотников, вернувшихся из тайги, в легкой, уже весенней одежде оленеводов.

В северной Катанге, что раскинулась вдоль Нижней Тунгуски, весну принято встречать праздником охотника и оленевода.

С утра заговорили под убранными лентами дугами колокольцы на русских тройках, заспешили по улице оленьи упряжки, и люди от мала до велика вышли из домов встретить весну, встретить веселый санный и нартовый поезд, что открыл их традиционный праздник.

Вихрем пролетело широкой улицей многоцветье лент, ярких костюмов, заплетенных конских грив, туда, вниз, к широкому пологу Тунгуски. И на реке в веселом гомоне, песнях и смехе забурлил, заискрился северный праздник. Нынче его посвятили катангчане 50-летию образования Советского Союза.

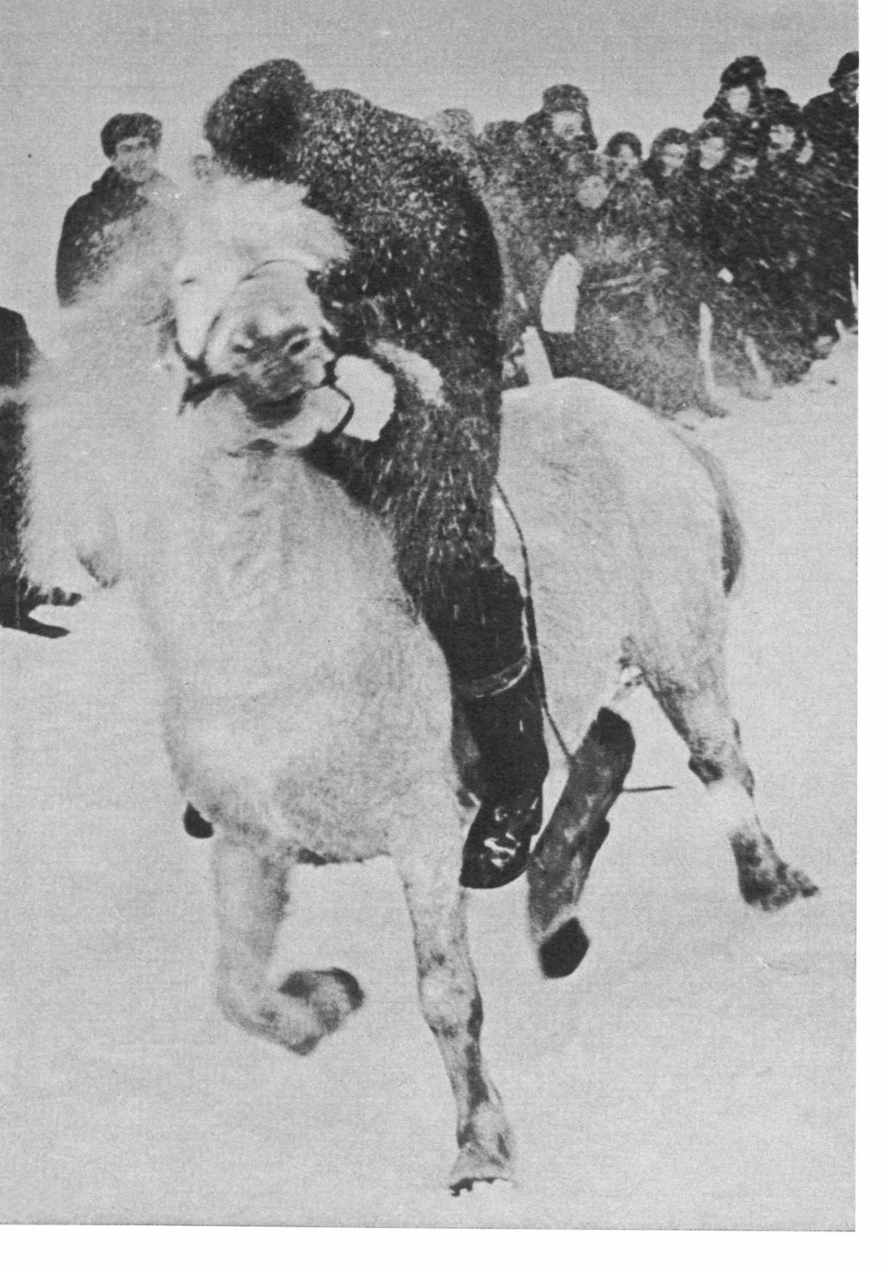
Весело, задорно пляшут на льду эвенки и русские национальный эвенкийский танец, а рядом с гиканьем и шумом идет штурм снежного городка... Оленеводы соревнуются в быстрой езде на верховых оленях и в гонках на нартах... Дружными аплодисментами откликаются зрители на меткий выстрел охотников... «А из-за лесов синих, из-за рек глубоких» приехали на праздник три былинных русских богатыря — Добрыня Никитич, Илья Муромец да Алеша Попович...

А вечером в клубе неторопливо звучат деловые, короткие речи промысловиков. Хорошо потрудились нынче охотники в тайге. План по пушнине во всех промысловых хозяйствах перевыполнен, и от этого еще веселее, еще шире их праздник. Праздник весны и дружбы.

Ю. СБИТНЕВ

Катангский район,
Иркутской области.

АПРЕЛЬ

Мы танцуем эвенкийский танец.

Богатырское слово.

С любимым зайчиком на праздник.

Скоро здесь прозвучит: «Нет ли билетика на Восточную!»

— Куда на субботу и воскресенье!
— Конечно, в Медео!

МЕДЕО !

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.

Баррикады на пути селевых лавин с гор.

Общий вид строительства высокогорного катка.

